

ПАВЕЛ НЕРДЕР

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
И АМЕРИКА

МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАБИНЕТ МАНДЕЛЬШТАМОВЕДЕНИЯ ПРИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ РГГУ

Павел НЕРЛЕР

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И АМЕРИКА

(Издание второе, исправленное и дополненное)

Москва
Издательство «Вердана»
2012

УДК 820.091 (08)
ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 6
Н 54

Редколлегия серии

С.В. Василенко, Л.М. Видгоф,
О.А. Лекманов, П.М. Нерлер (отв. редактор)

Нерлер П.М.

Н 54 **Осип Манделъштам и Америка.** Изд-е 2-е, дополненное и переработанное. М.: Изд-во «Вердана», 2012. – 254 с. (Записки Манделъштамовского общества. Т. 21).
ISBN 978-5-901439-48-7

Исторически сложилось так, что в процессе мирового освоения и изучения творчества Манделъштама совершенно исключительная роль принадлежит США. Именно здесь был издан первый посмертный однотомник поэта (1955, Нью-Йорк, изд-во им.Чехова) и первое многотомное Собрание сочинений (1964-1971, Вашингтон, изд-во «Международное литературное содружество»). Эти издания стали своего рода «гарантом» того, что великая поэзия, с риском для жизни сохраненная его вдовой, друзьями и читателями, не погибнет. На основе Собрания сочинений в 1974 году в США, в Корнелльском университете (Итака) был издан первый конкорданс к произведениям О.Манделъштама. Именно в США сложились целые исследовательские школы и направления, в значительной степени сориентированные на изучение творчества О.Манделъштама. Наконец, судьбе было угодно, чтобы именно в США попал на вечное хранение и основной массив документов о жизни и творчестве Манделъштама – его семейный архив, в 1976 году подаренный его вдовой Принстонскому университету. В книгу вошли статьи и публикации П.Нерлера, посвященные эволюции отношения О.Манделъштама к Америке как к культурному феномену и отношению Америки к поэту. По сравнению с первым изданием текст существенно переработан и добавлено четыре новых очерка.

ISBN 978-5-901439-48-7

© П.Нерлер (текст), 2012

© Изд-во «Вердана», 2012

© Дизайн обложки М.А.Ермолин, 2012

*Посвящается Кларенсу Брауну –
старейшине американского мандельштамоведения*

ОТ АВТОРА

В ноябре 1991 года в Нью-Йорке, в Хантер-колледже, состоялась первая в США мандельштамовская конференция, устроенная Александром Глезером¹. Пишущий эти строки, вместе с Е. Сидоровым, Е. Рейном и А. Кушнером, входил в число российских участников. Вспоминается многое, в том числе и приходы «к нам», в дом А. Глезера, Иосифа Бродского, с которым уже лично познакомилась летом того же года в Лондоне.

Но кульминацией того первого посещения Штатов стал, бесспорно, блиц-визит в Принстон – первое знакомство и общение с изысканным Кларенсом Брауном в его башенном готическом кабинете, со строгим и подтянутым Доном Скемером, директором Отдела рукописей и редких книг Файерстоунской библиотеки, с широко улыбающейся Ниной Шапиро, славянским библиографом библиотеки, а также с Еленой Алексеевой, на удивление суровым энтузиастом описания мандельштамовского архива.

С тех пор, как именно здесь, в Принстоне, получил свою окончательную оседлость семейный архив О. Мандельштама, он стал «Меккой» еще и для мандельштамоведов. И вот в 1998 году, поддержанный рекомендациями Майкла Вахтеля и Омри Ронена, я подал заявку в московское представительство Фонда Фулбрайта и получил грант на 10-месячную стажировку в Штаты для работы в Отделе редких книг и рукописей Файерстоунской библиотеки Принстонского университета. Эти 10 месяцев – с марта по декабрь – пролетели невероятно быстро, вобрав в себя, впрочем, и многочисленные поездки в Нью-Йорк, Бостон, Вашингтон, Стэнфорд, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Амхерст, Итаку и Боулдер, – поездки, переполненные архивами, библиотеками, докладами и встречами с коллегами в этих городах и их окрестностях.

Темой моей стажировки были источники к мандельштамовской биографии в принстонском собрании, и я с удовольствием приехал сюда еще раз спустя два года, в 2001 году, когда, при поддержке Ин-

¹ Нерлер П. Мандельштамовская конференция в США // Русская мысль (Париж). 1991. 13 декабря. С.16.

ститута Кеннана, принстонским славистам и Мандельштамовскому обществу удалось провести здесь еще и коллоквиум, посвященный 25-лу в Институт Кеннана в Вашингтоне и в 2009 году в Йельский университет – добавили в мою «мандельштамотеку» множество новых библиотечных, архивных и личных впечатлений.

Усвоением и разработкой всех накопленных мною за 20 лет американских сокровищ я занимался на протяжении всех этих лет. Выражением моей искренней благодарности – благодарности спонсорам и работникам университетских служб, благодарности всем коллегам и друзьям – за их всестороннюю поддержку и помощь и является настоящая книга.

Боясь упустить кого-то, я не рискнул попробовать вынести все имена в эту преамбулу. Но в посвящении книги Кларенсу Брауну, старейшине американского мандельштамоведения, – частичка моей благодарной памяти и обо всех остальных. По случайному стечению обстоятельств – в связи с моей фулбрайтовской лекцией в Ставропольском университете в феврале 2012 года – книга вышла в год 70-летия со дня основания американского же «Нового журнала», на страницах которого всегда находилось место для воспоминаний и штудий о Мандельштаме.

В первое издание этой книги, вышедшее в феврале 2012 года попечением Программы Фулбрайта в издательстве Ставропольского государственного университета тиражом 200 экземпляров, были включены три материала: две статьи – «Мандельштам и Америка»² и «Материалы об О.Э.Мандельштаме в американских архивах»³ и одна обширная публикация: «К истории издания первого собрания сочинений О.Э.Мандельштама (по материалам переписки Б.А.Филиппова и Г.П.Струве)»⁴.

² Впервые: НЖ. Кн.258. Март 2010. С.99 -113.

³ Впервые: Россия в США. 50-летию Бахметьевского архива Колумбийского университета посвящается. / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. VII. М., 2001. С.90-123 (здесь – сильно сокращено).

⁴ Составившие этот раздел материалы впервые были опубликованы в нью-йоркском «Новом журнале» в 2010-2011 гг. под объединяющей шапкой «Мандельштам и “Борисоглебский союз”/ Переписка Бориса Филиппова и Глеба Струве. К истории издания первого Собрания сочинений О.Э.Мандельштама» (Кн.258. Март 2010. С.113-119; Кн.260. Сентябрь 2010. С.106-140; Кн.263. Июнь 2011. С.182-200). См. в сети: <http://www.newreviewinc.com/archive>. Здесь даются в иной, авторской, редакции, отчасти расширенной за счет материалов о «пикировке» Струве и Филиппова с Г.Ивановым и Р. Гулем, но одновременно и сокращенной – за счет отказа от фрагментов с текущими разысканиями корреспондентов в области пополнения библиографии Мандельштама.

Второе издание, ставшее возможным благодаря частной спонсорской поддержке, существенно переработано во всех своих элементах. Оно отличается от первого не только исправленными опечатками, восстановленной иллюстрацией и обширными уточнениями по тексту, но и весьма расширенным составом.

В книгу добавлено четыре очерка, как бы продолжающие тему переписки между Г.Струве и Б.Филиппова вокруг подготовки мандельштамовского однотомника 1955 года. Первый – «На воздушных путях: о распространении вестей и о невидимой стороне Тамиздата» – посвящен тому информационному полю, в котором осуществлялась подготовка и издание уже многотомника. Второй – «Явление позднего Мандельштама читателю: “Воздушные пути”» – мировой премьеры «Новых стихов» Мандельштама в альманахе «Воздушные пути», третий – «Юрий Иваск и благодать поэзии» – И, наконец, четвертый – «Мандельштамовские дни и вечера в Альбионе и Новом Свете» – первым мандельштамовским вечерам и конференциям, проходившим в США или связанным с ними⁵.

Сердечно благодарю тех, кто в героические сроки подготовки этого переиздания просмотрел рукопись или ее фрагменты и дал свои – с благодарностью мною учтенные – замечания и подсказки: М. Адамович, Н. Богомолова, С. Василенко, З. Давыдова, Л. Кациса, А. Поморского и Л.Флейшмана.

В книге встречаются или приняты следующие сокращения:

ВП – «Воздушные пути», альманах в Нью-Йорке

Г.И. – Г.В.Иванов,

Г.С. – Г.П.Струве

М. – О.Э.Мандельштам

НЖ – «Новый Журнал» (Нью-Йорк)

Н.М., Н.Я., НЯМ – Н.Я.Мандельштам

НРС – «Новое русское слово» (Нью-Йорк)

О.М., ОЭМ – О.Э.Мандельштам.

РМ – «Русская мысль» (Париж)

РН, РНГ – Роман Николаевич Гринберг

⁵ См. наши предваряющие публикации: Мандельштамовская конференция в Лондоне. // Сохрани мою речь. Вып. 3/2. М., 2000. С.7-9; Мандельштамовская конференция в США // РМ. 1991. 13 декабря. С.16.

Тройственный союз. – Георгий Иванов – Ирина Одоевцева – Роман Гуль. Тройственный союз. Переписка 1953-1958 годов / Публ., сост. и коммент. А.Ю.Арьева и С.Гуаньелли. СПб: Петрополис, 2010. 632 с.

Л.Флейшман – Л.Флейшман. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве. // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. – Stanford, 1987. С.15-70.

Все цитаты из Мандельштама (кроме тех, что в переписке) даются по 4-хтомному собранию сочинений О.Э.Мандельштама, выпущенному Мандельштамовским обществом в 1993-1997 гг.

Павел Нерлер

МАНДЕЛЬШТАМ И АМЕРИКА

Век Манделъштама

Когда организаторы лучшей манделъштамовской конференции, прошедшей в 1991 году в Лондоне под патронажем Исая Берлина и Иосифа Бродского, назвали ее «Столетие Манделъштама», они вкладывали в это название не только дань памяти календарному юбилею поэта, но и то особое отношение, установившееся у Осипа Манделъштама (далее – О.М.) с веком, в котором он жил и который, по праву, называл своим.

Бесспорно, он был одной из центральных фигур русской поэзии уходящего XX века. Его изощренно-гениальные стихи, как лирические, так и гражданские, сохраняя верность традициям Пушкина и Тютчева, открыли в русской поэзии новые горизонты и пласты – «пласты», во многом определившие все последующее ее развитие. Его неотрывная от стихов проза явилась блистательным образцом словесной и образной яркости и свежести и основала новое жанровое понятие в русской литературе – «проза поэта».

Взятое в целом, творчество Манделъштама вошло в резонанс с его личной судьбой и русской советской историей. При жизни его травили, различали с читателем (основная часть его поздних стихов была напечатана только спустя 20-30 лет после его смерти, да и то не на родине, а на Западе; основной формой его «хождения» в СССР был «самиздат»), наконец, политически преследовали (несколько арестов, ссылка в Чердынь и Воронеж, роковая отправка на Колыму). Все это, в особенности, его знаменитая эпитафия на Сталина и мученическая смерть в гулаговском пересыльном лагере под Владивостоком, принесли ему прочную читательскую любовь и поставили в самый центр своеобразного мифологического противоборства Поэта и Тирана, весьма значимого для понимания века. Воспоминания его вдовы, Надежды Яковлевны Манделъштам (далее – Н.М.), переведенные на все европейские языки, отнюдь не создали, а лишь только закрепили эту трагическую мифологию.

Сегодня его литературное и историческое значение, равно как и читательское признание (в России и во всем мире) является поистине мировым

и не оспаривается уже никем. Его произведения, в том числе и несколько многотомных собраний сочинений, изданы миллионными тиражами на всех основных европейских и азиатских языках, о нем написаны тысячи статей, опубликованы сотни книг и защищены десятки диссертаций. Не случайно, что именно на мандельштамовском “материале” складывались и формировались многие методологические парадигмы современной филологии (как, например, интертекстуальный анализ и др.). Мандельштамоведение является, бесспорно, одной из самых динамичных ветвей русской филологии.

В четырех городах – Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже и Владивостоке – установлены памятники поэту, еще в девяти местах – Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже (дважды), Париже, Гейдельберге, Чердыни, Саматихе и Кимрах (Савелово) – установлены мемориальные доски в его честь. В России, Италии, Англии, США, Франции, Швейцарии, Польше и Армении проходили посвященные ему симпозиумы. Мандельштамовских музеев в классическом смысле слова хотя еще и нет, но в подмосковном Фрязино уже открылась специальная библиоэкспозиция, посвященная жизни и творчеству поэта. Весной 2012 года в Варшаве ожидается открытие первой улицы Мандельштама.

В 1991 году было создано международное Мандельштамовское общество, объединяющее несколько сот членов, в том числе и американских, и осуществляющее многочисленные проекты, главными из которых на сегодняшний день являются подготовка и издание Мандельштамовской энциклопедии, объединенного цифрового интернет-архива поэта, а также нового многотомного собрания сочинений Мандельштама.

Мандельштам и Америка

Мандельштам родился в ночь со второго на третье (а по новому стилю – 15) января 1891 года на одном, самом западном, конце огромной Российской империи – в Варшаве, а умер, вернее, погиб – на другом, самом восточном – под Владивостоком.

Дата его рождения имеет и провиденциальное отношение к нашей теме. Тысяча восемьсот девяносто первый год – это год депортации евреев из Москвы и Ростова-на-Дону и начала первого массового исхода евреев из России (главным образом в США и в Палестину). И

сложись судьба Осипа Эмильевича (вернее, его родителей) иначе, то и он бы мог угодить в Америку и чуть ли не в возрасте пеленашки.

Но его отец был ремесленником (кожевенником) и купцом второго гильдии, и это вырывало его и его семью из тисков черты оседлости. В результате семья хотя и переехала, но не так радикально: из Варшавы в Павловск, а затем из Павловска – в Санкт-Петербург.

Так началась жизнь этого необычайно подвижного применительно и ко времени, и пространству человека, которому, и без путешествия в Новый Свет, суждено было «намотать» десятки тысяч вольных и невольных километров.

Здесь не место описывать все его поездки и бродяжничества, включая и последнее из его «путешествий» – на Колыму, куда он так и не доехал: «На вершок бы мне синего моря, на игольное б только ушко!..».

А вот о нескольких его поездках за границу – в Европу – несколько слов скажу.

Пришлись они все на непродолжительный период времени с осени 1907 по осень 1910 года (возможно, обусловленный сроком годности его российского заграничного паспорта). За это время «выездной» О.М. побывал самое меньшее в четырех европейских странах – Франции, Италии, Швейцарии и Германии.

Во Франции, в Париже – между сентябрем 1907 и мартом 1908 года. Жизнь в Латинском квартале, два неполных семестра в Сорбонне и в Коллеж де Франс, лекции Бергсона и Бедье, на всю жизнь сохранились любовь к старофранцузской литературе, но в особенности – к Франсуа Вийону (которого он всю жизнь выговаривал на старинный манер: Виллон).

В Италии О.М. побывал дважды: в августе 1908 года – всего на несколько дней и тайком от матери – и в начале марта 1910 – сразу на несколько недель: Венеция, Флоренция с Тосканой, Сьена, Рим. А в 1932-34 – Италия, вернее итальянцы – Дант, Ариост, Петрарка, – завладели всем его существом.

Швейцария – в основном транзитом, но транзит был, как правило, неспешным, и в Монтре или в Беатенберге Мандельштам задерживался на недели.

Два путешествия в Германию. Главное – с начала осени 1909 года по начало весны 1910 года: семестр с небольшим в Гейдельбергском университете, лекции Виндельбанда, Ласка, Фритца Ноймана, Тодэ!..

А в июне 1910 года – Целендорф под Берлином, куда он сопровождал приехавшую на воды лечиться мать. Кстати, возвращаясь в Россию в середине октября 1910 года, О.М. был задержан на границе с Восточной Пруссией из-за просроченного заграничного паспорта (после чего он еще и потерял билет, так что от Двинска он ехал и вовсе безбилетником в кондукторском купэ).

Именно тогда, в годы европейских путешествий, закладывался **европеизм** Мандельштама – одно из определяющих качеств его личности, то чувство личной, органической и, если угодно, кровной причастности к общеевропейской культуре, внутреннее разнообразие которой никогда не было серьезной помехой чувству привязанности к общеевропейскому дому. Только с таким, если угодно, европоцентрическим мироощущением и можно было написать о Европе так геополитически широко и историсофски глубоко, как это сделал О.М. в сентябре 1914 года, откликаясь на первые события начала Первой мировой войны.

ЕВРОПА

*Как средиземный краб или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк.
К широкой Азии, к Америке привык,
Слабеет океан, Европу омывая.*

*Изрезаны ее живые берега,
И полуостровов воздушны изваянья;
Немного женственны заливы очертанья:
Бискайи, Генуи ленивая дуга.*

*Завоевателей исконная земля –
Европа в рубище Священного союза –
Пята Испании, Италии Медуза
И Польша нежная, где нету короля.*

*Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, –
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!*

Но без осознания, без учета этого европеизма и европоцентризма Мандельштама невозможно было бы понять и его отношение к Америке – стране эмигрантов и эмиграции.

Тема эта отнюдь была не чужда О.М. Но, побывав за границей, ощутив весь уют и соблазн Европы, он тем не менее твердо вернулся в Россию. А размышления над судьбой и творчеством Петра Чаадаева помогли ему выразить суть своего отношения к эмиграции.

Вот цитата из его статьи «Петр Чаадаев», написанной в 1914 и опубликованной в 1915 году в журнале «Аполлон»:

«...Мысль Чаадаева, национальная в своих истоках, национальна и там, где вливается в Рим. Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущенное,

конкретнее самого исторического Запада. Чаадаев именно по праву русского человека вступил на священную почву традиции, с которой он не был связан преемственностью.

Туда, где все – необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный. Эта свобода стоит величия, застывшего в архитектурных формах, она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры...

...У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществлялась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Чаадаев принял ее, как священный посох, и пошел в Рим.

...Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся. Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душной Москве задохнулись бы вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима.

...Чаадаев был первым русским, в самом деле, идейно, побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно.

Современники это инстинктивно чувствовали и страшно ценили присутствие среди них Чаадаева.

На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данте: «Этот был там, он видел – и вернулся».

А сколько из нас духовно эмигрировали на Запад! Сколько среди нас – живущих в бессознательном раздвоении, чье тело здесь, а душа осталась там!..»

Иначе говоря, О.М. ощущал себя причастным к своеобразной чадаевской традиции – традиции тех, кто, побывав на Западе, нашел в себе достаточно сил, чтобы не остаться там навсегда и вернуться (чисто биографически у этого имелся и еще один испытательный стенд: в 1922 году литовский посол в России и русский поэт Балтрушайтис предлагал Мандельштаму уехать, но тот остался).

В несколько иронической плоскости это выразилось и в шуточном четверостишии, адресованном к Бенедикту Лившицу:

*Ubi bene, ibi patria, –
Но имея другом Бена
Лившица, скажу обратное:
Ubi patria, ibi bene.*

... Впрочем, то утверждение, что, начиная с осени 1910 года, О.М. за границей не бывал, все же нуждается в оговорках. Да, за старой границей старой Российской империи – он действительно более не бывал, а вот за новой границей нового советского государства – побывать успел и даже тюрьмы «заграничные» перепробовал. Ведь ни врангелевский Крым, ни меньшевистская Грузия, ни даже Украина, где в мае 1919 года он встретился и сошелся с Надей Хазиной – своей будущей женой, в то время Советской Россиию не являлись. В Грузии, где посланником РСФСР был мандельштамовский знакомый Легран, школьный товарищ Гумилева (кстати, и сообщивший ему о расстреле Николая Степановича), он даже некоторое время как бы служил при российской миссии и в Петербург осенью 1920 года возвращался, фактически исполняя миссию дипкурьера.

Но, как бы то ни было, за пределы Старого Света Мандельштам уж точно не выбирался. Так что, в отличие от Маяковского, Есенина, Тихонова, Ильфа с Петровым или Пильняка, лично Осип Эмильевич Мандельштам и Соединенные Штаты Америки знакомы не были. С точки зрения русской литературы урон незначительный: ведь и перечисленные авторы меньше всего обязаны своей славой произведением, написанным в Новом Свете или о Новом Свете.

Несмотря на отсутствие прямых и непосредственных впечатлений, ясное и вполне живое представление об Америке у Мандельштама было, как был и интерес (хотя бы, поначалу, и отрицательный). Аме-

рика встречается у него десятки раз, и самый анализ этих упоминаний оказывается весьма интересным и поучительным. Своим отношением к Америке О.М. отчетливо обязан прежде всего (но не исключительно) своему органическому европеизму.

Америка, которая уже упоминалась выше (в стихотворении „Европа“ 1914 года), была как бы самой настоящей географической Америкой – материком, омываемым океаном и еще не „аннексированным“, по точному замечанию Маяковского, одним-единственным государством, неудержимо завладевшим немалой толикой земли, а затем и целым именем и этого материка с той поры не выпускающим его из крепчающих рук.

В таком своем качестве – в качестве Северо-Американских Соединенных Штатов (или С.А.С.Ш., как именовали США в Европе ранее) Америка и американцы попали в стихи Мандельштама еще в 1913 году (не позднее июня). Вот первое из двух стихотворений того времени, где „Америка“ проникла даже в заглавие.

АМЕРИКАН БАР

*Еще девиц не видно в баре,
Лакей невежлив и угрюм;
И в крепкой чудится сигаре
Американца едкий ум.*

*Сияет стойка красным лаком,
И дразнит сода-виски форт:
Кто незнаком с буфетным знаком
И в ярлыках не слишком тверд?*

*Бананов груды золотая
На всякий случай подана,
И продащица восковая
Невозмутима, как луна.*

*Сначала нам слегка взгрустнется,
Мы спросим кофе с кюрассо.
В пол-оборота обернется
Фортуны нашей колесо!*

*Потом, беседуя негромко,
Я на вращающийся стул
Влезаю в шляпе и, соломкой
Мешая лед, внимаю гул...*

*Хозяйский глаз желтей червонца
Мечтателей не оскорбит...
Мы недовольны светом солнца,
Теченьем медленных орбит!*

Оно было напечатано в 7-м номере журнала «Аргус» за 1913 года и, видимо, было списано с натуры, поскольку в Петербурге, при ресторане «Медведь» (Большая Конюшенная, 27) действительно имелось заведение, именовавшееся «Американ Бар».

А вот второе, образующее с первым своеобразный диптих, причем в отличие от первого – оно даже попало в книгу „Камень“.

АМЕРИКАНКА

*Американка в двадцать лет
Должна добраться до Египта,
Забыв “Титаника” совет,
Что спит на дне мрачнее крипта.*

*В Америке гудки поют,
И красных небоскребов трубы
Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.*

*И в Лувре океана дочь
Стоит прекрасная, как тополь;
Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.*

*Не понимая ничего,
Читает “Фауста” в вагоне
И сожалеет, отчего
Людовик больше не на троне.*

Как видим, он смотрит на Америку, как истинный европеец, и сквозь призму старой европейской культуры американские достижения в области цивилизации вызывают у него сначала и прежде всего устойчиво ироническую улыбку, даже усмешку. Американские романы или фильмы, да и сами живые американцы и американки где-нибудь в Лувре или на Елисейских полях, – и вправду давали для этого сколько угодно поводов. Признаки ханжества или дикарства буквально бросались в глаза.

Мандельштам от души, но не едко иронизирует над американской туристичностью, над американской поверхностностью, над американской непричастностью, – а то, если хотите, и враждебностью, – культуре, отождествляемой им с европейской традицией. При этом он и сам, конечно, рискует впасть в поверхностность и односторонность, рискует – но все-таки не впадает.

Интересно, что и представления О.М. о самой Америке отнюдь не поверхностные, посмеивается или подшучивает он не просто походя, а, так сказать, со знанием дела. Многое он неожиданно хорошо знает („а красных небоскребов трубы“ – это же никогда не виданный им Манхэттен начала века!), но он понимает и то, что есть и другая Америка, к которой он подспудно питает и уважение, и даже восхищение, но встреча с которой еще у него не произошла.

Поэтому он подчеркнуто настаивает на своем первом впечатлении, дав своего рода развернутый комментарий к этому диптиху в своей рецензии на один плохой перевод Джека Лондона¹, опубликованной в „Аполлоне“ все в том же 1913 году. Тут уж он отпустил вожжи и пустил свою язвительность галопом:

«...Анемичному русскому обывателю необузданный здоровяк Лондон пришелся как нельзя более по вкусу: его герои живут особенно охотно за полярным кругом, отличаются железной выносливостью, пьют виски, как воду, и т. п. Однако связь этого мнимого дикаря с новейшим, чисто американским развитием техники – несомненна. В универсальном техническом прогрессе человеческая машина-организм занимает одно из последних мест, но могущественный спорт в союзе с разнообразными идеалами физического процветания идет навстречу этому чувствительному

¹ Джек Лондон. Собрание сочинений с предисловием Л. Андреева. Перевод с английского под редакцией А. Н. Кудрявцевой. СПб. 1912. Кн-во “Прометей” Н. Н. Михайлова.

техническому пробелу современности. С прозорливостью янки Джек Лондон взял патент на усовершенствованного нового человека еще раньше, чем его тип был осуществлен в действительности естественным подбором и спортивными упражнениями. Полярный скороход, проходящий на пари две тысячи миль в 60 дней при 90о мороза, – («Сын Солнца») – или плантатор, больной дизентерией, исключительно волевым напряжением властвующий над толпой людоедов на Соломоновых островах, – («Приключение») – великолепные человеческие особи. И нужно отдать справедливость Лондону: фантастическая мужественность его героев временами правдоподобна и подчас внушает уважение...

...Но художественная значительность произведения измеряется не глубиной мыслей, высказываемых автором, а теми произвольными духовными испарениями, которые создают атмосферу произведения. Вокруг приключений Джексона Лондона – самая обыкновенная духовная пустота, как вокруг газетного фельетона или рассказа Конан-Дойля. Как и прочие англо-американские писатели-спекулянты, Джек Лондон искусственно вызывает острое любопытство с тем, чтобы сполна и добросовестно его удовлетворить; если на первой странице рассказ пленительно нов, то на последней – смертельная скука ликвидации и погашенных векселей/

«Художественный» прием Лондона – непрерывность действия. Каждая страница дает новую сенсацию подобно тому, как номер американской газеты содержит очередное убийство. Джек Лондон так мало знает, что ему делать с людьми, и – что весьма отрадно – ему так не хочется обращать их в манекенов, что он предпочитает убивать их, как только они сделают свое сенсационное дело. Идеология Джексона Лондона поражает своим убожеством и своей старомодностью с европейской точки зрения: весьма последовательный и хорошо усвоенный дарвинизм, к сожалению, прикрашенный дешевым и дурно понятым нищиеанством, – он выдает за мудрость самой природы и непоколебимый закон жизни.

В одном месте Лондон обмолвился значительным признанием: «огромная, страшная и чуждая вещь, которая называется культурой». Эта скромная самооценка и наивное благоговение перед чужой и непонятной сложностью культуры – пожалуй, самое ценное в Лондоне. Болезнь Нового Света, тайный недуг чудовищных городов – культурное одичание нашло в Джеке Лондоне неожиданно привлекательного выразителя. Дело в том, что у Лондона это историческое одичание не обусловлено личным вырождением, а выступает особенно наглядно на фоне безукоризненного физического и душевного здоровья.

Современному человеку нет надобности ехать в Клондайк или на остров Тихого океана, чтобы почувствовать себя дикарем: так легко заблудиться в лабиринте Нью-Йорка или С<ан>-Франциско, в стихийном лесу молодой цивилизации, мощная растительность которого непроницаема для живительных лучей культуры. Безобидная занимательность и душевная ясность Лондона делают его незаменимым писателем для юношества. Наивное увлечение Лондоном взрослых читателей можно только приветствовать: оно показывает, насколько поверхностны были прежние увлечения читательской толпы, и что если подлинное искусство пользовалось успехом, то проникало в умы контрабандой, под флагом посторонних соображений...

Америка всплывает и в статье 1918 года «Государство и ритм» (впрочем, не Америка, а американская буржуазия), но особенно многозначительным является высказывание из программной статьи О.М. «О природе слова» 1920 года, когда он был близок к тому, чтобы отказаться в культурности и самой Европе:

«Антифилологический дух, с которым боролся Розанов, вырвался из самых глубин истории; это в своем роде такой же неугасаемый огонь, как и огонь филологический.

Есть такие вечные огни на земле, пропитанные нефтью: где-нибудь случайно загорится и горит десятки лет. Нет нейтрализующего состава, погасить абсолютно нечем. Лютер был уже плохой филолог потому, что, вместо аргумента, он запустил в черта чернильницей. Антифилологический огонь изъязвляет тело Европы, пылая горящими сопками на земле Запада, навеки опустошая для культуры ту почву, на которой он вспыхнул. Ничем нельзя нейтрализовать голодное пламя. Нужно предоставить ему гореть, обходя заклятые места, куда никому не нужно, куда никто не станет торопиться.

Европа без филологии – даже не Америка; это – цивилизованная Сахара, проклятая Богом, мерзость запустения. По-прежнему будут стоять европейские Кремли и

Акрополи, готические города, соборы, похожие на леса, и куполообразные сферические храмы, но люди будут смотреть на них, не понимая их, и даже скорее всего станут пугаться их, не понимая, какая сила их возвела и какая кровь течет в жилах окружающей их мощной архитектуры.

Да что говорить! Америка лучше этой, пока что умопостигаемой, Европы. Америка, истратив свой филологический запас, свезенный из Европы, как бы ошалела и призадумалась – и вдруг завела свою собственную филологию, откуда-то выкопала Уитмэна, и он, как новый Адам, стал давать имена вещам, дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру.

Россия – не Америка, к нам нет филологического ввозу: не прорастет у нас диковинный поэт вроде Эдгара Поэ, как дерево от пальмовой косточки, переплывшей океан с пароходом. Разве что Бальмонт, самый нерусский из поэтов, чужестранный переводчик эоловой арфы, каких никогда не бывает на Западе: переводчик по призванию, по рождению, в оригинальнейших своих произведениях».

<1920-1922>

Уловив в 1920-е годы глубинную общность младожаровой Америки и молодой – и как бы отвернувшейся от Европы – Советской России, Мандельштам отошел от своего предвоенного взгляда на Джека Лондона и на Америку. И о переводном Майне-Риде – а чем он, по большому счету, не Джек Лондон? – в статье 1928 года “О переводах” он пишет уже совсем не так, как о переводном Джеке Лондоне в 1913 году:

«...Теперь о «Молодой Гвардии». У нее монополия на юношество. Она ее очень своеобразно понимает: молодежь-де слопает все... Нам нужен свой приключенческий роман для юношества с этнографической и прочей начинкой. В настоящее время Майн-Рид имеет только ретроспективное значение. Это – здоровая романтика. Живучесть Майн-Рида объясняется тем, что он учел великую жадность молодежи к познанию географического пространственного мира. Он – блестящий педагог, сочетавший в своих образовательных путешествиях научные сведения своего времени с бесхитростной фабулой. За создание “советского Майн-Рида”!»

Над «советским Майн-Ридом» Мандельштам, кстати, немало поработал, отредактировав переводы нескольких томов его собрания сочинений (любопытно, что при этом сам он по-английски не читал и при необходимости использовал французские переводы из Вальтера Скотта и Майн-Рида)

Но примерно в это же время, даже чуть раньше, происходит встреча Мандельштам и с «другой» Америкой – с Америкой иммиграции,

с тою разновидностью судьбы, которая его и его семью миновала. Встреча произошла благодаря тому, что в середине 1920-х гг. О.М. зарабатывал на хлеб, главным образом, переводами и писанием внутренних рецензий на переводные книжки.

И вот, в 1926 году в издательстве «Прибой» ему дают на рецензию книгу американской писательницы Розы Коген. Знакомиться с романом ему помогала, очевидно, жена, прекрасно знавшая английский язык. Ей же, после того как внутренняя рецензия была написана и мнение поэта услышано, предстояло и перевести роман на русский язык. И книга действительно увидела свет в 1927 году².

Интересно, что сам роман еще не раз переиздавался и по-английски. Так, одно из изданий вышло в 1971 году в серии с красноречивым названием: «Американская иммиграционная библиотека»³.

Роза Гэллап (Коген) – не вымышленное лицо, а реальный автор. Ее отец эмигрировал в 1890 году. Едва он успел зацепиться за землю Манхэттена, как купил два предоплаченных билета на пароход: за ним, к нему потянулись родственники, в том числе, в 1892 году, – его 12-летняя дочь Роза. Из одной черты оседлости в другую – из российской конфессиональной в американскую экономическую. Ибо вырваться из нижних номеров Ист-Сайда не легче, чем из местечка или от кагала.

Что же должно было с девочкой произойти и сколько должна была она испытать, прежде чем она стала автором англоязычной (sic!) автобиографической прозы об Ист-Сайде! В 1918 году, когда книга была впервые опубликована, автору было всего 38 лет. Героине же, Рахель Рут, ко времени завершения книги, – всего 22 года, и в центре всего – впечатления именно ребенка, а не преодолевшей уже ассимиляцию женщины. Каким шоком для девочки из черты оседлости было увидеть, как ее любимый отец, взяв ее на первую субботнюю прогулку по городу, вдруг купил ей немного фруктов и при этом расплатился деньгами, притронулся к монетам! Отец – ее родной и любимый отец! – показался ей отвратительным святотатцем и предателем: от ужаса она убежала и едва не потерялась!.. Впереди ее ждало еще множество таких «измен» и этапов эмансипации, в том числе и самое ее торжество: выходить замуж не только можно и нужно не по уговору, а по любви!..

² Когэн, Роза. Сквозь ночь. [Роман]. / Пер. Н.Я.Хазиной. Под ред. О.Э.Мандельштама. Л.: Прибой, 1927.

³ Cohen, Rose. *Out of the Shadow*. Illustrated by Walter Jack Duncan. New York GH Doran Co, New York, JS Ozer 1971, 313 p. (The American immigration Library).

Но вернемся к тексту мандельштамовской внутренней рецензии – к тому, что сам Мандельштам думал о романе и, через роман, об Америке.

РОЗА КОГЕН. АМЕРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Книга «Роза Коген» – любопытнейший памятник массовой еврейской эмиграции в Америку и, безусловно, один из основных документов по этому вопросу. По форме это

увлекательная повесть, по содержанию – глубокий и непреднамеренный социальный памфлет.

Еврейская местечковая семья перебрасывается в Нью-Йорк. (Характерная подоплека – непорядок в воинских делах отца.) Трагически назревающие сборы. Тайный переход границы в контрабандных фурах, под охапками соломы. Рассказ ведется от лица девочки, которая несколько позже последовала за отцом. Повесть отталкивается от впечатлений «черты оседлости». Эмигрантская станция в Гамбурге и само плавание показаны кратко и напряженно. Доминирует инстинкт жизни и жажда новизны. В дальнейшем книга складывается как стройная биография девушки-работницы с резким предрасположением к американизации. Постепенно перевезенная, вернее, с громадными усилиями перетащенная в Нью-Йорк, семья немедленно закабалется как рабочая сила. Наблюдения кристаллизуются вокруг бытовых явлений. Еврей-торговец, например, для уличной безопасности берет в провожатые девочку, ибо в Америке «уважают женщин». Вежливые «полу-погромы». Подкуривание еврейских домов. Из первой части мы узнаем, как живет и хозяйничает в Нью-Йорке семья, считающая на десятки долларов, узнаем с такой яркостью и подробностью, как если бы говорилось о Белостоке или Балте.

Центральная часть почти всецело посвящена условиям труда: портновские, закройные, плиссировочные мастерские, женский, детский труд, синдикализация, локауты. Полутемная квартира мелких американских дельцов, где живут и обедают при электрическом свете. Спать на стульях в кухне, «совсем как дома». Центральный эпизод – неудачное сватовство 16-тилетней героини. Отвергнутый жених-бакалейщик. Основная черта Розы Коген – твращение к плаксивому и обличительному тону и непобедимое жизнелюбие. В последней части освещена своеобразная филантропически-миссионерская деятельность американского капитала в еврейской массе. Пресвитерианский госпиталь. Благотворительный спорт. Дама-патронесса, читающая из роскошной золото-

обрезной книги поэму... о ритуальных убийствах. Вообще книга «Роза Коген» необычайно богата материалом по американскому лицемерию: на бельевой фабрике работницам, по случаю возвращения хозяина из Европы, раздают в конвертиках золотые безделушки, стоимость которых вычитается из заработной платы, и т.д.

Книгу, с некоторыми сокращениями, можно рекомендовать массовому читателю: она органически вводит в быт современной Америки, заинтересовывая в то же время личностью самой рассказчицы.

И уже в самом конце жизни – еще две встречи с Америкой, причем, подчеркну, не с «американкой в двадцать лет», а с совершенно другой Америкой.

Первая встреча произошла в Воронеже. Поэт замер под уличным радиорепродуктором, из которого лились негритянские спиричуэлсы и завораживающий тембр «певицы с низким голосом» – Мариам Андерсон. Из этого уличного «концерта» родились дивные стихи:

*Я в львиный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже
Под этих звуков ливень дрожжевой –
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.*

*Как близко, близко твой подходит зов –
До заповедей роды и первины –
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины...*

*Карающего пенья материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Богатых дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего – праматери – мизинца.*

*Не ограничена еще моя пора:
И я сопровождаю восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.*

12 февраля 1937

А вторая – это встреча с Чарли Чаплиным. В самые последние мандельштамовские стихи он вошел так же мощно и уверенно, как и давнишний любимец Франсуа Виллон. Сначала – 3 марта 1937 года – он возникает в стихах о Франции («Я молю, как жалости и милости, Франция, твоей земли и жимолости...»):

*...А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли –*

*В океанском котелке с растерянною точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей...*

Будучи любимым артистом Мандельштама, он был для него кем угодно, но только не потешным дуралеем-эксцентриком, как воспринимало его большинство зрителей, падающих с кресел от хохота.

И когда примерно в ту же пору, на вечере в Воронеже, Мандельштам определил акмеизм не иначе как «тоску по мировой культуре», то, думается, есть немало оснований полагать, что Мандельштам уже больше на задирал Америку и не настаивал на исчерпавшем себя противопоставлении культуры и цивилизации, а стало быть – и Европы с Америкой.

Америка и Мандельштам

Но Америка и не думала сердиться на Мандельштама. При его жизни она просто и не подозревала о его существовании: мало ли кто и где на земном шаре пишет стихи да еще не по-английски!

А вот после смерти Мандельштама она обратила на него свое благосклонное внимание. Вослед американскому контексту у Мандельштама со временем появился и мандельштамовский контекст – у Америки.

Исторически сложилось, что в процессе мирового освоения жизни и творчества Мандельштама совершенно исключительная роль принадлежит США. Здесь обрели свое место все три кита этого освоения – издание наследия, изучение творчества и даже хранение центрального архива.

Именно в США были изданы первый посмертный однотомник поэта (1955, Нью-Йорк, изд-во им.Чехова) и первое многотомное Собрание сочинений (в 1964-1971 гг. в Вашингтонском издательстве «Межъязыковое

литературное содружество» вышло три тома, причем первые два тома – двумя изданиями; четвертый том вышел в 1981 году в парижском издательстве YMCA-Press). Эти издания сыграли исключительную научную и политическую роль, став своего рода «гарантом» того, что великая поэзия гениального поэта, с риском для жизни сохраненная его вдовой, друзьями и читателями, не погибла, не канула в Лету, а будет бережно донесена до читателя.

Именно в США, вокруг таких филологов-славистов как Г.П.Струве (Калифорнийский университет, Беркли) и К.Ф.Тарановский (Гарвардский университет), сложились целые исследовательские школы и направления, в значительной степени сориентированные на изучение творчества О.Мандельштама, главным образом, поэтики. Многие исследователи его творчества из СССР, главным образом представители «тартуской» структуралистской школы Ю.М.Лотмана, в 1970-х – 1980-х гг. эмигрировали в США и продолжают работать над изучением Мандельштама. Мало того – целые филологические школы, складывавшиеся отчасти и в США, становились, оттачивались и апробировались на мандельштамовском по преимуществу материале, например, интерлингвистическая.

Велик вклад американских славистов и в разработку биографии поэта. Первопроходцем тут был Г.П.Струве с его постоянно пополнявшимся биографическим конспектом О.М., бережно воссоздававшимся им из самого разношерстного материала в очерках и заметках о поэте. Именно в США, собственно говоря, увидела свет в 1973 году пусть и неполная, но первая научная биография поэта «Мандельштам», написанная профессором сравнительной литературы Принстонского университета и первооткрывателем творчества О.М. для англоязычного читателя Кларенсом Брауном (Clarence Brown).

Ему посвящена эта книга, и, пожалуй, уже пора сказать несколько слов о нем самом.

Браун родился в 1929 году в Андерсоне (Южная Каролина). Учился в Duke University, где изучал древнегреческую и русскую литературу, а также в Институте военных переводчиков в Монтеррее, что в Калифорнии, где изучал немецкий язык (окончил в 1952 году). Военную службу проходил в качестве переводчика в Берлине. Демобилизовавшись в 1954 году, поступил в аспирантуру Мичиганского университета, где изучал лингвистику, а после женитьбы на Жаклин Дукень,

астрофизике (бельгийке по происхождению) перевелся в Гарвардский университет, где учился у Р.Якобсона, Вс.Сечкарева, Р.Поджиоли и др. В 1962 году в Гарварде Браун защитил диссертацию «Жизнь и творчество Осипа Мандельштама» – первую в мире квалификационную работу об О.М. Но, начиная с 1959 года и на протяжении последующих сорока лет, Браун работает в Принстонском университете: сначала в отделе романских, затем славянских языков, а с 1972 года – в отделе сравнительного литературоведения. В конце 1960-х гг. он вел спецкурсы по акмеизму, в значительной степени посвященные поэзии О.М. Среди других его русских «любимцев» – В.Набоков, Е.Замятин и др.

В 1962 – 1966 гг. Браун несколько раз бывал в Москве и Ленинграде, где встречался с Н.М., Ахматовой, Е.Г.Эткиндром и др. В 1962 году Ефим Эткинд подарил ему автограф стихотворения О.М. “Под грозовыми облаками...”, долгие годы украшавший рабочий кабинет-башню Брауна в Принстоне (401 East Pyne). Именно Браун весной 1966 года вывез из Москвы рукопись «Воспоминаний» Н.М., опубликованных на Западе в 1970 году. Вместе с Ольгой Андреевой-Карлайл, Никитой Струве и Пьетро Сормани он входил в созданный Н.М. своеобразный «Комитет четырех» – орган, призванный координировать все действия по изданию и переводу ее книг на Западе, в том числе правовые и финансовые.

В 1960-е и 1970-е он много переводил из О.М. – в основном прозу, но также и стихи (вместе с Вильямом Стэнли Мервином – как говорят, одни из лучших переводов). Первое же книжное издание О.М. («The Prose of Osip Mandelstam», 1965) было удостоено Национальной книжной премии (National Book Award), а монография «Мандельштам» (1973) – премии имени Кристиана Гаусса в области литературной критики. Сильными и радующими сторонами этой книги были чуткость к поэтическому слову и тот личный, персональный характер тональности, в которой книга написана. При этом Браун не ограничивался тем, что узнавал от Н.М., с которой многократно консультировался и которой он посвятил книгу. Весьма ценными был его контакт, например, с Ароном Штейнбергом, учившимся вместе с О.М. в Гейдельберге. Предисловие и первые семь глав дают итог всего того, что было известно о биографии поэта до 1925 года включительно. Более чем скудными были сведения о том, что было с О.М. после 1925 года; и все, что К.Брауну, удалось наскрести, уместилось в одну восьмую главу, более напоминающую хронику. Как бы в «гармонии» с этим находится и аналитичес-

кий компонент: стихотворения до 1925 года разбираются тщательно и любовно, а стихотворения 1930-х гг. почти не рассматриваются.

В 1976 году, отказавшись принять основной архив О.М. в дар от Н.Я. лично, Браун всячески содействовал его передаче в Библиотеку в Принстонский университет, став фактически его первым куратором. В январе 1991 года Браун участвовал во Вторых Мандельштамовских чтениях в Москве⁴, тогда же был избран в Совет Мандельштамовского общества. В 1999 году Браун вышел на пенсию и переехал в Сизэтл.

Ощутимый вклад в освоение мандельштамовской биографии внесли и другие американские ученые, такие как Томас Бейер, первым опубликовавший материалы о студенческих днях Мандельштама в Гейдельберге в 1909-1910 гг., или как Виктория Швейцер, после переезда в США опубликовавшая здесь свои московские архивные находки, и др.

Америка стала родиной и систематического библиографирования О.М. Его первые библиографии, опубликованные Г.П.Струве и Б.А.Филипповым в одномтомнике 1955 года (только произведения самого О.М.) и, особенно, в 1969 году, в 3-ем томе собрания сочинений (учтена и литература об О.М.) стали прочным и надежным основанием для всех последующих библиографических описаний.

На основе первых трех томов Собрания сочинений в 1974 году в США, в Корнелльском университете (Итака) был издан первый в мире конкорданс к произведениям О.Мандельштама (с предисловием К.Брауна)⁵. Его составитель, Деметриус Кубурлис, работал в Университете штата Айдахо в... Москве (!) – небольшом агрогородке на севере Айдахо. В конце 1974 года он сделал доклад «О конкордансах и их пользе» на советско-американской лингвистической конференции в Амхерсте.

Ну и, наконец, самое главное: судьбе было угодно распорядиться так, чтобы именно в США на вечное хранение попал основной массив документов о жизни и творчестве Мандельштама – его семейный архив, в 1976 году подаренный его вдовой Принстонскому университету.

Об этом – расскажем отдельно.

⁴ Свои впечатления он изложил в серии репортажей «Московский дневник» в газете «The Times of Trenton», где он вел регулярную рубрику «Чернильный суп».

⁵ Kouburlis, Demetrius J. A concordance to the poems of Osip Mandelstam. Ed. by D.J.Kouburlis. With a foreword by Cl.Brown. Ithaca, Cornell University Press, 1974. – 678 p. В настоящее время есть и другие конкордансы О.М., например Л.Митюшина.

МАТЕРИАЛЫ ОБ О.Э.МАНДЕЛЬШТАМЕ В АМЕРИКАНСКИХ АРХИВАХ

Судьба Осипа Мандельштама наложила свою властную печать и на судьбу его архива. Начать с того, что поэт не собирал архив и не дорожил им. Если бы не практическая потребность (издания или переиздания стихов, прозы и эссеистики), он бы, возможно, и вовсе ничего не хранил. Да и хранить-то было негде: бездомность и безытность были вечными спутниками поэта. Первое и последнее собственное жилье у Мандельштамов появилось в конце 1933 года, а в мае 1934 года его арестовали.

Тем не менее, какие-то рукописи не выбрасывались, и архив образовывался сам собой, в частности, в Киеве в 1919 году, когда О.Э.Мандельштам познакомился со своей будущей женой, Надеждой Хазиной, у него была с собой небольшая корзинка с автографами и черновиками. И именно эти бумаги в том же году искурил в Крыму Александр Мандельштам – средний брат поэта. Это был первый «удар» по сохранности архива.

Но далеко не последний и даже не самый опустошительный. Значительная часть творческих и личных бумаг была конфискована чекистами во время двух арестов Мандельштама (в мае 1934 и в мае 1938 годов). Незадолго до первого из арестов имела место «карикатура на посмертную оценку» – фантазмагорическая история и сюрреалистическая переписка с автором «Елки в Сокольниках» В.Д.Бонч-Бруевичем относительно приобретения мандельштамовского архива Государственным Литературным музеем.

Весьма существенная часть архива была отдана на хранение в Воронеже С.Б.Рудакову¹ и, после его смерти на фронте, не была возвра-

¹ Рудаков С. Б. (1909–1944). Окончил Высшие гос. курсы при Институте истории искусств, в 1930 г. работал с Ю. Н. Тыняновым, участвовал в подготовке Собрания стихотворений В. К. Кюхельбеккера. В 1935–1936 гг. жил в Воронеже, где встречался с О. Э. Мандельштамом, помогая тому в подготовке к печати сборника стихотворений. Во время войны воевал на Ленинградском фронте в морской пехоте. Погиб 15 января 1944 г. Ему посвящено стихотворение А. А. Ахматовой «Памяти друга» (1945).

шена его вдовой и при не вполне выясненных обстоятельствах канула в Лету. Среди этих утрат, по свидетельству Н.Я.Мандельштам (Н.М.), – большинство автографов ранних стихов. Наконец, в 1941 году, при приближении немцев к Калинин, где в то время жила Н.М., она спешно эвакуировалась и могла взять с собою только творческую часть архива; все биографические и деловые документы (договора и т.п.) были оставлены в сундуке в Калинин и пропали. Утраты преследовали архив и в дальнейшем.

Вместе с тем у архива были и свои «добрые гении», не только хранившие и сохранившие бумаги поэта, но и беспрекословно вернувшие их его вдове при первой же встрече (например, воронежский друг Мандельштамов Н.Е.Штемпель, Л.Назаревская, Е.Я.Хазин, А.И.Ивич-Бернштейн и др.). С учетом этих пополнений и сложилось в 1940-е-1950-е годы то собрание мандельштамовских документов, в настоящее время находящееся в Принстоне.

Собственная жизнь Надежды Яковлевны, такая же безытная и бездомная, как и прежде, – жизнь одинокой скиталицы (в годы войны и эвакуации – в Ташкенте, а затем – во многих провинциальных городах, где она, по несколько лет в каждом, работала в вузах) – была по-прежнему мало пригодной для хранения остатков архива. Поэтому он хранился сначала в Ташкенте (у Э.Г.Бабаева), а потом в Москве у надежных друзей, в том числе и Н.И.Харджиева, редактировавшего книгу Мандельштама для «Библиотеки поэта». И только после того, как Н.Я. Мандельштам разрешили прописаться в Москве, архив снова переехал к ней.

С выходом в 1970 году на Западе первого тома ее «Воспоминаний», Н.Я.Мандельштам снова начала опасаться ареста и конфискации архива. Поэтому она приняла решение переправить его на Запад и оставить там на временное хранение вплоть до либерализации советского режима. В 1973 году архив был успешно вывезен во Францию, где бережно хранился у Н.А.Струве. В июне 1976 года, по настоянию Н.М., он был перевезен из Франции в США и, при посредничестве профессора Кларенса Брауна и его ученика Эллиота Моссмана, безвозмездно передан ею в Принстонский университет.

Здесь, в Отделе редких книг и рукописей Файерстоунской библиотеки он и обрел свое окончательное пристанище, став мощным магнитом, притягивающим к себе десятки мандельштамоведов со всего мира.

Принстон

Основанный в 1746 году, Принстонский университет – один из старейших и именитейших в США. Среди хранящихся в его библиотеке «специальных коллекций» – архивы многих английских и американских писателей и деятелей культуры, в том числе, Л.Кэролла, Ф.С.Фицджеральда и Э.Хемингуэя. Бесспорным украшением принстонского собрания стала и «Коллекция Мандельштам».

25 июня 1976 года Рихард М.Людвиг, помощник Библиотекаря университета по редким книгам и специальным коллекциям, подтвердил получение архива Принстонским университетом. На момент передачи архив состоял из семи больших нумерованных папок; двух опубликованных книг – «Камня» 1916 года и «Стихотворений» 1928 года, с дарственными надписями, соответственно, С.П.Каблукову и Н.Е.Штемпель, двадцати трех отдельных единиц (папочек или конвертов) с упрощенным описанием их содержимого и из четырех отдельных листов, содержащих предварительную опись архива на русском языке.

Являясь, по существу, домашним, или семейным, архивом поэта и, несмотря на все утраты и превратности судьбы, «принстонская» коллекция Мандельштама, – безусловно, самое полное и представительное собрание подлинных материалов, характеризующих его жизнь и творчество. Ее материалы уже не раз использовались при подготовке текстологических изданий (например, «Воронежских тетрадей», в 1980 году выпущенных В.А.Швейцер, раздела писем в четвертом томе Собрания сочинений О.Мандельштама, выпущенного Мандельштамовским обществом в 1997 году и др.), при написании и издании книг и статей (самый свежий пример – два письма Б.С.Кузина в недавней книге его произведений и переписки с Н.Я.Мандельштам). Копии принстонских материалов экспонировались и на серии посвященных О.Мандельштаму выставок, проехавших по городам России и Германии в 1991-1994 гг.

...Некоторое время архив находился в библиотечной «каморке» профессора Брауна, где он его просматривал и делал краткое описание². Затем он поступил непосредственно в Отделение рукописей От-

² Именно здесь с ним работала В.А.Швейцер, по сути его первый читатель в Америке (см. в ее интервью: Жизнь дальше... (С Викторией Швейцер беседует Павел Нерлер). // Литературное обозрение. 1991. № 4. С.74-79).

дела редких книг и специальных коллекций Файерстоунской библиотеки Принстонского университета. Здесь «коллекции Мандельштама» была присвоена сигнатура CO539 (Коллекция № 539), ее устоявшаяся аббревиатура в изданиях: *AM* (Архив О.Э.Мандельштама). Справочно-информационный аппарат к фонду: *Princeton University Library. Departement of Rare Books and Special Collections. Manuscript Division. Osip Mandelstam Papers (CO539). 1900s-1970s, bulk 1914-1937. A Finding Aid. Prepared by Yevgeny Pavlov. Princeton, 1994.- 112 pp.* (обновлено в 1997 году). Это описание включает в себя индексы (в транслитерации) стихотворных произведений, прозаических произведений, адресатов писем О.М. и Н.М., отправителей писем к О.М. и Н.М. Начиная с сентября 1998 года, его обновленную в 1997 году версию можно найти на сайте Библиотеки Принстонского университета в Интернете: <http://libweb.princeton.edu:2003/libraries/firestone/rbcs/aids/mandelshtam/>.

Тем не менее, сколь бы то ни было полного и связного представления о составе и организации «АМ» у подавляющего большинства нынешних исследователей нет, за исключением тех, кому посчастливилось работать еще с оригиналами или с отснятыми с них и оставшимися в Москве фотокопиями, или же в Принстоне, в уютном читальном зале Отдела редких книг и специальных коллекций Файерстоунской библиотеки. Только теперь, проработав несколько месяцев с архивом, я с некоторой горечью вижу, как же сильно не хватало такого прямого доступа во время работы над томами собрания сочинений Мандельштама, выпущенного Мандельштамовским обществом в 1993-1997 гг.: многое можно было бы сделать намного точнее, тоньше и уверенней.

Ядро этой бесценной коллекции – материалы, характеризующие творчество поэта: рукописи, авторизованные и неавторизованные машинописи и списки (главным образом рукой Н.М.). Большинство материалов – черновики и промежуточные редакции, отражающие все основные этапы творчества поэта и документирующие практически все его основные произведения. В коллекцию входят и две упомянутые книги Мандельштама, содержащие важные текстологические пометы – как авторские, так и владельческие, а также комментарии Н. М. к произведениям Мандельштама и многочисленные биографические материалы об О.М. Кроме того в коллекции немало материалов и о самой Н.М. и ее семье, в том числе и письма к ней самой.

Чисто физически коллекция сегодня – это пять «бежевых» коробок (картонов) с оригиналами, то же число «светло-серых» коробок с идентичными фотокопиями (или, по-русски, ксерокопиями), одна коробка с оригиналами сброшюрованных материалов, четыре катушки микрофильмов и девять коробок с фотографиями, отпечатанными с этих микрофильмов. Понятно, что фотокопии, фотографии и микрофильмы играют резервную и страховочную роль. Общее число бумажных страниц в архиве – порядка 3.200 (включая все служебные сопроводительные материалы – разные конверты, папочки, обложки с пояснениями тех, кто работал над архивом или с архивом – главным образом, И.М. Семенко и Н. И. Харджиева). Оригиналы хранятся в том виде и той последовательности, как они поступили на хранение, и в ряде случаев этот порядок не представляется логичным.

Несмотря на оптимальные микроклиматические условия хранения, их физическое состояние вызывает большие опасения. С целью обеспечения сохранности оригиналов и согласно воле Н.Я., читателям выдаются, как правило, не подлинники, а фотокопии (редкие исключения делаются только в крайней необходимости и с разрешения куратора). Одним из подходов к решению проблемы сохранности оригиналов и, попутно, приданию коллекции более структурированной формы может стать их дигитализация.

Приблизительное распределение материалов между коробками представлено достаточно неравномерно по объему, а главное – хаотично по содержанию и ни в какую строгую или даже нестрогую систему не выстраивается.

Среди 48 папок первой коробки – две упомянутые книги, автографы, публикации или списки многих статей (в том числе «Петр Чаадаев» и «Скрябин и христианство»), конспекты лекций и прозаических переводов (и то и другое мы бы, сугубо предварительно, отнесли ко времени учебы за границей), а также около десятка единиц переписки О. М. с женой, письмо В.Меркулова И.Эренбургу с текстом стихотворения «Меня преследуют две-три случайных фразы...». Различные черновые записи О.М.

Во второй коробке – автографы и списки некоторых стихотворений (главным образом, воронежского периода) и таких прозаических вещей как «Путешествие в Армению», «Разговор о Данте», «Письмо о русской поэзии» и др. статьи, очерки и внутренние рецензии.

Самая большая из коробок – третья (в ней 104 папки). Большинство материала составляет переписка О.М. и Н.М., но есть и письма О.М. к В.Я. и Е.Я.Хазиным (матери и брату жены), А.Э и Е.Э.Мандельштамам, В.Ставскому, Ю.Тынянову, а также письмо к нему от А.Ахматовой. Здесь же – письма к Н.Я.Мандельштам. Ее корреспондентами были А.Ахматова, Э.Бабаев, Д.Благой, Б.Бухштаб, К.Верхейл (переводчик из Голландии), К.Воронков (из Союза писателей СССР), Э.Герштейн, Марк Г., В.Жирмунский, Б.Кузин, А.Македонов, А. и И. Миллер, З.Паперный, Я.Рогинский, А.Т.Твардовский, М.И.Твардовская, Е.Я.Хазин, Я.А.Хазин (отец), Н.Харджиев, В.Б.Шкловский, В.В.Шкловская, Л.Шкловская, Н.Штемпель. В.Ярцева, а также Генеральная Прокуратура СССР, Мосгорсовет и редакция журнала «Простор» (Алма-Ата); тут же рабочая книжка Н.М. и договор о найме В.Я.Хазинной, тещей поэта, бывшей мандельштамовской квартиры в Нащокинском переулке. В одной из папок – немецкое романтическое стихотворение, записанное Э.В.Мандельштамом, отцом поэта.

В четвертой коробке – 27 папок: это различные биографические документы (деловая переписка, черновики писем, касающихся дела об «Уленшпигеле»), фотографии, материалы к ненаписанной книге о Воронеже, автографы и списки большинства стихотворений, в том числе «Ватиканский список», «Наташина книга» и семь так называемых «альбомов» (включая «Альбом Эренбурга»), из прозы – часть материалов к «Путешествию в Армению», чуть-чуть из «Шума времени» («Хаос иудейский»), внутренняя рецензия на книгу Ж.-Р.Блоха, а кроме того – два письма О.М. к Н.М.

Пятая – самая маленькая – коробка до известной степени является продолжением четвертой: девять из десяти ее папок так или иначе связаны с «Путешествием в Армению», включая записи о натуралистах и черновик письма О.М. М.Шагинян; папка № 10 – это корректурные листы подготовленной О.М. антологии русской поэзии.

Как видим, лишь одна из коробок – третья – обладает относительной тематической цельностью. В ней сосредоточена большая часть переписки поэта (тем не менее, несколько писем поэта, – или же адресованных ему, – встречается и в других коробках). В целом же переписка О.М., хранящаяся в архиве, четверти на три, не меньше, состоит из спасенных в свое время Н. Е.Штемпель писем О.М. к жене. В этой же коробке – и переписка самой Н.М., а также ее брата и матери.

Но если судить по числу не папок, а документов, то «вклад» переписки Н.М. был существенно выше: всего здесь около 70 писем, адресованных к Н.М.

Пожалуй, самое удивительное – это разбросанность основных источников поэтических текстов по разным коробкам: текстологические ценные печатные издания – в первой коробке, «Новые стихи» и «Воронежские тетради» – в третьей, а так называемые «Ватиканский список», «Наташина книга» и альбомы – в четвертой.

Не менее странные разграничения наблюдаются и с прозой, в целом хорошо представленной в архиве (из больших вещей почти ничего не сохранилось только от «Шума времени»). Но чем объяснить то, например, обстоятельство, что материалы к «Путешествию в Армению» так же разбросаны по трем коробкам – пятой, четвертой и второй? И это при том, что на этом произведении (и на примыкающей к нему прозе о натуралистах) почти целиком сосредоточена пятая – самая маленькая – коробка (в которую, в свою очередь, «затесались» машинопись одного стихотворения и набросок письма М.Шагинян, а также, что уже совсем странно, корректурные листы подготовленной О.М. антологии русской поэзии).

Все это, однако, не страшно для специалиста, имеющего в сознании собственное структурирующее видение. У разных специалистов видение может быть и неодинаковым, и с этой точки зрения дигитализация архива и помещение его в Интернете – предельно удобно и демократично, позволяя каждому выстраивать собственное организационное пространство.

Уже из сделанного обзора видно, что в принстонском Архиве Мандельштама – как бы два полюса, точнее, концентри – сам Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна. Однако не стоит на этом основании предлагать переименовывать архив: большинство материалов вдовы поэта имеют непосредственное или опосредованное отношение к самому Мандельштаму или хотя бы к его посмертной судьбе (публикации, издания, история сбережения самого архива). Даже ее рабочая книжка, выданная струнинским прядильным комбинатом «5-й Октябрь», где Надежда Яковлевна проработала ученицей тазовщицы неполных 1,5 месяца (с 30 сентября по 11 ноября 1938 года), точно датирует ее отъезд из Струнино (ср. в ее «Воспоминаниях» в главе «Текстильщики»).

Несколько условно, можно вычленить три линии научного интереса к архиву Мандельштама: первая – выявление новых, доселе не известных или неидентифицированных текстов, вторая – критическая текстология имеющихся публикаций Мандельштама и третья – выявление биографических материалов о поэте.

Значение архива для текстологии и биографии Мандельштама невозможно переоценить, особенно в связи с работой над академическим собранием сочинений Мандельштама и над Мандельштамовской энциклопедией. На первый взгляд, граница между «текстологическими» и «биографическими» материалами должна просматриваться достаточно четко. В действительности это не совсем так. Вот несколько примеров из первой коробки.

Ее открывают два важнейших текстологических источника О.М. – уже называвшиеся экземпляры «Камня» 1916 года, подаренный О.М. С.П.Каблукову с многочисленными вклейками и вставками, сделанными последним, и экземпляр «Стихотворений» (1928), подаренный О.М. Н.Е.Штемпель в 1937 году с несколькими исправлениями, датированными 1936 и 1937 гг., и внесенными в книгу, по-видимому, незадолго до того, как ее подарить. Вместе с тем некоторые из этих исправлений подписаны и датированы, что делает их одновременно и биографическим источником. Позднее, когда Н.Е.Штемпель передала книгу Н.М., та сделала из нее свой «рабочий» экземпляр, отмечая в нем, – в соответствии с авторской волей, какой она ей представлялась, – многочисленные исправления, датировки и делая библиографические примечания (сведения о том, где то или иное стихотворение публиковалось).

Другой пример. В папке 5-й лежат оттиск статьи «Петр Чаадаев» из «Аполлона» и несколько страниц с черновиками этой статьи. И тут же, на обороте одного из листочков, письмо к Эмилию Вениаминовичу Мандельштаму, отцу поэта. Письмо касается кого-то из его младших братьев (очевидно, Евгения): *«3 ноября 1914 г. Многоуважаемый Эмиль Веняминович. В виду предстоящих училищу сейчас срочных платежей очень прошу Вас внести остаток платы за учение сына Вашего³. Прошу принять уверение в совершеннейшем почтении и преданности В.Гиппиус»* (на бланке «Директор Тенишевского

³ Имеется в виду младший брат поэта Евгений.

училища в Петрограде. Моховая ул., № 33. Тел. 24-14 (служ.) и 130–24 (дом.)»). Для биографии же это – непрерываемая датировка времени работы над статьей (правда, лишь дополнительная, поскольку О.М. и сам в письме С.Маковскому называл ту же дату: ноябрь 1914 года).

Обороты черновики – вообще благодатная сфера для шальных находок. Там часто обнаруживают себя другие рукописи, письма, бланки. А на обороте черновика статьи «Скрябин и христианство» (В.1, f.11) – начало прошения студента Политехнического Института Императора Петра Великого Е.Э.Мандельштама в Главное Управление Генерального Штаба: *«Работая в городском лазарете № 11 в качестве заведывающего я, вследствие массы дел, пропустил срок получения студенческой отсрочки для окончания образования. Как студент I курса и призывной 1919 года я должен быть в ближайшее время призван. Я обратился 19 декабря в Главное управление по воинской... <далее обрыв, или обрез текста – П.Н.>»*. Из воспоминаний Е.Э.Мандельштама известно, что он был призван и стал юнкером Михайловского артиллерийского училища. Это, в свою очередь, позволяет более уверенно датировать работу О.М. над статьей «Скрябин и христианство» осенью 1916 или весной 1917 года.

Из «чисто» биографических материалов крайне интересна переписка Н.М., в особенности ее собственные письма Мандельштаму из Киева в Крым (впрочем, тогда, в 1919 году она еще была Надей Хазиной)⁴. Здесь же в качестве примера приведу один любопытный документ, касающийся пребывания О.М. в Армении в 1930 году и поиска им любых заработков. Это – недатированное письмо, напечатанное на армянском языке, на бланке Совета профессиональных союзов Армении. Оно подписано зав. культотделом Мкртчяном и зав. исполкомом Асатрянном и адресовано завкомам предприятий по выделке мехов и кож. Вот его текст: *«Русский писатель тов. Мандельштам планирует организовать кружки по изучению русского языка. Организация подобных кружков чрезвычайно важна. Поэтому необходимо вместе с тов.<армцем> организовать подобные кружки при красных уголках»*⁵.

⁴ См.: Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений и писем / Сост.: А.Г.Мец. Том 3. М., 2011. С.604-606.

⁵ Коробка 3, папка 1; благодарю А.Гениса за помощь с переводом этого письма на русский язык.

Что же касается поиска в архиве неизвестных текстов самого Мандельштама, то эта линия – и слава богу! – нисходящая. Сколь либо значительных неизвестных или неидентифицированных оригинальных текстов поэта в архиве уже не осталось.

Стэнфорд

В Гуверовском институте Стэнфордского университета хранятся, без преувеличения, сокровища русской истории и русской культуры. Заметной частью гуверовской коллекции является богатейший архив Г.П.Струве, содержащий немало материалов о Мандельштаме и его издательской судьбе в США. Важной находкой можно считать весьма дружеское письмо Н.Я.Мандельштам к Г.П.Струве. Необычайно ценны и письма Б.А.Филиппова к Г.П.Струве. В их переписке, завязавшейся в 1952 году и продолжавшейся почти треть века, задокументирована практически вся история мандельштамовских изданий под редакцией Струве и Филиппова в США⁶. Интересные детали есть и в письмах Р.Гринберга, издателя «Воздушных Путей».

Из других коллекций отмечу фонд Ольги Андреевой-Карлайл (лишь частично обработанный) и фонд Альвина Капусты, содержащий немало ценных материалов к библиографии О.Мандельштама.

Немало оправдавшихся надежд было связано и с замечательным собранием Бахметьевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке. Правда, в фонде Издательства им.Чехова – того самого издательства, где в 1955 году вышло первое собрание О.М., – ничего об этом издании и вообще об О.М не оказалось. Зато в некоторых других фондах, с которыми довелось ознакомиться, обнаружилось весьма любопытные материалы⁷.

Пожалуй, основная находка ждала в фонде Николая Васильевича Зарецкого – пражского эмигранта, собирателя и знатока русской книги (Collection Zaretskii, Box 2). Вот датированное 28 июня 1949 года письмо ему от А.М.Ремизова (получено, судя по штемпелю, уже 30 июля):

⁶ См. ниже публикацию лишь начального фрагмента этой обширной переписки.

⁷ Пользуюсь случаем для выражения благодарности Т.Чеботаревой за щедрую помощь и консультации.

*Monsieur N.Zareskij
Praha XIX
Buberec, Terronska 42
Tcheco-Slovaquie*

*A.Remizof
7 Rue Boileau
Paris XVI*

28 VI 1949

Дорогой Николай Васильевич!

Не пишу не потому что не думаю, а мне очень трудно надписать конверт и наклеить марку. Зрячие это не поймут.

Пляшущий демон⁸ заморозился, не хватило денег выкупить книгу. Книга 109 стр. обошлась 200.000 fr. Непременно попрошу послать Вам.

Получил письмо от Страховского Леонид Ив.⁹ из Америки: издадут его сочинение о трех. Спрашивает портрет Осипа Мандельштама. Я дал ему ваш адрес – единственная надежда.

Я когда-то нарисовал Мандельштама: он был весь движущийся, не костяной, а дружинный.

Последнее наше свидание: стоит у двери и развинчивается, слов не разбираю.

⁸ А.Ремизов. Пляшущий демон. Танец и слово. Париж, 1949. В коллекции Зарецкого имеется экземпляр с надписью от А.Ремизова, датированный 1 октября 1949 года.

⁹ Страховский Леонид Иванович (1888, Оренбург – 1963, Торонто) – сын крупного российского чиновника, губернатора и члена Государственного Совета, участник Белого движения на севере и на юге России, эмигрант. В 1928 г. Страховский заканчивает один из университетов в Бельгии; после защиты диссертации по историческим наукам – профессор современной истории в Вашингтонском университете, в 1937-1942 гг. – профессор европейской истории университета Мериленд (США), в 1943-1948 гг. – профессор в Гарвардском ун-те, а в 1948-1963 гг. – профессор славянского отделения Торонтского университета. Основатель и главный редактор журнала «Современник» (Торонто, Канада, 1960-1980), со-редактор «Американского Славянского и Восточно-Европейского Обозрения». Ему же принадлежит и первое книжное издание критического толка с именем Мандельштама на обложке – книга «Мастеровые слова: три поэта современной России. Гумилев, Ахматова, Мандельштам» (Гарвард, 1949). Статья, посвященная О.М., озаглавлена «Архитектор слов».

О. МАНДЕЛЬШТАМ. Рис. А.Ремизова

О взаимоотношениях Ремизова и О.М. известно очень мало, в сущности, почти ничего. И с этой точки зрения – так сказать, биографически, – письмо дает не слишком много, даже датировать упомянутую встречу непросто.

Сила этой детали – в ее художественности и образности: *«Я когда-то нарисовал Мандельштама: он был весь движущийся, не костяной, а пружинный. Последнее наше свидание: стоит у двери и развинчивается, слов не разбираю».*

Такой же Мандельштам и на самом рисунке, воспроизводимом в настоящем издании, – *«весь движущийся, не костяной, а пружинный».*

Амхерст

Ценнейшим собранием располагает и библиотека Центра по изучению русской культуры Амхерстского колледжа (Center for Russian Culture, Amherst College). Начать с того, что в его книжных фондах хранится подаренный Т.Уитни подлинный уникат – один из 23 выпущенных экземпляров альманаха «Новый Гиперборей», напечатанного на гектографе и составленного из оригинальных пар – автографов стихотворений (Н.Гумилева, О.Мандельштама и ряда других поэтов) и их же собственноручных рисунков, иллюстрирующих эти стихотворения¹⁰.

Жемчужиной рукописного собрания Амхерстского колледжа является фонд Алексея Ремизова и Серафимы Ремизовой-Довгелло. Благодаря консультациям и любезности Т.Чеботаревой и С.Рабиновича, мы ознакомились с одним документом из этого фонда (коробка 1, папка 7). Это – письмо Валентина Парнаха из Москвы в Берлин Алексею Ремизову, отправленным, судя по штемпелю, 30 августа 1922 года.

На конверте – берлинский адрес Ремизовых: *«А.М.Ремизову. Kirschstrasse , 2 ^{II} bei Delion, Charlottenburg, Berlin. <30.VIII>»*. Само письмо написано черными чернилами, на вырванном из общей тетради листке:

«Дорогой Алексей Михайлович,

Шлю Вам и Серафиме Павловне переданный привет из Москвы. Ехал неделю + три дня карантина в Великих Луках, с трудом вырвался оттуда. Спал на узкой доске, на соломе, на чемоданах. Сейчас сплю на скамье в Союзе Писателей: Тверской бульвар, 25, где меня на несколько дней устроил О.Э.Мандельштам. Мейерхольд сейчас в ПБ, приезжает на днях. Я привез jazz-band. Это письмо привезет Вам поэт Б.Л.Пастернак. Пожалуйста, напишите мне. Всего Вам лучшего.

*Преданный
Валентин Парнах
Valiac, Mathens-Müller See*

¹⁰ Подробнее об этом издании см.: Нерлер П. «Новый Гиперборей» // Литературная учеба. 1988. № 2. С.125-131.

*Мой адрес пока: Софии Яковлевне
Парнок-Волькенштейн
4ая Тверская-Ямская, 8, кв.3
Москва*

*P.S. Когда выйдут Ваши новые книги, пожалуйста, пришлите мне.
Мой поклон Андрею Белому».*

Это письмо позволяет внести важные уточнения как в хронику жизни О.Э.Мандельштама, так и в биографию отправителя.

Много интересного ждет исследователя и в фонде князя Д.Шаховского, епископа Сан-Францисского. Отдельные документы из этого фонда, в частности, письма Н.Я.Мандельштам к Шаховскому, уже давно введены в научный оборот.

Интереснейший фонд Юрия (Георгия) Павловича Иваска (1907-1986) был обработан еще в начале 1990-х гг. и открыт для исследователей безо всяких ограничений¹¹. Здесь, как и в фонде Шаховского, есть письмо от вдовы поэта, но в целом фонд Иваска гораздо более «мандельштамоцентричен», что вполне естественно для фанатичного поклонника и неутомимого исследователя поэзии ОЭМ, как он называл его в переписке. Несомненно, что многочисленные упоминания и рассуждения о Мандельштаме содержит в себе и обширная корреспонденция Ю.Иваска, и с этой точки зрения ее изучение еще только-только началось.

Собранные Иваском материалы о Мандельштаме и об акмеизме, включая и его собственные статьи или наброски к ним, содержатся, по меньшей мере, в 20 папках: в частности, это папки «Акмеизм – эссе» (1959, 1963; Вох.10, f.4), «Акмеизм – Мандельштам» (? -1974; Вох.10, f.5), «Акмеизм-проект» (1960-1963; Вох.10, f.6-8), «Акмеизм-сатиризм» (1973, Вох.10, f.9) и «Акмеизм: исследовательские материалы» (1966-1977, Вох.10, f.10), «Мандельштам Н.Я. (Исследовательские материалы)» (б/д., Вох 15, f.42-44) и «Мандельштам О.Э. (Исследовательские материалы)» (1964-1985, Вох 15, f.47-50 и Вох 16, f.1-6).

Бесспорно, немалый интерес представляют и материалы по проекту «Акмеизм», инициатором и руководителем которого в 1959-1963 гг. был Ю.Иваск¹².

¹¹ Фонд содержит материалы, датируемые временем между 1935 и 1985 гг. Цифровой сигнатуры не имеется. Обработан в 1900-1992 и еще раз пересмотрен в 1993 г. П.Люборским и Т.Чеботаревой.

¹² Ю.Иваску и этому проекту посвящена отдельная заметка в настоящем издании.

Вашингтон, Нью-Хэйвен, Остин, Индианаполис, Манхэттен, Сиэтл

Материалы О.Э.Мандельштама или о нем можно встретить и в других американских архивохранилищах, причем не только в университетских, но и в государственных библиотеках, а также в собраниях частных лиц.

Из государственных хранилищ укажем прежде всего на Библиотеку Конгресса в Вашингтоне и, в особенности, на фонд альманаха «Воздушные пути» (Collection 3775), вышедшего в Нью-Йорке в конце 1950-х – середине 1960-х гг. С публикации в 1960 году во втором его выпуске 57 до того не публиковавшихся стихотворений О.М., собственно, и началось открытие широким читателем «позднего» Мандельштама!¹³ Архив интересный, в основном в связи с этой и последующими публикациями О.М., но также в связи с текстами, никогда в альманахе не выходившими, в частности, в связи с «Проектом акмеизм» Юрия Иваска.

Что касается собраний университетского хранения, то, несомненно, огромный интерес представляют материалы, хранящиеся в библиотеке Байнеке Йельского университета, в частности, фонды И.Бродского, Г.Адамовича, Ю.Иваска, Ю.Терапиано и Б.Филиппова¹⁴.

В мандельштамовском контексте заслуживает упоминания и архив Центра гуманитарных исследований Техасского университета в г. Остине. В декабре 1968 года университет приобрел архив главы Временного правительства России 1917 г. А.Ф. Керенского¹⁵. Последний перед большевиками правитель России берег в своем архиве и вырезку из газеты «Воля народа» с посвященном ему стихотворением О.М. «Когда октябрьский нам готовил временщик...». Его, а также опубликованное в той же газете стихотворение «Кассандра» Керенский переписал и отправил Г.П.Струве, благодаря чему оно попало в первый том многотомного собрания сочинений О.М., выпущенного Г.П. Струве и Б.А.Филипповым в самом конце 1964 года¹⁶.

¹³ Ему посвящена в этой книге отдельная глава.

¹⁴ Материалы из этого фонда легли в основу работы, следующей за этими заметками.

¹⁵ Подробнее о нем см.: Быкова Л.А. Архив А.Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3. С. 18-24

¹⁶ См. об этом в публикуемой ниже переписке Струве и Филиппова.

В Индианаполисе, Манхэттене (Канзас) и Сиэттле – в архивах штатных университетов Индианы, Канзаса и Вашингтона – следует искать магнитофонные записи и следы проекта «Акмеизм» Юрия Иваска. Но прежде всего в Гарварде: в июне 1977 года Иваск написал Г.П.Струве о том, что продал эти записи именно туда¹⁷.

Из частных собраний в первую очередь следует упомянуть архив Кларенса Брауна (Принстон, в настоящее время в Сиэттле), содержащий автограф раннего стихотворения О.Мандельштама «Под грозовыми облаками»¹⁸.

По сообщению Виктории Швейцер (Амхерст), в ее домашнем архиве имеется список рукой Н.Е.Штемпель, восстанавливающий последовательность стихотворений в «Воронежских тетрадах», а также любительский кинофильм о пребывании Н.Я.Мандельштама на даче в Верее.

Весьма интересен и домашний архив Кирилла Тарановского, в настоящее время хранящийся у его наследников.

¹⁷ Богомолов Н. Вокруг «серебряного века». Статьи и материалы. М. 2010. С.490-491.

¹⁸ Подарок, повторим, Е.Эткинда.

**К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ПЕРВОГО СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ О.Э.МАНДЕЛЬШТАМА
(по материалам переписки Б.А.Филиппова и Г.П.Струве)**

1

***МЕЖДУ СТРУВЕ И ФИЛИППОВЫМ
И МЕЖДУ КЛЮЕВЫМ И МАНДЕЛЬШТАМОМ:
У ИСТОКОВ ПЕРЕПИСКИ И «БОРИСОГЛЕБСКОГО СОЮЗА»***

Пожалуй, никакой другой альянс двух русских литераторов на ниве издания русской поэтической классики Серебряного века не принес так много плодов как союз Глеба Петровича Струве (далее Г.С.) и Бориса Андреевича Филиппова (далее Б.Ф.) – союз, в шутку прозванный Б.Ф. «борисоглебским».

Начавшись с Осипа Мандельштама, их объединенные усилия охватили и собрания – в большинстве случаев многотомные – других опальных литераторов: Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Николая Заболоцкого и Николая Клюева. На протяжении двух с лишним десятилетий совместные издания этого уникального составительско-филологического тандема во многом определяли русскоязычный книжный ландшафт западной славистики.

Представим коротко каждого из участников.

Глеб Петрович Струве родился 19 апреля 1898 года в Санкт-Петербурге. Литературовед, поэт, издатель. Сын философа, историка, экономиста, общественного и политического деятеля Петра Бернгардовича Струве. В 1916 году окончил Выборгское коммерческое училище, конкурировавшее с Тенишевским. В 1918 году – в Добровольческой армии у генерала Алексеева, в том же году, нелегально перейдя границу с Финляндией, стал эмигрантом. В 1921 году – выпускник Оксфордского университета. Жил в Праге, Берлине, Париже, работал журналистом в «Русской мысли», «Возрождении», еженедельнике «Россия и славянство». С 1932 года – снова в Англии, до 1947 года – доцент Лондонского университета, его «История русской советской литературы» была переведена на несколько языков. С

1947 года и до выхода на пенсию в 1977 – профессор Калифорнийского университета в Беркли. Член Русской Академической группы в США. Умер 4 июня 1985 года в Беркли.

Борис Андреевич Филистинский (Филиппов – один из его политических и литературных псевдонимов) родился 6 августа 1905 года в Ставрополе. Выходец из офицерской семьи, но с колоссальной тягой к гуманитарным знаниям. В 1920 году он организовал в Ставрополе литературно-философский кружок. В 1924-1928 учился в Ленинградском институте живых восточных языков, в частности, у академиков-монголоведов Ф.И.Щербатского и С.А.Козина (своего дяди). Как востоковед интересовался буддизмом и индуизмом, в 1935 с его иллюстрациями был издан монгольский эпос «Гэ-сэриада». В 1928-1933 – учился в Ленинградском вечернем Институте промышленного строительства Главстройпрома, работал в строительных организациях Ленинграда. В 1925-1929 – ученик философа С.А.Аскольдова (Алексеева), участник и организатор подпольных философских кружков, в связи с чем дважды – в 1927 и 1929 гг. – арестовывался и находился под следствием в тюрьме на Шпалерной. В 1936 году по статье «антисоветская пропаганда» осужден на 5 лет (в феврале 1941, после отбытия срока в Ухто-Печерском лагере), поселился за «105-м километром» (относительно Ленинграда) – в Новгороде, где с середины 1940 года жила его мать – Лидия Филистинская, зубной врач знаменитой Колмовской психиатрической больницы¹.

В Новгороде Б.Ф. был застигнут немецкой оккупацией. Начиная с августа 1941 года, он работал в различных немецких организациях Новгорода – в городской управе, а начиная с сентября – и в гестапо. Свидетельские показания зафиксировали его участие и в антипартизанских и антиеврейских акциях². Позднее – в Пскове (в Русском комитете) и Риге (весной и летом 1944 – заместитель главного редактора

¹ В контексте этой книги заслуживает быть отмеченным то, что в марте 1941 года, во время нелегального визита в Ленинград, он виделся с пианисткой М.В.Юдиной, рассказывавшей о своих встречах с О.М. в Воронеже.

² Ковалев Б. От “Новгородского гестапо” до Вашингтонского университета // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы докладов и сообщений научной конференции. Часть I. Новгород, 1999. Со ссылками на: Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новгородской области. Д. 43689; Д. 1/13280 и др. В то же время внесем, по сравнению с 1-м изданием этой книги, поправку: по сообщению Б.Н.Ковалева, свидетельств об участии Филистинского и в операции по уничтожению пациентов Колмовской психиатрической больницы (в свое время основанной Б.Н.Синани!) в соответствующем деле нет.

газеты «За Родину» и лектор в школе пропагандистов РОА. Естественно, он широко печатался в оккупационной прессе (под псевдонимами «Б.Ф.» и «Б.Эрдени»), в оккупации выпустил и свои первые книги стихов и прозы³. Летом 1944 года он переехал в Берлин, где работал в ведомстве Геббельса – в Министерстве народного просвещения и пропаганды⁴.

В 1945-1950 гг. жил в американской оккупационной зоне в Германии – в Менхенхофе под Касселем и Мюнхене. Его первой женой была Ирина Бушман⁵, сохранившая его поэтический архив тех лет. В 1950 году Б.Ф. эмигрировал в США, где женился на поэтессе Ольге Анстей⁶ и в 1951-1954 гг. жил в Нью-Йорке, а с 1954 года – в Вашингтоне. В эмиграции Б.Ф. печатался в «Гранях», «Посеве», «Новом журнале», «Новом русском слове» и др., пользуясь при этом псевдонимами «Филипп Борисов», «Фабий Зверев», «Андрей Козин», «Георгий Петров», «Сергей Петров» и «Л. Теннер». Активно занимался редакционно-издательской и преподавательской деятельностью: читал лекции в Нью-Йоркском, Канзасском, Йельском и Вандерbiltском университетах, был профессором Американского университета в Вашингтоне. В 1964-1970 гг. создал и возглавлял изд-во Inter-Language Literary Associates («Межъязыковое литературное содружество») в Вашингтоне, специализировавшееся на выпуске собраний сочинений лучших советских писателей, не издававшихся у себя на родине. Всего под редакцией Б.Ф. выпущено более 70 различных книг; кроме того он выпустил 31 авторскую книгу – от дебютного поэтического сборника «Град невидимый» (Рига, 1944) – до прозаического тома «Избранное»

³ Филистинский Б. Град невидимый. Поэма в шести фрагментах. Рига. 1944; Он же. Юность. Повесть. 1944. (см.: Литературное зарубежье. Сборник-антология. Мюнхен: ЦОПЭ. 1958. Владимиру Самарину (В.Д.Соколову) «хватило» лишь сокрытия факта публикаций в оккупационной периодике для того, чтобы лишиться американского гражданства в 1985 г.

⁴ Г.С. – бесспорно в той части российской эмиграции, что категорически отвергала любые альянсы с Гитлером и национал-социализмом. Он прекрасно понимал или догадывался, что военное прошлое эмигрантов «второй волны» и, в частности, Б.Ф. не обязательно безупречно, но сама эта тема была негласным «табу» в их переписке.

⁵ Она, кстати, автор первой монографии об О.М.: Бушман И. Поэтическое искусство Мандельштама. Мюнхен, 1964 (Сер. «Исследования и материалы», вып. 70)

⁶ Анстей (в девичестве Штейнберг) Ольга Николаевна (3.5.1912, Киев – 30.5.1985, Нью-Йорк) – «самая известная поэтесса второй эмиграции» (В.Крейд). В 1937 в Киеве вышла замуж за И.Елагина, вместе с ним в 1943 г. бежала из СССР; жила в Праге, Берлине, с 1946 – в Мюнхене, а с 1950 – в США, где работала в аппарате ООН. В сер. 1950-х гг. – жена Б.А.Филиппова.

(Лондон, 1990). Уже после смерти Б.Ф. вышли три кассеты с аудиозаписями бесед на литературные темы его и Евгении Жиглевич (его третьей жены). Умер Б.Ф. 3 мая 1991 года, в Юниверсити Хиллз (штат Мэриленд, США), недалеко от Вашингтона.

Необычность и, если хотите, пикантность их тандему придавала принадлежность его членов к двум различным «волнам» русской эмиграции, не баловавшим друг друга, как правило, теснотой и теплотой контактов. 9

Струве, бесспорно, был звездой первой величины. Историк литературы, критик, поэт и переводчик, издатель и университетский профессор, он был одним из самых видных и наиболее признанных представителей российской славистики в эмиграции. Филиппов на его фоне смотрелся не слишком солидно – выскочкой и дилетантом, да и упорные слухи о его службе в гестапо не прибавляли очков его репутации.

Но в данном случае всякие «сословные» убеждения и предубеждения были отброшены, хотя, как показывает переписка Г.С. с другими корреспондентами, и не исчезли полностью.

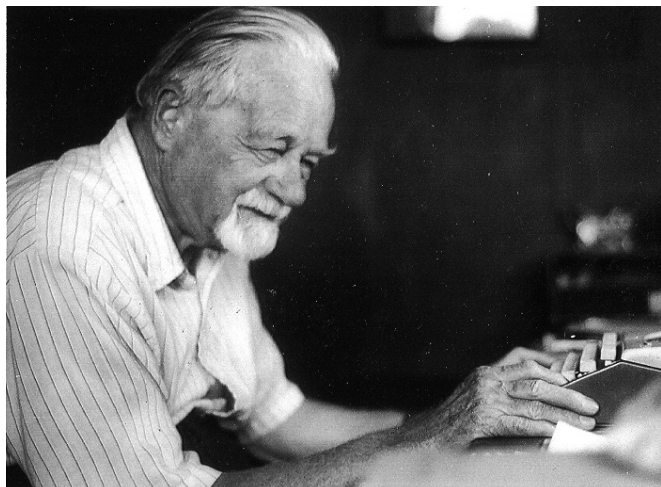
Но объединяло их нечто куда более прочное – искренняя любовь к издаваемой ими поэзии, трудовой энтузиазм и фундаментальное сходство издательских принципов, среди которых были очевидный крен в сторону эдиционной академичности.

Мандельштамовское собрание, над которым они работали без малого три года, было одним из первых в этом ряду и одним из определяющих. В сущности, оба, не сговариваясь и не называя, ориентировались на высочайшую издательскую культуру советской серии «Библиотека поэта», от которой, вместе с тем, они хотели бы и отличаться и которую даже хотели бы в чем-то и превзойти (отсюда, представляется, и поразительная склонность к библиографиям во всех их изданиях).

В конце сентября 1952 года Борис Филиппов обратился к Глебу Струве с предложением одновременно романтическим и деловым: сообща приготовить собрание сочинений Осипа Мандельштама. И получил ответ – положительный!

К концу 1953 года Струве и Филиппов не только серьезно продвинулись в поиске и освоении публиковавшейся части наследия Мандельштама, но и обрели – в лице Издательства имени Чехова⁷ – пусть и сугубо предварительного и капризного, но все-таки дееспособного

⁷ Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc.

Глеб Петрович СТРУВЕ (1981)

Борис Андреевич ФИЛИППОВ (1978)

издателя. Но и в лице Струве и Филиппова издательство получило весьма тщательных и добросовестных, но не самых быстродейственных своих авторов, стратегической целью которых было уместить в будущее издание как можно больше текстов Мандельштама и материалов о нем. У издательства же была иная цель: Мандельштам – да, но не «сколько угодно» составителям, а сколько позволят издательские лимиты. Ситуация была запрограммирована если не на конфликт, то на борьбу. Каковую Филиппов называл «долблением», и называл, как видно из второй части его переписки со Струве, довольно точно.

Тем не менее, совместная и довольно слаженная деятельность Б.Ф. и Г.С. – непреложный факт, нашедший себе превосходное отражение в их обширной переписке, ведшейся десятилетиями и, по счастью, довольно хорошо сохранившейся⁸. Эти мысленные стопки писем бережно хранятся в архивных папках на двух противоположных концах США – в Калифорнии и Коннектикуте: письма Б.Ф. к Г.С. – в архиве Г.П.Струве в Гуверовском институте в Стэнфорде⁹, а письма Г.С. к Б.Ф. – в архиве Б.А.Филиппова в библиотеке Байнеке в Йельском университете¹⁰. Здесь же, в архиве Филиппова, имеется и некоторое количество копий писем Б.Ф. к Г.С., в том числе и тех, оригиналы которых в архиве самого Г.С. оказались утраченными¹¹.

Ниже приводятся фрагменты переписки Г.С. и Б.Ф., связанной с подготовкой и выходом в 1955 году тома О.Э.Мандельштама в издательстве им. А.П.Чехова.

Среди 85 публикуемых писем решительно преобладают письма Б.Ф. Их 77¹², и это связано не только с тем, что он чаще писал, но и с тем, что Г.С. лучше хранил его письма, тогда как Б.Ф., на котором лежала

⁸ Судя по всему, утрачено лишь небольшое количество писем – что, впрочем, тоже следствие их совместного труда: утраченное скорее всего закладывались в рабочие папки, например, с библиографиями, где залеживалось и в какой-то момент терялось.

⁹ Hoover Institution Archives, Collection G.Struve, Boxes 83-84.

¹⁰ Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Collection GEN MSS 334 (Boris Filippov Papers), Boxes 6-9.

¹¹ Благодаря администрации и сотрудников обоих хранилищ (но в особенности А.Шмелева из Стэнфорда и Н.Счиарини из Йеля) за щедрую помощь в работе над указанными материалами, М.Адамович – за помощь в подготовке журнальных публикаций, а А.Арьева, Б.Ковалева и М.Сальман – за различные сведения и уточнения. Отдельная благодарность И.Авцыной, Л.Брусиловской и Н.Мерзликиной за большую техническую помощь.

¹² В публикуемый корпус включены два неотрывных от темы переписки и адресованных Б.Ф. писем третьих лиц – Т.Г.Терентьевой из Издательства им. Чехова и М.М.Карповича из «Нового журнала» (их копии Б.Ф. переслал Г.С.).

большая часть технической работы, по-видимому, не собирал письма Г.С., а сходу раскладывал по рабочим папкам, то есть пускал в дело.

Из экономии места ограничимся здесь этим уровнем описания документов как достаточным и не станем давать более дифференцированные отсылки (к номерам ящиков, папок и листов). Для наглядности тексты приводимых или цитируемых писем Г.С. и Б.Ф. даются курсивом, как, впрочем, и все остальные цитаты в этой книге, и все публикаторские пропуски обозначаются знаком купирования: <...>. Корпусу публикуемых писем придана сквозная нумерация, взятая в хронологическом порядке.

Уже в письмах 1952 года тема издания О.М. не только обозначена, но и вовсю обсуждается во всех подробностях, прежде всего в составительских и библиографических. Но все-таки она еще уступает по значимости и интенсивности теме первоочередного проекта – двухтомника Н.Клюева в том же издательстве им. Чехова. В переписке за 1953 год «Мандельштам», самой ранней датой выхода которого оптимист Б.Ф. провозглашает конец этого года, уже явно опережает «Клюева». В 1954 и 1955 гг. в переписке доминируют вопросы текстологии и библиографии О.М., а также издательской судьбы проекта.

Самое начало переписки, а, значит, и отношений Б.Ф. и Г.С. датируется осенью 1952 года: Б.Ф. тогда жил в Нью-Йорке, а Г.С. – в Беркли, где преподавал русскую словесность в университете.

26 сентября Б.Ф. обратился к Г.С. со следующим письмом, посвященным подготовке к изданию тома Николая Клюева¹³:

<1>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 26 сентября 1952 г.

«Нью-Йорк. 26 сентября 1952.

Глубокоуважаемый Глеб Петрович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Я передал в Чеховское издательство комментированное и со сводом вариантов собрание стихотворений Николая Клюева. Мною собрано все, что я мог найти в книгах, журналах, альманахах, антологиях. Но я нигде не мог

¹³ «Полное собрание сочинений» Н.Клюева в 2-х тт. под редакцией, со вступительной статьей и с комментариями Б. Филиппова вышли в Издательстве им. Чехова в 1954 г. В 1969 г. «Сочинения» Н.Клюева в 2-х томах – уже под двойной редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова – вышли в мюнхенском издательстве «Нейманис»

найти следующих книг поэта: 1) “Львиный Хлеб”, 1922 (два издания: “Новый Путь”, Москва и “Скифы”, Берлин); 2) “Плач по Есенину”, 1926; 3) “Изба и Поле”, 1926. Кроме того, для вариантов и пр. работы желательно было бы иметь под руками “Братские песни”, 1912, и “Лесные были”, 1913. Два последних включены в имеющийся у меня “Песнослов”, но я не знаю о наличии ряда разночтений. Если что-либо имеется в библиотеке Калифорнийского Университета или в Вашей личной, не откажите в любезности – сообщите мне по адресу: 204 Manhattan Ave, Apt.31, New York 25, NY- Boris Filipow. Если можно, был бы рад в свою очередь быть Вам полезным. Кое-что имеется и у меня – редкие вещи Заболоцкого (“Столбцы”), Мандельштама (газетные публикации), Вс.Рожественского, Валентина Кривича (неизданное). Могу интересующее Вас – переписать д/Вас на пиш. машинке и прислать Вам. Очень был бы рад, если бы можно было издать полного Клюева. И если в библиотеке Университета есть эти книги, можно их, очевидно, выписать на время в Ньюйоркскую публичную библиотеку, где я их перепису. Если эти книги есть у Вас, я буду Вам бесконечно признателен, если Вы закажете переписать недостающее у меня. Перепечатка, само собой разумеется, будет оплачена мною. Очень прошу Вас помочь мне, так как Клюев еще никогда не был собран, и было бы очень хорошо его собрать возможно более полно. Прошу Вас написать мне несколько строк – имеются ли у Вас какие-либо из этих книг и согласны ли Вы помочь издательству и мне в собрании Клюева? Имеются ли эти книги в библиотеке Калифорнийского Университета?

Простите, что не будучи знаком с Вами, я обращаюсь к Вам с просьбой. Но когда уже собрано больше 310 поэм и стихотворений Клюева, хотелось бы собрать все им опубликованные вещи.

Ваш Борис Филиппов.

P.S. Меня знают Роман Борисович Гуль¹⁴, отчасти – Михаил Михайлович Карпович¹⁵»

¹⁴ Гуль Роман Борисович (1896–1986), в то время ответственный секретарь «Нового Журнала». О его отношении к Г.С. и Б.Ф. и их работе над книгой Мандельштама см. в переписке Гуля с Г.И. и его женой: Георгий Иванов – Ирина Одоевцева – Роман Гуль. Тройственный союз. Переписка 1953-1958 годов / Публ., сост. и коммент. А.Ю.Арьева и С.Гуаньелли. СПб: Петрополис, 2010).

¹⁵ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, профессор Гарвардского университета, с 1943 по 1959 гг. – главный редактор «Нового Журнала».

На письме – помета Г.С.: «*Отв[ечено] 30/IX/52*». К сожалению, сам ответ не сохранился¹⁶, но суть его ясна из последующих писем: помощь была оказана. Б.Ф. благодарит за нее в письме от 4 октября 1952 года: «*Большое спасибо за быстрый ответ и любезное согласие помочь моей не слишком легкой работе по собиранию Клюева... Большое, большое спасибо!*».

В этом же – втором по счету – письме Б.Ф. в только начавшуюся переписку решительно врываются Мандельштам и проект издания его сочинений¹⁷. Примечательно, что в нем обозначены несколько «мандельштамовских» переводов, в действительности же принадлежащих не О.М., а, в одном случае, Николаю Гумилеву (переводы из Ф.Вийона) и Исаю Мандельштаму, в другом (из Г.Гейне).

«Перехожу, наконец, к Мандельштаму. И здесь у меня одно предложение. Не зная, что Вы уже занялись Мандельштамом, я разговаривал с Чеховским Издательством об издании сочинений Мандельштама (стихи – переводы – “Шум времени”, “Египетская марка”, критич. статьи, манифесты и пр.; все это легко уложится – вместе с вариантами, примечаниями и статьями в один том). Чеховцы принципиально согласились включить это издание в план работ будущего года. Не согласились ли бы Вы – вместе со мной – быть редактором Мандельштама? Мы бы могли собрать его с наибольшей полнотой, а это очень нужно.

У меня уже переписан на машинке весь “стихотворный” Мандельштам: “Камень” (использованы все три издания: 1916, 1923 – очень расширенное, – и соответствующий раздел “Стихотворений 1928”), “TRISTIA”, “Вторая книга”, “1921-1925” из “Стихотворений” 1928, детская книжка 1926 “Кухня”, следующие журнальные публикации <...>

Как только закончу переписку стихов Мандельштама, вышлю Вам экземпляр. Если бы Вы согласились вместе со мной быть редактором Мандельштама, можно было бы еще более полным и научным сделать это издание. Большинство вариантов уже собрано мною. Ос-

¹⁶ Самое раннее ответное письмо Г.С. датировано 25 ноября 1952 г. Надо отметить, что «сохранность» писем Б.Ф. к Г.С. в целом значительно выше. Причинами являются оставление Б.Ф. во многих случаях копий своих писем у себя, а также то, что письма Г.С. он сразу же определял в папки с текущими рабочими материалами.

¹⁷ Заметим, что О.М. был упомянут Б.Ф. уже в первом его письме Г.С. в связи с редкими газетными публикациями, которыми располагал Б.Ф.

тается еще раз пересмотреть старые журналы 1909-1919 гг., постараться найти воронежские издания и журналы 1918-1925, а также попытаться заполнить пробел: 1926-1929 гг.: мы не имеем сейчас ни одного стихотворения М., датированного этими годами.

Если бы Вы согласились участвовать в таком совместном предприятии, мы бы предварили его двумя статьями – Вашей и моей, при этом легко договорились бы о теме той и другой. Платят за такие издания Чеховцы немного, но дело само по себе интересное, и даже неотложное, ибо книги, журналы, газеты – все это быстро истлевает, и через год-два многое исчезает без следа. И даже теперь многого мы уже не сможем найти.

Если будете в Нью-Йорке, – будем рады Вас видеть у себя. Лидию Аверьянову не встречал и, к сожалению, судьбы ее не знаю. Из “ленинградцев” чаще всего встречался с Н.С.Тихоновым, А.А.Ахматовой, М.М.Шкапской, Н.А.Заболоцким, М.М.Зоценко, К.А.Фединым, Брауном, Рождественским, Тыняновым, Шкловскими – Виктором и Борисом, Борисом Бухитабом и Веней Кавериным. Знавал К.Олимпова, Клюева, Пим. Карпова и покойного Костю Вагинова.

Простите за длинное и несуразное письмо. Привет и самые лучшие пожелания.

Искренне уважающий Вас Борис Филиппов»

И снова об ответе Г.С. мы можем судить только по ответу Б.Ф.:

<2>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 10 октября 1952 г.

10/X/52

Нью-Йорк, 10 октября 1952.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Был очень рад получить от Вас большое письмо. Спасибо! Спасибо и за принципиальное согласие вместе создать первое “полное собрание сочинений” Осипа Мандельштама. О, поверьте, что когда я писал о том, что “чеховцы немного платят за подобные издания, я отлично учитывал, что только при наличии этого издательства и можно думать о подобном “собрании сочинений”. Если я написал об этом, то только потому, что сейчас у русской интеллигенции появились и другие возможности

– печатать свое, читать лекции, преподавать язык и т.д. И теперь этот заработок – за редакторство – непропорционален затратам труда. Я же все равно, выйдет ли Клюев, Мандельштам, Заболоцкий и “Поэты советского подполья” (неизданные стихи Валентина Кривича-Анненского¹⁸, Александра Котлина¹⁹, Льва Флоринского²⁰ и др.), решил подготовить их для печати. Еще не было никакого чеховского издательства, а я уже все почти свободное время собирал их и все о них ... И обрадовался, узнав, что Вы также собирали и собираете Мандельштама. Соединим усилия: может быть, нам и еще придется над чем-нибудь поработать вместе. Ведь ни Вы, когда собирали материалы для «Рифмы», ни я, когда собирал Клюева, Мандельштама или Заболоцкого, не думали о долларах. И раздел их пополам за Мандельштама никого из нас не обидит. Вместе с тем, во

¹⁸ Кривич-Анненский Валентин Иннокентьевич (1880-1936) – литератор, сын И.Ф.Анненского и царскосельский друг Н.Гумилева.

¹⁹ Котлин (настоящая фамилия Егунов) Александр Николаевич (1905-1980) – геофизик и моряк, прозаик и поэт. В 1936-1941 гг. в ГУЛАГе (Чибью), с июня 1941 г. в Новгороде. Коллега Б.Филистинского по работе в гестапо г. Новгорода в 1941-1943 гг. (Ковалев Б. От “Новгородского гестапо” до Вашингтонского университета // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы докладов и сообщений научной конференции. Часть I. Новгород, 1999). Бежал на Запад, но был репатриирован в СССР, направлен в Ухту. После одного из нелегальных приездов в Ленинград к жене, снова был арестован и направлен в Сибирь. Освобожден в 1956 г., но до 1965 г. проработал в сейсморазведовательных партиях в Ухте. С 1965 г. в Ленинграде (В.П. Потолицын. Биографические материалы // Репрессированные геологи. М.-СПб. 1999). Его брат – Андрей Николаевич Егунов (псевдоним: Андрей Николев; 1895-1968) – поэт-футурист, прозаик, литературовед и переводчик. Выпускник Тенишевского училища и филологического факультета Санкт-Петербургского университета, член переводческого кружка античной литературы АБДЕМ. С середины 1920-х гг. входил в ближайший круг друзей М.А.Кузмина. В 1933 г. арестован по делу Р. В. Иванова-Разумника и выслан из Ленинграда в Томскую область. В 1938 г., по истечении ссылки, поселился «за 105-м километром» в Новгороде. Во время немецкой оккупации Новгорода служил переводчиком в городской управе, был хорошо знаком с Б.Ф. Эвакуированный в 1944 г. в Германию, сумел, по-видимому, выдать себя за остарбайтера и в 1945-1946 гг. преподавал немецкий язык красноармейцам в советской зоне оккупации. Осенью 1946 г. бежал в американский сектор Берлина, но был выдан американцами, задержан и приговорен к 10 годам лагерей (в Казахстане и Зап. Сибири). Последние годы жизни провел в Ленинграде, где преподавал и переводил. Первым публикатором стихов Егунова стал Б.Ф., включивший их в сборник «Советская потаенная муза» (Мюнхен, 1961).

²⁰ Лев Андреевич Флоринский (1909 – ?), книголюб. В 1932-1937 гг. на Соловках, затем в Ухте и Ветлосьяне (см. Чирков Ю.И. А было все так... М., 1991; в сети: http://fictionbook.ru/author/chirkov_yuriyi_ivanovich/).

второй половине будущего года должен выйти мой Ключев. Если вопрос о Мандельштаме поставлю я, то мне ответят так, как уже ответили: – Это очень интересно и важно. Вот закончим с Вашим Ключевым, – поговорим тогда о Мандельштаме.” Но я заинтересован здесь не в своем имени, не в своем заработке, а именно в скорейшем выходе в свет Мандельштама. Перед Ключевым, Мандельштамом, Заболоцким; и неизвестными Вам – это все псевдонимы: Котлиным, Львом Флоринским – у меня еще и моральный долг: я их знал, Ключев и Мандельштам были значительной вехой на моем творческом пути, а с Заболоцким и молодыми – дружил... У меня ряд неизданных вещей Вс.Рождественского, Вал. Кривича и др. – все это истлевает, утрачивается ... Если о Мандельштаме будете сейчас договариваться с “чеховцами” Вы, как о нашей совместной работе, Мандельштам может быть включен в ту же очередь, что и Ключев. А “промедление смерти подобно” – нужно с Мандельштамом у “чеховцев” ковать железо, пока горячо. К концу будущей недели будет переписан уже набело весь “стихотворный” Мандельштам (в связи с этим немного задержится моя посылка Вам “Столбцов” Заболоцкого в полной копии), и можно будет начинать окончательные переговоры с “Чеховцами”. Вот видите, у Вас есть вещи, которых я не мог достать: “В душином баре иностранец” – его нет ни в одной из книг М., у Вашего брата²¹ есть “Примус” (Ленинград, “Время”, 1925), о которой я знал, но никогда не видел, есть и разночтения в ряде стихотворений, помещенных в редких альманахах. Если у Вас есть номера “России” со стихами Ключева и Мандельштама, это очень важно. Вместе мы лучше подберем и прозу. Со статьями: ПРИВЛЕКАТЬ С.К.Маковского нельзя: провалится все издание ... Можно использовать его воспоминания, помещенные в НРС, как ряд других материалов. (“Петербургские зимы” Г.Иванова, например). Одновременно посылаю Вам все те стихи, которых у Вас нет

<...>

Кроме того, мы бы с Вами скорее и полнее собрали прозу. Итак, единственным препятствием к нашей совместной с Вами работе является ваш сборник несобранного Мандельштама, пересланный Маковскому. Не думаю, что Вам нужно сразу же сообщать “Рифме” о переговорах с “чеховцами”: об этом можно сообщить уже после получения “заказа” от чеховцев. Если Вы согласны, то статью о Мандельштаме написали бы Вы, а я написал бы небольшую статейку о мандельштамовской прозе и

²¹ Струве Алексей Петрович (1899-1976) – библиограф-славист, с 1920-х гг. в эмиграции, в Париже; родной брат Г.П.Струве и отец Никиты А.Струве.

взял на себя составление примечаний, сводку важнейших разночтений и т.п. Теперь относительно самих принципов редактирования стихов: во избежание субъективности в подходе к выбору того или иного текста, брать позднейшую публикацию (“Стихотворения” 1928 и позднейшие публикации), для стихов, не включенных в Стих.1928, их последнюю публикацию. В ряде случаев, когда легко установить, что пропуск или замена строк, слов или целых строф произведен поэтом под давлением цензуры, – восстанавливать полный текст произведения, а в примечаниях давать последний вариант, вынужденный цензурным давлением. Впрочем, в Клюеве я указывал ВСЕ решительно разночтения, кроме разночтений в очень причудливой пунктуации. Пунктуацию Мандельштама брать по позднейшим публикациям. Установление ДОцензурного текста уже произведено: так, стихотворение “Люблю под сводами седья тишины Молебнов, панихид блужданье” – уже в “Тристуа” – 22 г. подверглось некоторой переработке: был слегка притушен его религиозный строй изменением первых пяти строк: “Исакий под фатой молочной белизны Стоит седую голубятней...” (“Тристуа”, Петрополис, 1922, последнее стихотворение). **ОЧЕНЬ ВАЖНО**, что Вы имеете этот первый вариант в газетной или еженедельно-журнальной публикации. Я его имею давно, но в перепечатке (сборник “Петербург” под ред. Глеба Алексеева, Изд. “Север”, Берлин, 1923, стр.44). Кстати, в этом сборнике есть и Ваши стихи на стр. 108 – “Город великих соблазнов”. В этом сборнике еще несколько вещей Мандельштама. Я принял в основной текст именно эту публикацию, но не имел ее первоисточника, оказавшегося у Вас. Второй раз эта вещь была, как я уже говорил, опубликована – с заменой первых пяти строк – в “Тристуа”. Этот вариант – в примечаниях. Еще более разительный случай со стихотв. “В Петербурге мы сойдемся снова”, **СОЗНАТЕЛЬНО** помещенным среди стихов 1916 года и **БЕЗ ДАТЫ** в издании 28 года. А в “Тристуа” и дата – 25 ноября 1920. – и иной текст:

	СТРОКА “ТРИСТУА”	“СТИХОТВОРЕНИЯ” 1928
5	В черном бархате СОВЕТСКОЙ ночи	В черном бархате ЯНВАРСКОЙ ночи
16	Я в ночи СОВЕТСКОЙ помолось	Я в ночи ЯНВАРСКОЙ помолось.
25-28	Где-то грядки красные партера, Пышно взбиты шифоньерки лож; Заводная кукла офицера Не для черных душ и низменных святош...	Где-то хоры сладкие Орфея, И родные темные зрачки, И на грядки кресел с галереи Падают афиши-голубки.

Опять-таки, и место в ряду других стихотворений, и дата, и текст – берется по “Тристия”, а вариант – в примечаниях. А вариант небезынтересный! Стихотворение, начатое в изд.28 г. со строк “...в кипящие ночные воды Опуцен грузный лес тенет” необходимо восстановить по той же “Тристия” (и “Второй книге”): “Прославим, братья, сумерки свободы, Великий сумеречный год...”, и восстановить пропущенные цензором в изд. 28 г. строки 9-10: “Прославим власти сумрачное бремя, Ее невыносимый гнет”. Стихотв. “В хрустальном омуте какая крутизна!”, помещенное в стих.28 только в виде первого катрена, восстановить полностью по Тристия, ибо остальные три катрена изъяты из-за их религиозной окрашенности, как изъяты полностью из сборн.28 года ряд мандельштамовских лучших вещей: “В разноголосице девического хора”, “Вот дароносица, как солнце”, “Люблю под сводами седья тишины” и ряд др. Но есть другие сокращения и усечения, НЕПОЛИТИЧЕСКОГО характера, и здесь мы принуждены ИТГИ за автором, давая более полные редакции в примечаниях (там же и разночтения). Так, Мандельштам любил в последних редакциях усекать последние катрены или даже обрывать стихи на полустроке, ссылаясь, между прочим, на “Осень” Пушкина: “Плывет. Куда ж нам плыть?”... “Настоящая поэзия никогда не ставит точки над і ...Никогда не договаривает”, – говорил нам, “начинающим”. И вот, в сборнике 28 года он сильно “урезал” ряд стихотворений, в особенности ранних. Так, стих. “Как тень внезапных облаков”(пятнадцатое по порядку в сб. 28 г.) обрывается на полуслове: “И лодка, волнами шуриша, Как листьями”... в первой редакции – публикации в “Аполлоне”, 1911, ном.5, оно заканчивалось так: ...“Как листьями, – уже далеко... И, принимая ветер рока, Раскрыла парус свой душа.” Первая редакция – в примечаниях! Есть и обратные явления: в первых редакциях – усечен первый или последний катрен, а в изд.23 и 28 гг. – восстановлен. Так, в изд. “Камня” 1916 стих. “Сусальным золотом горят” /в изд.28 – второе/ – опубликовано без второго катрена, появившегося впервые в “Камне” 1923. Стих. “Слух чуткий парус напрягает” (четырнадцатое в 28 г.) в “Камне” 1916 – без первого катрена. Зато в стих. “Когда удар с ударами встречается” (11-е в 28 г.) усечен последний катрен, имеющийся в изд. 1916 и 1923:

*И вереница стройная уносится
С веселым трепетом, и вдруг –
Одумалась и прямо в сердце просится
Стрела, описывая круг.*

Подобные усечения – в примечаниях дать пропущенное в окончат. редакциях. В стих. “Мы напряженного молчанья не выносим” – отброшена в изд. 28 г. последняя строка: “Чтоб горло повязать я не имею шарфа!” И т.д. Но необходимо восстановить редакцию “Тристуа” в “Зверинце”, ибо пропуски там – ВНЕлитературного происхождения, и т.д. Сложнее вопрос с самим стих. “Тристуа”. “ВЕСЕЛИЙ городских” не только в “Стих.28”, но и в “Тристуа”, 1922, и в нек. др. публикациях. “Вигилий городских” – в “Цехе поэтов” (если не ошибаюсь – сейчас нет у меня под рукой) и – это я имею перед собой – во “Второй книге” 1923. Но у Мандельштама была тенденция – вычищать из своих стихов латино-греческую меднозвучную красоту первых лет своего творчества. И трудно решить, имея несколько ПОЗДНЕЙШИХ “веселий городских”, что предпочесть: их, или привычных и мне самому “вигилий”... Опять-таки, это вопрос не слишком трагический – при печатании ВСЕХ основных разночтений. Отказаться придется только от разночтений в пунктуации, приняв позднейшую авторскую, и от разницы в графическом “рисунке” стихов (вдвое большее количество строк в стих. “Вы, с квадратными окошками, невысокие дома” – в публикации “Новой России”, 1926, ном. I, несколько иное располож. Строк в “Нашедшем подкову” и “Язык булыжника” – в различн. публикациях, и т.д.). Их почти не придется оговаривать, чтобы не “засушить” книгу, сделав ее скучной для читателя. Все же ТЕКСТОВЫЕ разночтения – укажем. В приложениях же полностью поместим статью Гумилева о Мандельштаме из “Писем о русской поэзии” (о “Камне”), и в отрывках – другие критические высказывания о поэте и отрывки из дневника Блока о М.

Что из прозы М. Вы возьмете – при редактировании – на себя, что возьму я (хотел бы “Шум времени”) – разделим работу легко и полюбовно. Напишите Алексею Петровичу относительно “Примуса” – думаю, что и пересылать его не стоит – он, очевидно, легко уместится на двух страничках, можно переписать и в Париже. Как только закончу какой-либо раздел М. перепиской набело, сейчас же вышлю Вам (“Столбцы” Заболоцкого тоже). Буду искать недостающее еще и в других библиотеках.

Простите за длину письма – деловое, приходится писать “протяженно-сложенно”. Да! По вопросу о расположении материала в книге – принята хронологическая последовательность внутри отдельных книг стихов, причем в расположении материала по книгам приняты

за основу “Стихотворения” 28 г. Из кн. “Триптих” в “Камень” перенесено мною одно стих. (не вошедшее в изд. 28 г. – “От легкой жизни мы сошли с ума”, датированное 1913 г.).

Привет и самые лучшие пожелания! Все деловые разговоры окончил, теперь жду Вашего окончательного ответа, а также недостающие тексты, за которые заранее благодарю. Жаль, что в этом году не появитесь на Востоке...

Уважающий Вас Борис Филиппов.

Г.С. ответил Б.Ф. 14 октября, но и это письмо, увы, не сохранилось. Следующим в череду оказалось снова письмо Б.Ф., фиксирующее немаловажный этап в истории каждой книги: регистрации рукописи в издательстве.

<3>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 27 октября 1952 г.

Нью-Йорк, 27 октября 1952.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Прежде всего, прошу прощения за такой запоздалый ответ на Ваше письмо от 14 октября. Не отвечал Вам почти целую неделю. “Смягчающие вину обстоятельства” – был, во-первых, болен, а во-вторых, ждал ответа от Чеховского издательства. Сегодня зарегистрировал у Т.Г.Терентьевой²² первую часть текстов Мандельштама – стихи. Посылаю Вам – одновременно с этим письмом – копию представленного в издательство. Договорился, что за нами остается право изменять, дополнять и пр. Но важно было КАК МОЖНО СКОРЕЕ зарегистрировать рукопись (хотя бы путем предъявления ее части), ибо чеховцев буквально осаждают авторы и графоманы (последних неизмеримо больше). Татьяна Георгиевна Терентьева сказала мне, что проведет Мандельштама почти сразу же за Клюевым, и очень заинтересовалась нашим изданием. В посланном Вам экземпляре нет только “Кухни” и переводов, кроме одного, “нового”. На днях вышлю сводку вариантов и копию “Столбцов” Заболоцкого (начата переписка). В посланном Вам экземпляре мандельштамовских переводов остались неисправленными опуски <...>

²² Терентьева Татьяна Григорьевна (1908-1968) – редактор Издательства им. Чехова (Нью-Йорк).

Теперь относительно стихотворения, помещенного в “Гиперборею” и присланного Вами. Оно является очень интересной находкой ПОЛНОГО варианта стихотв., помещенного в посылаемой Вам копии под номером 44-м (“Дев полуночных отвага”). И в “Камне” 1916 года, и в “Камне” 1923, и в “Стихотворениях” 1928, – этот первый катрен опущен автором. В нек. книгах стихотворение начинается с ... (в “К” 1916 ... нет, но в Ст28 – стихотворение прямо начинается с ...). Я долго искал – для примечаний – разгадку этого многоточия, всегда означающего у М. одно и то же: что начало опущено ... Теперь вопросы принципиальные. Чеховцы идут на НАУЧНОЕ издание Мандельштама – Т.Г.Терентьевой понравился, видно, Клюев. Свод важнейших разночтений в примечаниях к Мандельштаму СОВЕРШЕННО необходим. В предыдущих письмах я указывал на несколько случаев очень любопытных: в стих. “Люблю под сводами”, “В Петербурге мы сойдемся снова” и т.д. Кроме того, интерес представляют и опущенные поэтом строфы и отдельные строки. Не идут только чеховцы никак на портрет... В чем должна заключаться работа над прозой? Некоторые статьи Мандельштама, ранее опубликованные в журналах, вошли затем – с некоторыми изменениями в его книгу “О поэзии”. Какой вариант принять? Не всегда это, очевидно, позднейший, ибо многое могло быть изменено в угоду отнюдь не литературным соображениям. В каждом отдельном случае нужно, очевидно, решать – какой текст избрать, ибо здесь разночтения в примечаниях показывать смысла нет никакого. Примечания, конечно, будем делать вместе, как и всю книгу. Распределение статей и пр. – обо всем этом договоримся легко! Биография, конечно, необходима. Думаю, что можно соединить ее с общей статьей о Мандельштаме, введя в статью и обильный цитативный материал из воспоминаний о М. Маковского, Г.Иванова и др. Обилие живых воспоминаний сделает статью более интересной для рядового читателя, и важно в другом отношении: явится первым сводом данных о поэте. Отзывы Блока, Гумилева и др. о М. – лучшие дать в примечаниях к соответствующим разделам книги – более полно (статью Гумилева из его “Писем о русской поэзии” – полностью, статью Жирмундского “Преодолевшие символизм” – в больших цитатах, и т.д.), в Вашей статье – цитативно. Именно в этой форме и приняли Клюева чеховцы (да еще со словарем и хлыстовскими текстами). Библиография как самого М., так и литературы о нем – обязательна. На днях пошлю Вам мои

данные для нее – по каждому из посланных Вам стихотворений. Библиографией М. и о нем – откроем примечания. В приложениях следует дать и стихи, Мандельштаму посвященные (в т.ч. и то стих. Городецкого, которое Вы нашли в вашем Гиперборее).

Библиографию делать нужно, конечно, тоже вместе. Причем, я пришлю Вам ОСНОВУ для библиографии книг и журнально-альманашных публикаций М., а у Вас есть – пришлите мне при случае, основа для библиографии о Мандельштаме – литературы о нем, воспоминаний о нем и т.д.

Сегодня, мне кажется, отпало и самое серьезное Ваше “НО”: в принципе, на издание М. чеховцы ВТОРИЧНО дали согласие и зарегистрировали рукопись. Вам, таким образом, не нужно вести переговоры с чеховцами о Мандельштаме.

<...>

Вот и все пока что новости. Полагаю, не плохие. Чеховцы так халтурно издали “Антологию русской лирики” Боголепова²³, так изгадили Ахматову, и вокруг этих изданий уже столько шума, что им, естественно, хочется сейчас дать что-либо серьезное. Ваш Гумилев вышел еще тогда, когда у них был “первый разгон” – и они не представляли себе, как встретят Ахматову и “Приглушенные голоса”, также весьма недоработанные. Уже чудом в пределах их издательства был Ваш Гумилев: теперь, после Вашего письма, я знаю, каких трудов Вам стоило добиться необходимого качества издания. Сейчас, возможно, протолкнуть издание типа Гумилева, много легче. Тем более, что с Т.Г.Терентьевой говорить легко, она любит стихи.

Еще одна просьба: попросите Алексея Петровича прислать Вам текст “Примуса”, 1925, – я для него “зарезервировал место” в стихах М. Сегодня пишу письмо и Алексею Петровичу: отсылаю ему любезно

²³ Боголепов Александр Александрович (1885–1980). Выпускник юридического факультета С.-Петербургского Университета (1911), профессор (с 1921) кафедры государственного права юридического факультета Петроградского университета. В 1922 г. выслан из России. Ученый секретарь и член правления Русского научного института в Берлине, доцент Русского юридического факультета в Праге. С 1945 г. в США, профессор патрологии в Свято-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль), профессор канонического права Свято-Владимирской православной богословской семинарии (Нью-Йорк), председатель Русской академической группы в США (1966–1970). Речь идет о книге «Русская лирика от Жуковского до Есенина» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952).

присланную мне для работы книжку Клюева (“Лесные были”) и благодарю за сердечную помощь в работе.

<...>

Еще раз простите за поздний ответ – он, повторяю, был вызван отнюдь не небрежностью в переписке (частое явление!), а болезнью и последними переговорами с чеховцами. На днях высылаю варианты, набросок библиографии и Столбцы Заболоцкого.

Привет и самые лучшие пожелания!

Искренне Вас уважающий
Борис Филиппов.

<...>

Кстати, если нам удастся осуществить издание полного Мандельштама, то оно будет так сказать “Борисоглебским”...

4 ноября 1952 г. Б.Ф. отправляет Г.П. новое письмо:

<4>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 4 ноября 1952 г.

4/XI/52

Нью-Йорк. 4 ноября 1952.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам, наконец, ВСЕГО собранного мной Заболоцкого (только без превосходной статьи А.Н.Котлина о нем – нет времени переписать) и библиографию Мандельштама, сводку вариантов и разночтений. <...> Переищу Вам с очередной партией Мандельштама – теперь уже прозы. – “Раковина” М. и “Плясая” Клюева – таких книг не выходило. Это, конечно, “Братские думы” К. и “Камень” М. Было бы очень хорошо раздобыть начальные строфы мандельштамовского стих. “Реймс и Кельн”, две последних строфы которого я взял из статьи Георгия Иванова “Военные стихи” – в ном.4/5 “Аполлона” за 1915. Может быть, их помнит сам Г.Иванов? Очень было бы хорошо, если бы г-жа Патрик нашла “Братские песни” Клюева! Тогда мне не доставало бы только “Львиного Хлеба” и “Избы и Поля” К.

<...>

Когда получите от Алексея Петровича список “Примуса”, пришлите копию мне. Я дополню экземпляры “Чеховского” изд-ва, и свой.

“Свиток” здесь имеется только один – выпуск 4-й, в нем ничего нет ни М., ни Клюева. “Древню в русской поэзии” Глеба Алексеева видел – там ничего нового для меня нет.

Если обнаружите в Заболоцком описки – извините: сейчас мы живем большой семьей и достаточно тесно, и мой рабочий кабинет является и приемной, и гостиной...

Антология Боголепова – верх безграмотности и безвкусыя. Не хочется о ней и говорить много: в ней на лицо такие корифеи, как Туманский, Губер, Добролюбов (критик), Жадовская, Суриков, К.Р., Щепкина-Куперник, Ратгауз, Чюмина, Фруг, П.Я., Скиталец, Муништейн-Лоло, Столица... А вот для Кюхельбекера, Каролины Павловой, Мандельштама, Ходасевича, Есенина, Маяковского, Пастернака, Тихонова, Шкапской – места не оказалось... Маленькая статистика: Тютчеву уделено 8 стр., Некрасову 14 стр., а вот Никитину 13 ... А подбор! А текст! Или уж не давать “Телегу жизни” Пушкина, или давать ее в авторской редакции. Ну, Бог с ним! А звание профессора он доподлинно имеет. Он был даже в 1916-17 гг. проректором Петербургского университета.

О “Приглушенных голосах” Маркова²⁴ напишу особо – пошлю Вам на днях мою рецензию на эту книжку. Не ставлю ее на одну доску с совершенно безобразной Ахматовой, но усмотрел в ней искажение текстов, пропуски строк, произвольную и совершенно неверную датировку, неверные данные, неверные имена (Клюев Николай АЛЕКСАНДРОВИЧ, напр. – вместо “Алексеевич”), и т.д.

С Вс. Рождественским встречался, но жену его не знаю. Кажется, он по-прежнему женат на И.Малкиной²⁵.

Еще раз спасибо за книгу!

<...>

Дай Боже, удастся наше издание Мандельштама! Обещают издать.

Я и жена шлем Вам самые лучшие пожелания.

Искренне уважающий Вас
Борис Филиппов.

²⁴ Марков Владимир Федорович (р.1920) – американский славист, переводчик, поэт и публицист. Ученик Г. Струве, защитивший у него в Беркли в 1957 г. диссертацию о В. Хлебникове, в 1957–1990 – профессор Калифорнийского ун-та в Лос Анджелесе. Речь идет о составленной им антологии: Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом. New York, 1952. 414 p.

²⁵ Инна Романовна Малкина.

Спустя две недели – еще одно филипповское письмо улетело в Калифорнию:

<5>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 17 ноября 1952 г.

17/XI/52

Нью-Йорк, 17 ноября 1952.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Долго не писал, так как хотелось послать Вам побольше материала: одновременно с этим письмом посылаю пакет: исправленная и дополненная Вашими данными библиография и сводка разночтений (исправленный от руки старый экземпляр – переписывать сейчас, до нахождения новых материалов, нет смысла; и посланный Вам экземпляр был предварительным, черновым, “рабочим”), а также сводка, из которой ясно видно, какими принципами руководствовались редакторы издания, помещая стихотворения ИМЕННО в этом порядке.

Начинаю ответы на Ваши вопросы, сомнения и замечания в том же порядке, в котором они расположены в Ваших письмах.

1) Порядок расположения материала: Раздел “Камень” расположен в том же порядке, что и одноименный раздел “Стих.1928”, с включением стих. ном. 3,19,34,35,56 и 71 из “Камня” 1916 (в том же порядке, в каком эти стихотв. находились в “К1916”), стих. ном. 79 из “Камня” 1923 (тоже) и стих. ном. 43 из “Тристуа” 1922. Перенесение этого стихотворения – единственный случай, когда нарушен принцип распределения материала по книгам в согласии с авторским их отнесением. Но это стих. датировано 1913 годом и является ЕДИНСТВЕННЫМ стихотворением этой поры, внесенным в “Тристуа” и не перенесенным автором в “Камень” – раздел сборника 1928; автор его просто ИСКЛЮЧИЛ. При перенесении этого стих. в “Камень” – для каждого из разделов устанавливаются четкие хронологические пределы: 1908-1915 для “Камня”, 1916-1921 (собственно, 1920, только последнее стих. – 1921) для “Тристуа”, 1921-1932 – для стихов, включенных в раздел “1921-1925” “Стих.1928”, и стихов, опубликованных в журналах в 1929-1932 гг. т.е. ПОСЛЕ последней книжки стихов Мандельштама. Эти стихи совершенно естественно примыкают к опубликованным в разделе “1921-1925”, и порядок этого раздела нами не нарушается

КРОМЕ одного включения (ном.140) на соответствующее хронологическое “гнездо” стих. 1923 года, опубли. в “Нов. Мире” в 1929 г. Следует ли вводить еще один раздел – “Стихотворения, опубликованные ПОСЛЕ книги стихов 1928 года”? Мне кажется, что не стоит. Ведь если по отношению к “Камню” и “Тристан” автор предъявлял и какие то “полуцикловые” требования и ОЗАГЛАВЛИВАЛ так и соответствующие разделы книги 28 года, то все последующие стихи были им объединены только хронологически: “1921-1915”. Рамки эти в последующих книгах могли быть расширены... Вся кажущаяся непоследовательность такого распределения материала в том, что стих. “Актер и рабочий”, помещенное автором в альманахе “Трилистник”, 1922, и НЕ ВКЛЮЧЕННОЕ ИМ ни в одну из последующих КНИГ СТИХОВ, нами также не включается в раздел “1921-1932”. Но это стихотворение не включено автором – и не включено ЯВНО по соображениям художественного порядка, ибо ИДЕОЛОГИЧЕСКИ во всем творчестве М. только его и можно признать неуклюжей попыткой “отозваться” на требования властей предержащих... Его поэту было бы очень ВЫГОДНО – в политическом отношении – включить в свой сборник, но... невыгодно ХУДОЖНИКУ Мандельштаму... Все же включенные нами стихи опубликованы ПОСЛЕ книги стихов 1928 г. Даже стих. “А небо будущим беременно...”, датированное 1923 годом, опубликовано в 1929 году... Таким образом, в разделе “РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ” останутся стихи, НИКОГДА не включавшиеся автором в свои книги стихов. Относительно стихов для детей совершенно согласен: их НЕОБХОДИМО выделить в особый раздел: между “Разными стихотворениями” и “Переводами и подражаниями”. Относительно этих последних: думаю, что необходимо исключить из основного текста ВСЕ переводы и подражания, даже и помещенные автором в “Камне” 1923. Кстати, в обоих случаях автор отмечает: относительно “Отрывка из “Федры” – ставит в скобках “Расин”, а в сноске к “Сыновьям Аймона” указывает, что это – заимствовано из старо-французского эпоса. Оставление этих вещей в основном тексте нарушит его стройность и цельность: они выпадают из “строения” книги. Таким образом, внутреннее строение “Камня” почти целиком совпадает с таковым в “Камне” “Стих-й 1928”. Перехожу к расположению материала в “Тристан”. Мною допущена была грубая промашка: я не заметил даты стих. “На страшной высоте блуждающий огонь”, и я

поместил его сообразно его примерному местонахождению в “Тристуа” 1922. Сейчас я переместил его с “гнезда” 122-го на 101 место. Стих. ном.101(“Когда в темной ночи замирает”) получает новый номер – 102, на 103 место – сообразно его нахождению во “Второй книге” и “Стих.28” – становится стих., имевшее номер 117 (“Прославим, братья, сумерки свободы”). Теперь последование стихотворений в разделе “Тристуа” нашего собрания соответствует таковому в одноименном разделе “Стих.28”, вплоть до нашего номера (нового 105 “На каменных отрогах Пиерии”), с включением пропущенного ЯВНО по цензурным стих. ном.84 (“В разноголосице...”), включением пропущенного стих. ном. 87 (“Я потеряла нежную камю”) и перенесением стих. “В Петербурге мы сойдемся снова” с его места в “Стих.28” МЕЖДУ стихами 1916 года (притом со СНЯТИЕМ даты “25 ноября 1920 года” и цензурной правкой) – места-гнезда в сборн. 28 г. 77-го, на подобающее ему место среди стихов конца 1920 года (в стар. “номерации” – 116, в новой – 118). Это перенесение автором стих. “В Петербурге мы сойдемся снова” в самое начало раздела “Тристуа” книги 28 года – вместе со снятием даты и (изменениями: заменой слова “советская” на “январская ночь”) – и др. – достаточно показательно... Стих. н. 106 (бывшее 104) датировано 1919 годом, а было помещено в “Стих.28” после стих. 108-110 (“Сестры-тяжесть и нежность и след. два), датир. 1920 годом. В книге 28 г. помещен только первый катрен этого стих., но ЯВНО с целью уменьшить количество “несозвучных” цензуре тем... Поэтому, это стих. помещается нами полностью. Стих. ном. 107 (ранее – 105) – “О, этот воздух, смутой пьяный” включено из “Тристуа” 1922. Далее – порядок следования не нарушается (за исключением указанных выше переносов) и перенес. стих. “Мне жалко, что теперь зима” несколько дальше, чем оно было поставлено в сборнике 28 года (опять по хронолог. соображениям и примерно по его месту во второй книге). Что касается “Второй книги” Мандельштама, то учесть ее в распределении материала в нашем собрании невозможно: она ВСЕ РАВНО распределится по разделам “Тристуа” и стихи “1921 – (безразлично: 1925 или)1932”.

2) Внутрирусского издания книги “Тристуа” не было.

3) “Актер и Рабочий” из альманаха “Трилистник”, Москва, 1922.

3а) Мелочи: в стих. ном.55 у меня “Валкирий” по написанию “Камня 1916”, я машинально не взял написание К23 и Ст.28, т.к. привык,

грешным делом, к написанию без ь. Исправлю...Дата "1918" для стих. "На страшной высоте"... оказалась не мелочью: привела к некоторым изменениям в расположении материала. Спасибо! Стих. ном. 124: "Люблю под сводами седья тишины" – думаю, что Ваш текст БОЛЕЕ РАННИЙ: сборник "Петербург" Гл.Алексеева, вышедший в 1923 году, собирался много раньше 1928 года (в предисловии, датированном 1922-1923 годом, говорится о "годовой работе" составителя). Все тексты Мандельштама взяты там НЕ ПО "Тристуа", а по более ранним публикациям. Там стих. ном. 124 в редакции Вашей вырезки из неизвестной газеты. Проверю, если найду "Накануне" – не оттуда ли Ваша вырезка? Но думаю – по САМОМУ ХАРАКТЕРУ стихов, что следует взять не редакцию "Тристуа", а ред. вырезки и "Петербурга", как совсем идущего вразрез с "духом времени". Редакция "Тристуа" могла быть также некоторым смягчением слишком "напряженно-религиозных" тонов в "Тристуа": сплошь "клерикальная" гамма: "Дароносица", "В разноголосице", да много еще... Разночтения же мы все даем в примечаниях. Стих. 134 "Московский дождик" – "падает" – у меня описка: надо ; – исправил. Стих. ном. 162. "Полночь в Москве": строка 33: тоже ошибка: не "порт-плэда", а "старого плэда". Дело в том, что в совершенно разрушенной, истлевшей газете можно было разобрать только: "Есть у нас паутинка шотландско.. ..ар.(или "ор..") плэда". Сейчас я нашел другой, тоже совсем испорченный, но более целый экземпляр этой газеты, и ПОЛНОСТЬЮ проверил все три помещенные в ней стихотворения. Читается эта строка: "Есть у нас паутинка шотландского старого плэда", – Стих. ном.166. "Батюшков". Вернее всего, что В.Ф.Марков прав: "Зафна", а не "Дафна". Но, думаю, нужно оставить так, как в журнальной публикации, а в примечании оговорить возможность опечатки. Зафна упоминается у Батюшкова в одном стихотворении – "Источник" (из Парни), переводном, правда, но обращенном именно к ЗАФНЕ. Дафна упоминается Батюшковым в оригинальном стихотворении "Ответ А.И.Тургеневу", 1812, но именно только УПОМИНАЕТСЯ. Упоминает мимоходом Дафну Батюшков и в прозе ("Чужое – мое сокровище", 1817), но опять только мимоходом... Однако, не имея ни рукописей автора, ни других публикаций этого стихотворения, ОСТОРОЖНЕЕ повторить "Дафну", оговорив в примечании большую вероятность "Зафны". "Последний час ВЕСЕЛИЙ (или ВИГИЛИЙ) городских"... Что принять, как ОСНОВНОЙ текст? "Ве-

селий” (“Тристия”, 1922, “Стихотворения” 1928) или “Вигилий”) “Дракон” 1921, “Цех Поэтов”, кн.1, 1922, “Вторая Книга”, 1923)? Я склонялся бы к “веселий”, как очевидной авторской воле (опиской и опечаткой ДВУКРАТНОЕ повторение этого слова признано быть не может), но мне самому привычнее “вигилий”. Ваше решение в ту или иную сторону перевесит и облегчит мои сомнения.

4) “Египетской марки”, как отдельной книги, не встречал, рад заполнить пробел в библиографии. Хорошо бы эту книжку достать – для переписки!

5) Дополнил Вашими сведениями и библиографию, и разночтения. Посылаю Вам исправленный и дополненный экземпляр.

б) а) Отделить альманахи от журналов и газет можно, конечно, но некоторые альманахи были, так сказать, “журналообразны” (“ежемесячник” “Гиперборей”, напр.). Расположение их в хронологическом, а не в алфавитном порядке – не так легко, ибо, как Вы сами говорите, необходимо будет сгруппировать вместе одноименные альманахи РАЗНЫХ лет, да еще и альманахи “Цеха Поэтов” расположить рядышком, в одной группе. Но, в общем, порядок расположения материала – вещь второстепенная.

б) Антологии необходимо устранить. Я включил их в наш РАБОЧИЙ экземпляр библиографии, почему и не указал – какие стихотворения в Ежове и Шамурине помещены, почему и не указал “Поэзию револ. Москвы” и “Русскую лирику” Святополка-Мирского (“Страницы лирики” – указал). “Русский Парнас” когда-то имел в своей библиотечке, а сейчас его не встречал, и забыл о нем...

в) Поскольку мы ограничены 416 страницами, а необходимо включить и прозу М., и варианты, и статьи о М., думаю, что лучше ограничиться приведением только тех стих., в которых имеются разночтения. А для полной ясности – где именно опубликовано то или иное стих. М. (тоже – в отношении его прозы) – дать сводку, по образу и подобию той “рабочей”, что я посылаю Вам сейчас (одновременно с этим письмом), но только с названиями и первыми строчками стихотв., а, может быть, и с указанием страницы, где оно у нас помещено. Тогда такая библиограф. сводка явится одновременно и оглавлением, и нам можно будет СЪЭКОНОМИТЬ несколько страниц.

г) Исключая из нашей библиографии антологии, думаю, что надлежит в ней оставить “Петербург” Гл.Алексеева. т.к. в нем мы имеем интересные разночтения, совпадающие с вашей газетной вырезкой.

д) Кроме “Silentium” вы найдете, очевидно, еще описки – мне приходится работать над М. в перерывах – работа для хлеба насущного отнимает львиную долю времени. Я заметил эту описку уже тогда, когда отправил Вам Ваш экземпляр.

е) Очень хорошо, если Вы запросите о “Реймсе и Кельне” Г.Иванова, может он знает и еще какие-либо из невошедших в наше собрание стихи М.? Например, стихи, опубликованные в ном. 9 “Северных Записок” за 1913 год? (они указаны в библиографии), указаны по первым строчкам, но “СЗ” за 1913 год мне найти не удалось. “Лукоморье”, “Столицу и усадьбу” и “Накануне” буду завтра искать.

ж) “О природе слова” я нашел, сейчас переписываю. Я нашел эту брошюру неделю тому назад в б-ке Колумбийского ун-та. “Камень” 1913 года: НИКОГДА не видел эту книжку, не встречал ее и на родине...

з) Очень хорошо прибавить библиографию на иностр. языках – переводов М., статей и заметок о нем (если таковые были).

7) Я не оговаривал явную (исправленную мною) опечатку в “Лютеранине” (н.37) – “черной лентой” – нужно ли? Ведь и в Вашем “Гиперборее”, и в обоих “Камнях” (1916 и 1923) – правильно : “Лентой черной”... Но можно и оговорить...

8) Также я не оговорил пропуск (вернее, ВЫПАД) буквы “с” в “Гиперборее” в стих. ном.44. Вы сами писали мне, что в “Г” явный выпад, что вместо “с” – пустое место.

9) Снятие посвящения Гумилеву в стих.н.41 – в Ст.28 – следует, очевидно, оговорить.

10) Разночтения в стих. Н.н. 41,83,86,108 (“Сестры – тяжесть и нежность”) и 112(“Когда Психея-жизнь”) – внес в текст разночтений. Не думаю, что стоит отмечать явную опечатку в стих. н.100 (“ГОРНО-желтый свет”): “Субботу” – внес в основной текст с большой буквы – исправил: в книжке – малое “С” – в угоду цензуре.

11) В стих. н.87 – “Вы” с прописной буквы отмечать не стоит...

<...>

О Заболоцком можно много говорить и много спорить. Для подавляющего большинства поэтов, которых я знал лично, – Заболоцкий был буквально откровением: его необычайно высоко ставили Тихонов, Борис Корнилов, Ольга Берхгольц, даже такие, казалось бы, далекие по характеру поэзии, как Ахматова и Шкапская говорили, что З. открывает новую эпоху в русской поэзии. Ленинградские литературоведы – Бухштаб, Гуковский, Шкловский, Эйхенбаум, покойный Тынянов, Степанов и др.

– все они буквально молились на Заболоцкого. Мне он тоже очень дорог. Очевидно, отвечает чему-то в душе. А вот моя жена З. совсем не любит. Статью Котлина о Заболоцком прислал Вам, когда перепису. Она была помещена в каком-то затерянном сейчас журнальчике эмигрантского рассеяния. Котлин – псевдоним большого ленинградского поэта и романиста, репатриированного насильственно в СССР или убитого в конце войны... С конца 1944 года я о нем не имею никаких известий.

Автор летчиков Малахов²⁶ ничего общего с С.Малаховым не имеет. Если тот С.Малахов был слаб, то здешний... Лучшие о нем и не говорить.

Об антологиях я напишу Вам особо. Не хочется быть голословным. Приведу Вам ряд примеров. Пока что только приведу три: 1) “В Петербурге мы сойдемся снова” Мандельштама Марков совершенно самовольно датирует “1916”. Берет он это стихотворение почему-то не из “Тристия”, 1922, где, кстати, указана точная дата: “25 ноября 1920”, где текст – не искаженный цензурой, а из “Стихотворений” 1928 г., где НЕТ ДАТЫ, и где “ночь советская” превращена цензурой в “ночь январскую” (у Маркова именно “январская”...). 2) Лучшие было бы восстановить редакцию строки 17-й в стих. “Кому зима, арак и пуни голубоглазый”, помещенную во “Второй книге”, 1923, где эта строка читается: “Пусть ЗАГОВОРОЩИКИ торопятся по снегу”... Марков взял это стих. по изд. стих. 28 года, где “заговорщики” сменены на рыхлое и ничего не говорящее “люди темные”, чтобы несколько снизить слишком острое звучание стихотворения...

<...>

Искренне уважающий Вас Борис Филиппов.

<6>

Г.П.Струве – Б.А.Филиппову, 25 ноября 1952 г.

Ответом, по-видимому, именно на это письмо и явилось самое раннее из сохранившихся писем Г.С., адресованных Б.Ф., – от 25 ноября 1952 года:

25 ноября 1952 г.

Многоуважаемый Борис Андреевич!

Подтверждаю получение исправленных разночтений и библиографии к Мандельштаму, а также составленного Вами списка стихот-

²⁶ КОММ!

ворений и других вещей, которые войдут в книгу. Относительно формы этого последнего разрешите высказать некоторые замечания и соображения впоследствии. Сейчас наша задача – найти как можно больше из того, чего нам недостает. Как я Вам уже писал, я запросил брата и еще ряд лиц в Париже.

<...>

Искренне Вам преданный Глеб Струве

<...>

Не торопился с ответом и приболевший Б.Ф., но, судя по его письму, отвечающему сразу на несколько писем Г.С. (от 22, 25 и 29 ноября и еще на одно, написанное в начале декабря), он не переставал думать над ними:

<7>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 12 декабря 1952 г.

11/XII/52

Нью-Йорк, 11 декабря 1952.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Прежде всего прошу простить меня за неприлично-длительное молчание. Меня так замучило последний месяц мое сердце, что не хватало сил даже на самую простую работу – работу ради хлеба насущного. Это уже второй раз в году. Очевидно, сказываются годы лагерей НКВД, годы войны и всяческих – не всегда приятных – переживаний. Я отнюдь не неженка, болезни переношу на ногах, но состояние было таким паршивым, что не писал ничего, не мог притронуться к бумаге. Простите, что пишу Вам об этом, но хочу оправдаться: в моем молчании я не слишком повинен.

Теперь о деле. Одновременно с этим письмом посылаю Вам пакет с двумя статьями Мандельштама: 1) “О природе слова”, изд. “Истоки”(Харьков),1922, стр.12(переписано на машинке); 2) “Выпад”(журнал “Россия”, п/ред. И.Лежнева, 1924, ном.3); посылаю в том же пакете: 3) Черновой экземпляр – с указанием разночтений – “Камня” Мандельштама: он пригодится Вам для отправки С.К.Маковскому: ему не нужно будет переписывать “Камня”, 1913; он сможет прямо отметить на нашем черновом экземпляре, ЧТО ИМЕННО вошло в “Камень” 1913, в каком порядке (пусть поставит на каждом из вошедших в К1913

стихотворений его порядковый номер в изд. 1913 и укажет только внизу странички разночтения); переписать тогда, может быть, придется одно-два – из не вошедших в последующие книги – стихотворений. Но и тут, возможно, переписывать не придется: в конце я поместил стихи, не вошедшие в “Камень” 1916 и последующие сборники, но опубликованные в временной прессе и альманахах. Может быть, часть из них была включена М-м в первое издание “Камня”: посылаю также: 4) черновой экземпляр стихотворения “Кому зима, арак и пуни голубоглазый” – для сверки с напечатанным в журнале “Россия”, Птргр. 1922.

Начинаю с ответов на последнее Ваше письмо:

1) Очень важно, что С.К.Маковский нашел первое издание Камня (1913). Чтобы облегчить ему работу, можно ему послать тот черновик, который одновременно пересылается мною. Необходимо также описание издания (с указанием страниц и количества стихов).

2) Если у Алексея Петровича имеется “Египетская марка” 1928 года, то хорошо было бы получить ее для переписки. Я говорил с Т.Г.Терентьевой, она не может оплатить фотокопий. Поэтому мы с женой переписишем на машинке прозу... Я нашел здесь ряд вещей М. и перепису их, но иметь книгу для переписки дома лучше – каждую свободную минутку можно что-то переписать: в библиотеке есть “Шум времени”, можно установить наиболее полный и свободный от цензурной правки текст.

3) Задержка с присылкой “Примуса” несущественна: времени достаточно, книга М. не выйдет раньше конца 1953 года. Еще все – в стадии переговоров, хотя принципиальное согласие и получено, и книга зарегистрирована.

4) Письмо Сологубу, конечно, необходимо включить в книгу – в приложениях. Очевидно, дата его написания – 1915, а не 1913. Ваши соображения бесспорны: в 1913 ни о каких выступлениях в пользу “одного из лазаретов” не могло быть и речи.

5) “Литературного Ленинграда” я не нашел. Продолжаю поиски.

Теперь отвечаю на предыдущее (29.XI/) письмо:

1) “Кому зима” и т.д. – написал выше. Очень большая просьба: здесь нет “России”, кроме номеров 1-3 за 1924 год, и “Новой России” (тоже И.Лежнева), нн. 1-5 за 1926 год. В “России” печатался и Клюев: попросите, если можно, Алексея Петровича посмотреть в журнале не только М-ма, но и Клюева...

2) Это же относится и к статьям М-ма в России": "А.Блок", 1922, ном.1, и "Борис Пастернак", 1923, ном.6: их здесь нет. Если можно было бы получить номера с М. и Клюевым для переписки...

3) "Печать и Революция" здесь есть, и статьи М. я перепису.

4) Кроме Ф.Геллера, Синклера и Даутисделя М. переводил много – это был его основной заработок. Можно в библиографии указать эти переводы, но указав, что исчерпывающий список мы дать не можем.

<...>.

Письмо от 25 ноября:

1) Рецензию на "Еретика из Соаны" найду и перепису.

2) Объявления "Звезды" я уже записал, но не сообщал Вам, а вот в "Литературном современнике" 1933 года, анонсировавши. М-ма до ном.10, не заметил Манделыштама в объявлениях впрочем, некоторых обложек, кажется, в Б-ке нет). Но никаких вещей М. в этом журнале не публиковалось.

Письмо от 22 ноября:

1) Вопрос о расположении материала существенный, но менее важный, чем нахождение возможно большего количества вещей М. Согласен с Вами. Когда материал будет собран можно будет распределить его по разделам:

I. КАМЕНЬ

II. TRISTIA

III. Стихотворения 1921-1925 из сборника 1928 года

IV. Стихотворения 1910-1921 не включенные в сборники автора.

V. Стихотворения 1922-1932, не вошедшие в сборники

VI. Стихотворения для детей

VII. Переводы и подражания (в стихах)

П Р О З А :

VIII. Шум времени.

IX. Египетская марка.

X. Путешествие в Армению.

XI. Статьи и рецензии I. Слово и культура; 2. Выпад; 3. О собеседнике; 4. О природе слова; 5. Заметки о Шенье; II. Франсуа Виллон; 12. А.Блок; 13. Борис Пастернак; 14. Гуманизм и современность; 15. Рождение фавулы; 16. Литературная Москва; 17. Литературные рецензии: а) Гюисманс; б) "Еретик из Соаны" Гауптмана; в) А.Свентицкий.

“Сказание о короле Артуре”; 18. Утро акмеизма (вернее, рецензии после “Утра акмеизма”)

XII. Из переписки, писем М. в редакции и т.д. (кроме письма Сологубу, присланного Вами, имеется письмо М. в редакцию “Литер.Газеты”, м.б., найдется еще что-либо.)

2) Как Вы увидите дальше, Ваша вырезка со стих. “Люблю под сводами седья тишины” – из газеты “Накануне”, 28 мая 1922.

3) С “вигилиями” вполне могу согласиться: мне, как я Вам писал уже, самому и приятней, и привычней вигилии. В разночтениях оговорим “веселия”.

4) Очень хорошо дать большую (и не только русскую) библиографию М.

5) В библиографии отделим журналы и газеты от альманахов. Сейчас пусть остается – для работы – старый порядок, а когда накопится еще материал, переделаем.

<...>

Уважающий Вас Борис Филиппов.

Теперь уже у меня прошла моя “депрессия”, и я не буду таким непристойным молчальником. Еще раз прошу меня простить.

Г.С. отозвался 18 декабря 1952 года, приведя попутно и свежее (еще 1952 года!) высказывание о «Египетской марке» не кого-нибудь, а Ивана Бунина:

<8>

Г.П.Струве – Б.А.Филиппову, 18 декабря 1952 г.

Многоуважаемый Борис Андреевич!

Получил от Вас текст двух статей М. И исправления и дополнения к библиографии и т.д., а от брата – «Египетскую марку». Прилагаю точное описание последней, из которого Вы увидите, что, кроме самого рассказа «Египетская марка», в книгу не вошло ничего нового по сравнению с «Шумом времени» 1925, последний же вошел полностью, но с разделением на два раздела: ШУМ ВРЕМЕНИ и ФЕОДОСИЯ. Как только у меня будет время, я сверю тексты в издании 1925 г. и в «Египетской марке». Пока проглядел наудачу две короткие вещицы и нашел небольшие изменения явно стилистического характера. В отношении такого рода изменений (есть и небольшие пунктуационные) мы, конечно, будем пользоваться более поздним текстом. Другое дело, если удастся обнаружить

изменения, сделанные более или менее несомненно в угоду «цензуре» – здесь мы поступим так же, как со стихами. Я думаю, что, как только я произведу сверку «Шума времени», я закажу фотостат «Египетской марки» и предоставлю Вам сверить последнюю с журнальным текстом. И тогда печатать мы сможем с фотостата. Расход этот, если мне не удастся возложить его на университет наш, я беру на себя.

Статья «О собеседнике» в Вашем распоряжении, если Вы мне напишете, что она у Вас еще не переписана.

Кстати, для Вашего сведения как историка литературы: на присланном мне братом экземпляре «Египетской марки» есть две собственно-ручные надписи И.А.Бунина, которые надо сохранить для потомства. Одна, рядом с эпитафией, гласит: «Глупо и гадко. Ив. Бунинъ. 12.3.52 г. Paris». Другая, на стр. 27, в конце гл. III «Египетской марки» еще резче: «А вѣдь прославили геніемъ этого скучного болвана! Ив. Б.». Дальше никаких пометок нет – возможно, что дальше Бунин и читать не стал – насколько я знаю, он в этом году брал эту книгу читать у брата.

Искренне Вас уважающий, Глеб Струве

Следующее письмо – первое в 1953 году – открывает целую вереницу писем о текстологии и библиографии О.М.

<9>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 12 января 1953 г.

12/1/53

Нью-Йорк, 12 января 1952. [1953]

Прежде всего, глубокоуважаемый Глеб Петрович, позвольте поздравить Вас и Вашу супругу с рождением дочери. И я, и жена, от всей души поздравляем Вас! А теперь – опять прошу извинения за долгое молчание. Но наш дом в это время посещали всяческие болезни – кто-нибудь из семьи все время болел, – и болезни, вместе с постоянной заботой о заработке (я – не “штатный”, а сдельный работник, живущий статьями для “Голоса Америки”, и бывают периоды не очень легкие) – выбили из колеи и невольно отразились на переписке. Такие периоды бывают у меня – такова жизнь и таковы условия работы! – и я, обычно значительно более аккуратный в переписке и деловых отношениях, в такое время становлюсь – на некоторый период – плохим корреспондентом. Еще раз прошу извинить меня!

Начинаю с “Шума времени” и “Египетской марки”. Конечно, при наличии разночтений явно с т и л и с т и ч е с к о г о характера, будем принимать для нашего издания ПОСЛЕДНИЙ по времени текст. Расходы по фотостату “Египетской марки”, если они, как Вы пишете, не примет университет на себя, конечно мы разделим с Вами пополам.

Буду очень благодарен Вам за присылку статьи “О собеседнике”: это облегчит мне работу по собиранию литературно-критического и “высоко-публицистического” наследства Мандельштама. Хотя Т.Г.Терентьева и писала о заполнении “квоты” на 1953 год, но полагаю, могут быть некоторые изменения и в издательских планах чеховского изд-ва. Спешки, конечно, нет.

Спасибо за присылку перевода из М.Бартеля. Я знал этого автора по переводам других лиц (не Мандельштама): автор – один из коммунистических писателей Германии, притом очень плохой, и жалеть о ненахождении его книжки в переводе М. не будем. М. принужден был переводить очень много – ради куска хлеба, – и качество его переводов в этих случаях было таким скверным, что трудно поверить, что это – переводы М-а. Раздел переводов в нашем собрании не будет полным, можно его и озаглавить соответственно: “Из переводов”, скажем. А это стихотворение, которое я как-то проглядел, не заметил, включим, конечно: я тоже сторонник возможной полноты.

Стихотворение “Клич” – из рук вон плохо, и строчки, непонятые Вами, непонятны и мне. Думаю, что Ваше толкование – единственно возможное: “бушлат, разорванный в клочки”. Так следует и изменить строку, оговорив в примечаниях. А если мы и ошибаемся, беда будет невелика: слишком плохи и оригинал, и перевод ...

Вы пишете, что я прислал Вам не все собранные мною переводы. Нет, в нескольких пакетах мною послано Вам все, собранное мной, а именно:

1) Сыновья Аймона; 2) Из Большого Завещания Франсуа Вийона; 3) О дамах прошлых времен, его же; 4) Начало Федры, Расина; 5) Джин, Барбье, и его же; 6) Это зыбь, 7) Мятееж, 8) 1793 и 9) Кобыла; 10) Диспут, Гейне и 11) Утопия, Э.Толлера. Теперь прибавится 12-й перевод – присланный Вами “Клич” Бартеля.

Еще раз прошу извинить за долгое молчание и еще раз благодарю Вас за присылку перевода и библиографических справок.

Преданный Вам Борис Филиппов.

Еще раз поздравляю Вас с дочкой! Вот это – действительно радость! Храни Вас Боже!

Ваш (подпись)

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 31 января 1953 г.

31/1/53

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Я очень рад, что Вас удовлетворили в той или иной степени мои маленькие рецензии в “Новом Журнале”. Но должен сказать Вам, что рецензия о двух антологиях подверглась очень большим сокращениям и порче в редакции журнала. С Романом Борисовичем Гулем трудно быть уверенным – что он оставит, а что выбросит... Ну да Бог с ним!

Вашу мысль о необходимости издать здесь, за рубежом, собрания стихотворений поэтов, задавленных в СССР, я уже развивал здесь многократно. Но, полагаю, что лучше – при теперешнем состоянии дел – действовать исподволь: после Клюева и Мандельштама попытаться протиснуть Заболоцкого и Цветаеву, вернее, Гумилева, ибо он – очень популярен за рубежом. Затем – Сологуба и Анненского, М.Волошина, Ходасевича. Вячеслава Иванова, боюсь, протащить будет почти невозможно – я знаю издательскую публику...

Клюев, очевидно, скоро начнет печататься. Во всяком случае, он уже включен в план ближайших публикаций. А вот мою книгу (собственную) повестушек и рассказов – маринуют до зубной боли долго и безнадежно... О Мандельштаме долблю все время. Как ни сумбурна и ни малограмотна была статья Терапиано²⁷ – она все-таки вода на мельницу нашего издания... Хорошо, если бы кто-нибудь еще написал статью о Мандельштаме – нам с Вами неудобно. Очень буду рад получить “Овечий монастырь” – но я не только ничего о нем не слышал, но и не находил о нем никаких указаний в литературе о М. Может быть, это стихотв. “Обиженно уходят на холмы”, наш номер 79?

²⁷ Терапиано Юрий Константинович (21.10.1892, Керчь – 3.7.1980, Гань, Франция) – поэт, прозаик, критик, переводчик фр. поэзии, журналист и мемуарист. Автор 12 книг, в т.ч. 6 книг лирики, повести «Путешествие в неизвестный край» (1946), «Встречи» (1953), «Маздеизм. Современные последователи зороастризма» (1968), «Литературная жизнь русского Парижа за полвека» (1987). По окончании классической гимназии в Керчи, учился в Киевском университете; участвовал в Белом движении, эмигрировал в Константинополь, а оттуда во Францию. Как поэт Терапиано тяготел к акменстическому направлению. С О.М. познакомился в 1919 в Киеве; автор многочисленных статей и заметок о его жизни и творчестве. Здесь имеется в виду его статья «О неизданных стихах Мандельштама» (НРС. 1953. 4 янв.).

Как дела с “Примусом”? В одном из писем Вы сообщали, что он не может быть Вам выслан раньше 15 декабря. Бартеля искать не стоит. Это стихотворение (“Клич”) поместим, хотя оно и очень плохо. Вот данные о Максе Бартеле. Рабочий-коммунист, автор рассказов и очерков о Ленине, писатель и поэт немецкого Пролеткульта. Имя и вещи его в двадцатых годах нередко попадались на страницах журнала “Огонек” и др. Все очень плохо. А вот “Шары” и “Два трамвая” – детские книжки М. достать было бы хорошо.

Если за счет Университета нельзя сфотографировать “Египетскую Марку”, а Вы ее еще не сфотографировали, – то и не нужно фотографировать: мне на днях удалось купить за шесть долларов “Египетскую Марку” – то самое издание, которое Вам прислано Алексеем Петровичем.

<...>

Очень хотелось бы установить начальные строфы стихотворения М. “Кельн и Реймс” (наш номер 175 – последние строфы). Конец этого стихотворения взят мною из статьи Георгия Иванова в “Аполлоне” – ном.4/5 за 1915 год. Может быть, Г.В.Иванов помнит это стихотворение полностью – или может указать – где оно было опубликовано?

Привет и самые лучшие пожелания Вам и Вашим!

Ваш Борис Филиппов.

<11>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 3 марта 1953 г.

3/III/53

3 марта 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Долго не писал Вам, так как был все это время очень занят – и одновременно подготавливал Вам маленькую посылку – вот эту самую.

<...>

Вы пишете, что сообщили мне давно о том, что стихотворение “Кельн и Реймс” было опубликовано в “Солнце России” за 1914 или 1915 год. Я это помню... Но, увы! Здесь только нашел “Солнце России” за 1916 и 1917 год, да и то разрозненные номера

Новых мандельштамовских находок пока нет. Как только обнаружу что-либо, сообщу и пришлю.

Привет Вам и Вашей семье от меня и жены.

Крепко жму Вашу руку Ваш Борис Филиппов.

<12>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 1 апреля 1953 г.

1/IV/53

1 апреля 1953.

Христос Воскресе!

Многоуважаемого Глеба Петровича со всеми домашними и чадами поздравляю со Светлым Праздником и желаю Вам всего самого радостного!

<...>

К сожалению еще не видел “Русскую Мысль” с Вашими статьями. Я не получаю ее, а теперь достану эти номера. Что известно у чеховцев с Мандельштамом? На днях пройду к ним – справлюсь. На днях же еще пришло Вам что-нибудь из мандельштамовских текстов.

Сейчас немного мандельштамианы: я купил по случаю два номера “Русского Искусства” со статьями Мандельштама: “Буря и натиск” (номер 1 за 1923) и “Вульгата” (номер 2-3 за тот же 1923 год; этим номером, если не ошибаюсь, журнал и закончил свои дни). Первая статья – новая для нас. Вторая – “Вульгата” – вариант имеющейся в сборнике “О поэзии” статьи “Заметки о поэзии”. Кстати, оба номера “Русского Искусства”, если они Вас интересуют, можно еще достать – и недорого сравнительно: 3.50 долл. За оба, если не изменяет память. В этих номерах статьи по живописи, литературе (Мандельштам), музыке, театру и т.д. Много репродукций. Достал также и купил первый номер “Дома Искусств” с Мандельштамом, Гумилевым и др. Но этот номер – дороговато. И был всего один номер и в одном экземпляре.

<...>

Вот и все пока новости. Крепко жму вашу руку и еще раз поздравляю Вас со Светлым Праздником и желаю всего самого лучшего! Привет Вашей жене и потомству.

Ваш Борис Филиппов.

<12>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 7 апреля 1953 г.

7/IV/53

7 апреля 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Получил Ваше письмо от 3 апреля – и в ответ посылаю Вам статью О.Мандельштама “Утро акмеизма”, опубликованную в иллюстрирован-

ном двухнедельнике “СИРЕНА”, год издания второй, номер 4-5 от 30 января 1919 года, г.Воронеж, и перепечатанную в книге “Литературные манифесты. От символизма к Октябрю”, приготовили к печати Н.Л.Бродский, В.Львов-Рогачевский и Сидоров. Изд. “Федерация, Москва, 1929, стр.45-50.

<...>

Завтра куплю Вам номера “Русского Искусства”, если они еще не проданы. Надеюсь, что не проданы.

Очень буду Вам благодарен, если найдется книга Клюева и Медведева. Буду благодарен, если пришлете Вашу библиографию Мандельштама (это – не к спеху. В Чеховском издательстве еще не был, но нажму на него через влиятельных лиц). А вот если найдется Клюев и Медведев – это было бы очень важно.

<...>

Искренне уважающий Вас
Борис Филиппов.

<13>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 8 апреля 1953 г.

8/IV/53

8 апреля 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Вчера послал Вам обычной почтой письмо с ответами о “Весеннем Салоне Поэтов” и проч., а также со статьей О.Мандельштама “Утро акмеизма”.

Сегодня, одновременно с этим письмом, посылаю Вам в двух пакетах два номера “Русского Искусства” – ном.1 и ном. 2-3. Только эти номера и вышли, после 2-3 ном. журнал прекратил свое существование. Обошлись эти номера так же, как я и думал, даже дешевле: я достал их Вам за 2 доллара ОБА. В другом месте, где я их видел раньше, они стоили 3.50, и экземпляры были хуже. А эта цена совсем небольшая: по доллару за номер.

Может быть, найду первое издание “Камня” (1913) – обещают мне. Получили ли от Алексея Петровича статьи о Блоке и Пастернаке из “России” и “Примус”? “Шары” и “Два трамвая” найти нигде не смог. Может быть, найду еще два стихотворения Мандельштама, затерявшиеся в каком-то провинциальном альманахе. Мне его обещали найти, но названия не знают сами продавцы: альманах без первых страниц.

Большую надежду питаю на одного очень ловкого книжного комиссионера, разыскивающего редкие книги в Скандинавских странах и Финляндии. Также не знаю его фамилию – но с ним имеет дела Е.Н.Розен. У него очень дорого, но бывают очень редкие книги.

Самые лучшие пожелания Вам и Вашей жене и дочке от нашей семьи.

Ваш Борис Филиппов.

2 мая Г.С. написал Б.Ф., целиком посвященное изданию не О.М., а Николая Клюева, в частности, материалам Клюева, оказавшимся у итальянского слависта Этторе Ло Гатто, встречавшегося с Клюевым в 1929 и 1931 гг.²⁸ Впрочем, Г.С. поинтересовался у Ло Гатто, а нет ли у него ненапечатанного Мандельштама.

<14>

Г.П.Струве – Б.А.Филиппову, 8 мая 1953 г.

8/V/53

Многоуважаемый Борис Андреевич!

Получил, наконец, от брата мандельштамиану. Прилагаю при сем перестуканные: 1) статью о Блоке и 2) «Примус». Со статьей о Блоке надо будет решить, как поступить. Мое подозрение, что это то же самое, что «Барсучья нора» в сборнике «О поэзии», оправдалось только частично: вся вторая часть журнальной статьи не вошла в сборник. Не вошло и начало первой (кстати, в журнальной публикации цифра «I» отсутствует – это не мой пропуск). Вторая часть сама по себе достаточно интересна и запрятывать ее в примечания было бы обидно (невключения ее в сборник м.б. объясняется тем, что она принадлежит скорее к «случайным статьям, выпадающим из основной линии»). Мне кажется, нужно не вошедшие в сборник

²⁸ Ло-Гатто, Этторе (он же «Гектор Доминикович»; 1890 – 1983) – итальянский литературовед, пушкинист. Профессор русской литературы и языка в университетах Рима и Неаполя, переводчик. Автор «Истории русской литературы» (1927–1945), «Истории русской современной литературы» (1958), составитель антологии русской литературы (1957), в которую включил и несколько переводов стихотворений О. Мандельштама. В 1929 г. Н.Клюев подарил ему рукопись «Погорельщины» – долгое время остававшаяся единственной сохранившейся. Воспоминания Э. Ло Гатто о Клюеве впервые были написаны в сентябре 1953 г. и напечатаны в «Новом журнале» (1953. Кн. 35).

части этой статьи, напечатать как отдельную вещь, указав в примечании, что опускаемая средняя часть составила этюд «Барсучья нора». Между текстами журнальной публикации и текстом сборника есть мелкие пунктуационные и иные различия. В одном случае, мне кажется, опечатка в сборнике (или описка у Вас).

Что касается статьи о Пастернаке в № 6 «России» (февраль 1923, стр. 29), то, как я и думал, эта небольшая статейка, озаглавленная «Борис Пастернак», вошла в «Заметки о поэзии» в сборнике. Начинается она словами: «Когда явился Фет» и кончается «с Акрополя на Воробьевы Горы» (стр. 33-34 Вашей копии). <...>

Что касается «Примуса», то я очень сомневаюсь в необходимости включать его: стихи²⁹

Искренне Вас уважающий, Глеб Струве

<15>

Г.П.Струве – Б.А.Филиппову, 9 июня 1953 г.

9 июня 1953 г.

Многоуважаемый Борис Андреевич!

Сейчас получил Ваше письмо с новыми стихами М. и его рецензиями. Стихи из «Красной Нови» (оригинальные), не очень мандельштамовские, особенно на первый взгляд³⁰, мне нравятся.

А вчера в Университете получил письмо от Ло Гатто. Он обещает выслать «Погорельщину» как только будет отстукана еще одна копия.

Искренне Вам преданный, Глеб Струве

Пока господа-соредакторы обмениваются разночтениями, уточнения и прочими библиографическими подарками, их издательство и не думает их поторапливать: до августа даже разговор об издании невозможен, что подталкивает Б.Ф. к поиску политических «толкачей».

²⁹ Обрыв текста.

³⁰ Здесь Г. Струве проявил редкую пронительность, поскольку одним из двух стихотворений, напечатанных в «Красной Нови» в 1923 г. под именем О. Мандельштама, было стихотворение С. Клычкова. См. об этом ниже.

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 17 мая 1953 г.

11/V/53

11 мая 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Прошу простить меня за столь длительное молчание: все это время не писал никому ни одного письма: был невероятно занят и – притом – хотелось написать Вам что-нибудь более точное, более проверенное. Все это время разыскивал в библиотеках, у букинистов и частных лиц ряд книг, в том числе и те, о которых Вы мне написали. Моя срочная сдельная работа, которую делал ради хлеба насущного полтора месяца, была библиографического характера и, отнимая часов по 15 в день, дала вместе с тем, возможность подыскивать и материалы по мандельштамиане. Начинаю с ответов на все Ваши письма – еще раз прошу прощения за молчание.

<...>

Разночтения в мандельштамовской прозе отметим, конечно, в примечаниях. Новый журнал “Опыты” еще не видел, но слышал, что неизданного М. прислал в журнал Терапиано... Значит, ждать чего-нибудь нового трудно³¹.

<...>

Разговор об издании Мандельштама приходится отодвинуть на август: до августа чеховцы не говорят ни о чем. Но – на всякий случай – я заручился несколькими “толкачами”, которые будут так или иначе, но “проталкивать” нашего с Вами Мандельштама.

Еще раз прошу прощения за задержанный ответ на Ваши письма. Сейчас сбросил с плеч последнюю работу – и вздохнул свободнее. Приходится хлеба ради насущного браться за срочные трудоемкие работы: я ведь не имею “штатной” работы, существую сдельными работами и заказами. Привет Вашей жене и Вам – самые лучшие пожелания.

Ваш, искренне Вас уважающий Борис Филиппов.

³¹ См.: Терапиано Ю. Неизвестные в эмиграции стихи Осипа Мандельштама // Опыты. 1953. № 1. С.31-33.

<17>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 18 мая 1953 г.

18/V/53

Нью-Йорк, 18 мая 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Только что получил Ваши письма от 13 и 16 мая, а в субботу получил “А.Блока” и “Примус” Мандельштама. Большое за них спасибо! “Примус”, конечно, поместим в книжку. Некоторые из его стихотворений очаровательны. “Блок” интересен, и его необходимо поместить именно так, как Вы думаете: то, что не вошло в книжку “О поэзии”, поместить в виде отдельной статьи.

<...>

Сейчас пойду в библиотеку искать сборник Асеева “Лет”³². Если его нет в Нью-Йорке, поищу в Вашингтоне. Немедленно напишу Вам – нашел ли, – и что именно (если нашел). Надеюсь через месяц, а может быть, и раньше, – послать Вам еще кое-какую прозу Мандельштама.

<...>

Искренне Ваш Борис Филиппов.

<18>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 28 мая 1953 г.

28/V/53

28 мая 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Прежде всего о присланных Вами от 19 мая двух долларах за “Русское Искусство”: Вы присылаете эти два доллара УЖЕ ВТОРОЙ РАЗ. Я их получил уже. Теперь у меня вопрос к Вам: выслать Вам эти два доллара назад – или купить Вам по дешевке несколько случайно найденных мною у букинистов книг?

<...>

³² Имеется в виду «Лёт. Авиастихи» – сборник стихов Общества друзей воздушного флота, составленный Н. Асеевым и выпущенный издательством «Красная новь» в 1923 г. В сборнике были помещены стихи О.М. «Война. Опять разногласица...»; «Ветер нам утешенья принес...» и «Давайте слушать грома проповедь...».

Ну вот и все пока что мандельштамовские новинки. Закончил библиографию мандельштамовских публикаций – стихов и прозы – и пришло Вам в следующем письме.

<...>

Крепко жму Вашу руку. Привет Вашей жене от меня и жены.

Преданный Вам Борис Филиппов.

<19>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 4 июня 1953 г.

4/VI/53

4 июня 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Посылаю Вам в этом письме два вновь найденных стихотворения Мандельштама – оригинальное и перевод из М.Бартеля. Оба помещены в “Красной Ниве”³³, просмотренной мною за 1923-1927 гг. (гг.1928-1931 просмотрю на той, следующей неделе, но мало шансов что-либо найти еще). Там же помещено и наше стихотворение ном.129 – “Холодок щечочет темя” – разночтений нет. Посылаю одновременно две рецензии Мандельштама.

<...>

Ваш Борис Филиппов.

Новые оригинальные стихи М. мало интересны, но нужно, по возможности, собрать М. всего. Поэтому я рад находке.

Еще раз крепко жму Ваше руку. Ваш Б.Филиппов.

<20>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 12 июня 1953 г.

12/VI/53

12 июня 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Теперь о Мандельштаме. Спасибо за помощь, обещанную Вами, – в деле переписки мандельштамовской прозы. Да, переписать “Путе-

³³ Неточность. Правильно – «Красной нови».

шествие в Армению” – вещь громоздкая: я не могу тащить мою машинку в Б-ку, а переписывать там от руки, а затем перестукивать дома на машинке – работа довольно скучная. Если у Вас будет дома аппарат для домашнего фотографирования книг и рукописей, это значительно упростит задачу. Подождем.

О справках библиографического характера в Вашем письме от 7 июня. Альманах “Наши Дни”, книга 4-я, 1924, – нами использован. Он имеется в здешней публичной библиотеке (“Наши Дни”, худож. альманах, кн. 4-я, ГИЗ, Москва, 1924), указан в первом наброске мандельштамовской библиографии, имеющейся у Вас, и в этой книге помещен перевод М. из Барбье, имеющийся уже у Вас: 1793 год.

Хуже с альманахом “Возрождение”. Его нет ни здесь (в б-ках Н-Йорка), ни в Вашингтоне, ни в б-ке Харвардского У-та. Есть основание предполагать, что и в первом номере (первой книге) альманаха “Возрождение” – Мандельштам; кажется, стихи. Но точно не помню. Где Вы нашли указания на статью М. во 2-й книге “Возрождения”? Нет ли там указания на характер статьи, ее название? Может быть, это одна из имеющихся уже у нас статей.

Сборника стихов московских поэтов, опубликованного в Великом Устюге³⁴, мы, конечно, не найдем. Если найдем – это будет чудо.

<...>

Скоро пришло, очевидно, значительно дополненную библиографию М. – кажется, удастся и найти кое-что. Напал на ряд старых газет и журналов. Но, может быть, и не найдем ничего.

Привет Вам и Вашей семье. И от меня и от моей семьи.

Ваш Борис Филиппов.

Письмо Г.С. от 13 июня 1953 года, посвященное Клюеву, содержало лишь небольшую реплику об О.М.: «При сем на отдельной бумажке еще два номера мандельштамианы (литература о нем)». Целиком Клюеву было посвящено и его письмо от 17 июня. И только 25 июня Г.С. возвращается к изданию О.М. и, в частности, к мандельштамовской библиографии.

³⁴ Имеется в виду публикация стихотворения «За то, что я руки твои не сумел удержать...» в сборнике «Московские поэты» (Великий Устюг, 1924. С. 24).

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 25 июня 1953 г.

25/VI/53

Нью-Йорк, 25 июня 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Перехожу к мандельштамовской библиографии. Мною просмотрена “Литературная Газета” за 1929-1932 гг., вернее, то, что осталось от этой газеты, т.к. она рассыпается при прикосновении к ней. Счастъе еще, что все, непосредственно Мандельштама касающееся – его стихи, его письмо в редакцию и важнейшие статьи, о нем упоминающие (вернее, те места, где он упоминается) – я успел переписать тогда, когда газета эта была почти цела. Сейчас сверил, что мог. Стихи М. сверены несколько раз – и тщательно. В “Литературной Газете” помещен ряд писем и статей, посвящ. вопросу о том – был ли Мандельштам плагиатором или нет? В 1928 г. вышла в изд-ве “Земля и Фабрика” “Легенда об Уленипигеле” Шарля де Костера. Издательство не захотело заказывать новый перевод этого романа, а поручило Мандельштаму проредактировать два старых перевода – перевод, изданный Марксом в 1916 г., и перевод А.Горнфельда 1920 г., для изд. “Всемирная литература”. Мандельштам выполнил эту работу, и первый запротестовал, когда увидел на титульном листе книги: “п е р е в о д О.Э.Мандельштам”. И сам Мандельштам, и правление изд-ва “Земля и Фабрика” сразу же написали письмо в редакцию самой распространенной и читаемой в Ленинграде “Вечерней Красной Газеты”, где объясняли эту надпись – как недосмотр и ошибку технического редактора. Горнфельду обещали не только моральное, но и материальное удовлетворение, а Мандельштам свидетельствовал, что и не думал выдавать этот комбинированный из двух старых переводов перевод за свой. Это письмо было опубликовано в “Вечерней Красной Газете”, Лнгр., 1928, ном.313. Но это не помешало А.Г.Горнфельду написать в эту же газету статью “Переводческая стряпня”, обвиняющую Мандельштама в сознательном ПЛАГИАТЕ. В каком номере была помещена эта статья – установить не удалось. Перепечатана она полностью в статье Заславского “Письмо в редакцию”, о которой ниже, 7 мая 1929 г. в ном.3 “Литер.Газеты” был помещен необычайно

наглый и развязный фельетон Д.Заславского “О скромном плагиате и развязной халтуре”, посвященный этому происшествию с Уленипигелем. Пользуясь случаем, Заславский начал яростную травлю Мандельштама, обвиняя его в халтурной, скороспелой переводческой работе, присвоении чужого литературного труда и пр. Возмущился не только М., но и ряд писателей. В ном. от 13 мая 1929 г. “Литер. Газеты” помещены ответные: а) Письмо в редакцию Мандельштама от 10 мая 1929; б) Письмо К.Зелинского, Вс.Иванова, Ник.Адуева, Бор.Пильняка, Мих.Козакова, Ильи Сельвинского, А.Фадеева, Бор.Пастернака, Вал.Катаева, К.Федина, Ю.Олеши, Мих.Зощенко, Леон.Леонова, Л.Авербаха и Э.Багрицкого, в котором эти писатели возмущаются травлей М., одного из самых высококультурных переводчиков и большого поэта и мастера слова, излагают случившееся и требуют прекращения травли; в) Заметка редакции Лит.Газ. о том что дело Мандельштама и Горнфельда передано в третейский суд при союзе писателей. В ном.5 “Литер.Газ.” от 20 мая посвящена М. и его “плагиату” большая статья Д.Заславского под скромным названием “Письмо в редакцию”. В этом письме полностью приведена и статья “Переводческая страпня” Горнфельда.

<...>

Еще и еще раз спасибо за Клюевские “Погорельщину” и “Заозерье” с “Деревней”! Поблагодарите от моего имени профессора Ло-Гатто. Исправления – на особом листе. Одновременно посылаю в особом пакете материалы к библиографии Мандельштама – разночтения в стихах. Привет Вам и Вашей семье от меня и жены. Всего самого лучшего!

Преданный Вам Борис Филиппов.

<22>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 2 июля 1953 г.

2/VII/53

2 июля 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Получили ли Вы посланные Вам копии “Заозерья” и “Погорельщину” и дополнения к мандельштамовской библиографии? Послал Вам их большие недели назад. Сейчас посылаю еще кое-какие дополнения к мандельштамовской библиографии. Прежде всего, сообщения: про-

смотрел внимательно все номера парижского “Нового Корабля” – ничего о М. не обнаружил. “Литературную Газету” просмотрел за 1929-1933 годы, т.е. с первого ее номера до года, когда о М. предпочитали умалчивать. Результаты – не щедрые, но все-таки кое-что удалось найти. Просмотрел также: “Русскую Книгу”, Берлин, 1921, “Новую Книгу”, бюллетень петроградского отделения Госиздата за 1922-1924 гг., ленинградский журнал “Жизнь Искусства” за 1925 г. и ряд еще др. журналов и альманахов. Здесь нет “Нового Дома”, а “Звено”, “Возрождение” “Последние Новости” я еще не просмотрел. Еще и еще раз благодарю Вас за такую капитальную, такую громадную помощь – “Погорельщину” и “Заозерье”! Даже не знаю, как благодарить Вас! Теперь жду “Избу и Поле” и “Братские песни”, чтобы полностью закончить работу над Клюевым: достать “Львиный Хлев” и “Плач о Сергее Есенине” так и не удалось... Еще раз огромное спасибо!

Жара стоит такая изнуряющая, что голова еле-еле соображает. Работаешь сейчас в Нью-Йорке через силу. Собираю пока что разные материалы для Мандельштама – и кое-что делаю для хлеба насущного. О творческой работе до конца жары и думать не приходится...

Привет от меня и моей жены Вам и Вашей жене. Еще раз спасибо!

Ваш Борис Филиппов.

<...>

Вот улов, хотя и незначительный, но некоторое пополнение... Узнал, кроме того, что в Грузии в 1920-х гг. – еще при меньшевиках – Сергей Городецкий основал отделение Цеха Поэтов и издал в Тифлисе сборник стихов: “АКМЭ. Первый сборник Тифлисского Цеха Поэтов. Издание “Кавказский Посредник”, Тифлис, 1919.” Городецкий выпустил также в Тифлисе несколько номеров литер. журнала “Орион”. Вскоре в Грузию попал и Мандельштам. Здесь нет этих сборников и журнала. А, возможно, там печатался и Мандельштам. Нет ли возможности у Вас проверить это?

Вот и все пока что новости. Ничего интересного на оставшиеся Ваши полтора доллара еще не нашел.

Крепко жму Вашу руку. Привет Вам и Вашей семье.

Ваш Борис Филиппов.

Ответ Г.С. (от 6 июля) все еще находился во власти клюевской инерции. О.М. посвящен только постскрипту: «Сейчас получил Ваше

письмо от 2/VII. То, что Вы нашли о М. В «Русской Книге», мне было известно, но я как-то не добрался еще до этого материала. Об «Акме» постараюсь узнать. За все остальное спасибо.

Кстати, Вы не знали, в бытность в России, в литературных кругах Валентина Стенича (или о нем?)»

<23>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 9 июля 1953 г.

9/VII/53

Нью-Йорк, 9 июля 1953.

Глубокоуважаемый Глеб Петрович!

Получил Ваше письмо от 6 июля. <...> Валентина Стенича не знал и о нем не слышал. Кажется, это какой-то киевский поэт и литератор. Жена моя – киевлянка, но Стенича тоже не знает.

<...>

Вот и все пока что мандельштамовские новости. Не писал ли проф. Ло-Гатто – когда он обещает прислать “Братские песни”, 1912, и “Избу и Поле”, 1928, Клюева? Как только получу их, смогу закончить и сдать Клюева и начать интенсивно проталкивать Мандельштама...

Привет Вам и Вашей семье от меня с женой. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Борис Филиппов.

<24>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 14 июля 1953 г.

14/VII/53

Нью-Йорк, 14 июля 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Прежде всего вопросы: 1) интересует ли Вас маленький сборник “Поэзия революционной Москвы” под ред. И.Эренбурга, серия “Книга для всех”, ном.57-58, изд. “Мысль”, Берлин, 1922,1922, стр.128. В сборничке одно стих. Мандельштама “Сестры – тяжесть и нежность”, но все 12 “Зимних сонетов” Вячеслава Иванова, “Медный всадник” Антокольского, много всякой всячины. У меня еще остались Ваши 1.40, а сборничек, правда, на разрушающейся бумаге, как все книжки тех лет почти, но стоит всего 50 центов. Напишите – брать ли Вам? Себе

я взял из-за “Зимних сонетов” В. Иванова по преимуществу. 2) Нет ли в Вашей университетской библиотеке журнала “Художественное Слово” и журнала “Пламя” – оба выходили в 1921-1922 гг., первый был органом ЛИТО (литер. отдела) Наркомпроса. В некоторых номерах, помнится, был Клюев и Мандельштам. Ни здесь, ни в Б-ке Конгресса в Вашингтоне, ни в б-ке Харвардского Ун-та – их нет.

<...>

Привет Вам и Вашей семье от меня и жены. Крепко жму Вашу руку.
Ваш Борис Филиппов.

P.S. Новостей мандельштамовских пока нет.

<25>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 20 июля 1953 г.

20/VII/53

20 июля 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Спасибо за дополнения к библиографии Мандельштама и Клюева: книги Фед.Иванова здесь нет, и я ее никогда не видал. Книги Волкова новой я еще тоже не видел, а его “империализм” использовал³⁵.

О стихах Клюева: эти неполадки с расстановкой рифм и строк – несомненно – клюевские. В первом и втором стихотворении нет ничего маломальски примечательного (в первом два-три образа недурны), в третьем – немного брезжит подлинный Клюев, но только едва-едва. Но, повторяю, очень важно иметь любые стихи собираемого поэта. Ведь и “Актер и рабочий” Мандельштама – стихи плохие, но и им я был рад, когда нашел.

<...>

Большое спасибо за справку о номерах “Звезды” за 1925 г. – после 4-го. Только эти номера и 1926 год отсутствуют здесь и не были “обследованы” в отношении Клюева и Мандельштама.

Пока ничего нового ни мандельштамовского, ни о Мандельштаме не обнаружил. Заканчиваю Клюева. <...>

Еще раз огромное спасибо!

Привет и самые лучшие пожелания Вам и Вашей семье от нас с женой.
Всего доброго. Преданный Вам Борис Филиппов.

³⁵ Волков А. Поэзия русского империализма. М.: ГИХЛ, 1935.

<26>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 23 июля 1953 г.

23/VII/53

Нью-Йорк, 23 июля 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Еще и еще раз спасибо за “Погорельщину”, “Заозерье” и последнюю присылку Клюева! Теперь немного новой мандельштамианы. “Звено”, Париж, 1926-1928 гг. (от его первого номера в качестве самостоятельного журнала, а не понедельничного приложения к “Последним Новостям”, т.е. с номера 153-го, и до полного и окончательного прекращения журнала). Просмотрены сборники “Поэтика”, как издававшиеся ОПОЯЗ’ом, 1919-1926, так и издававшиеся Институтом Истории Искусств, 1926-1928. Просмотрен журнал “Заветы” за 1913-1914 гг. Вот результаты (с выпиской строк, к Мандельштаму относящихся).

<...>

Вот и весь мой маленький библиографический улов последнего времени. В ближайшее время проверю-просмотрю еще “Возрождение”, “Волю России” и “Последние Новости”.

Привет и лучшие пожелания от меня и жены Вам с женой.

Преданный Вам Борис Филиппов.

P.S. Нет ли в Вашей университетской библиотеке эсеровских и левоэсеровских журналов: “Знамя Труда”, 1917-1918, и “Знамя”, (1919)–1920. В них есть Клюев и, возможно, может встретиться Мандельштам. Здесь – “Знамени” нет, а “Знамя Труда” в библиотеке имеется, но 5-й месяц не могут его найти.

Б.Филиппов.

<27>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 27 июля 1953 г.

27/VII/53

27 июля 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Немного мандельштамианы:

Просмотрел еще газету “Возрождение” за первую половину 1927 года. Просмотрю ее за 1926 (первый имеющийся в Нью-Йорке) – 1933 гг., но

пока успел просмотреть за январь-июнь (включит.) 1927. О Мандельштаме только одно упоминание:

1) (Аноним). Литературная хроника. "Возрождение", Париж, ном.751 от 23 июня 1927, стр.3. "Среди поэтов на сей раз встречаем (в журн. "Новый Мир", кн.6, – Б.Ф.) имя О.Мандельштама. Это бывает очень редко в последние годы, а потому всегда ждешь чего-то от стихотворения, подписанного этим именем. Напечатанные в "Новом Мире" стихи – "Цыганка" – не из лучших стихов Мандельштама, но, конечно, они лучше всех остальных стихов, помещенных в том же номере".

Вот пока что и все. Завтра буду просматривать еще некоторые номера "России" И.Лежнева, найденный на днях мне в библиотеке Колумбийского унив-та. Если что-либо обнаружу, немедленно сообщу.

Привет и самые лучшие пожелания от меня и жены Вам с женой и семьей.

Преданный Вам Борис Филиппов.

<...>

Еще раз спасибо за помощь с Клюевым! Надеюсь, что Мандельштама мы подберем полностью.

Привет! Ваш Б.Филиппов.

<28>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 1 августа 1953 г.

1/VIII/53

1 августа 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Немного мандельштамовской библиографии. Прежде всего – исправление: в "Звене" была грубая ошибка в наименовании и авторе статьи "Есенин разговаривает о литературе". Начинаю с исправления этой справки в предыдущем моем письме. Текст, кажется, не перепутан.

<...>

Вот и все новости пока что. Еще раз огромное спасибо за "Избу и Поле".

Привет Вам и Вашей семье от жены и меня. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Борис Филиппов.

<29>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 8 августа 1953 г.

8/VIII/53

Нью-Йорк, 8 августа 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Теперь о Мандельштаме: у меня уже наполовину переписана “Египетская марка”. Переписана целиком одноименная повестушка и начат “Шум времени”. Высылать ли Вам сейчас переписанную половину, а затем дослать остальное, или прислать все сразу?

Спасибо за иноязычную библиографию Мандельштама-Клюева. В пересылаемом заново письме имеется кое-что из библиографии Мандельштама.

Еще раз простите за невольное хамство и еще и еще раз спасибо за “Избу и Поле”!

Привет и лучшие пожелания Вам и жене от меня и жены.

Преданный Вам Борис Филиппов.

<30>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 12 августа 1953 г.

12/VIII/53

12 августа 1953

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Вчера получил Ваше письмо. Ну, что ж! Поставлю на “Братские песни” крест.

Искал в Публичной Библиотеке “Сполохи” – имеются только номера 1-й и 2-й – и это – все. Посмотрю еще в других книгохранилищах. В первом номере ничего ни мандельштамовского, ни о Мандельштаме нет. Ваших стихов нет тоже (есть, кажется, стихи М.Струве³⁶). Объявления “Сполохов” просмотрены, все, что можно достать в

³⁶ Струве Михаил Александрович (1890-1949), поэт, прозаик, литературный критик, участник второго Цеха поэтов (1916-1917). С 1920 в эмиграции, с 1921 в Париже, участник литературно-художественных объединений “Гатарапак” (1921-1922) и “Через” (1923-1924), член Союза русских писателей и журналистов. С 1942 участник французского Сопротивления.

Нью-Йорке – просмотрено. Просмотрены также “Последние Новости” парижские – за 1930-1931 гг. пока что. Другие годы просмотрю тоже. Сейчас попались эти. Ничего не обнаружено, кроме маленькой заметки, о которой ниже. Улов мандельштамианы в последние недели слабоват. Правда, и я был очень занят – и не так упорно искал

<...>

Привет и самые лучшие пожелания!

Искренне преданный Вам Борис Филиппов.

<...>

<31>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 19 августа 1953 г.

19/VIII/53

19 августа 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Посылаю маленькое дополнение к мандельштамовской библиографии:

<...>

Кроме того, должны быть материалы о М. и переводы его стихов в журнале проф. Этторе Ло Гатто – “Russia”, о чем я знаю, но журнал еще не смотрел (и не знаю – имеется ли он здесь).

У меня переписана “Египетская марка” (вместе с “Шумом времени”). Посылать ли Вам? Я – на всякий случай – сделал 3 экз. Как только проверю копию – сразу вышлю.

То, что касается М. в книге Бенедикта Лившица “ПОЛУТОРА-ГЛАЗЫЙ СТРЕЛЕЦ”, изд. писателей в Ленинграде, 1933:

<...>

В книге есть много красочных характеристик, но о М. выписано здесь ВСЕ.

До сих пор не подвернулось ничего интересного из альманахов и сборников. Все ищу что-нибудь (деньги Ваши – 1.50 – у меня на особом “книжном счету”) Напишите – нужна ли Вам “Египетская марка” с “Шумом времени” (переписанная на машинке). Немедленно вышлю.

Привет Вам и Вашей жене от меня с женой.

Искренне преданный Вам Борис Филиппов.

<...>

Летние письма Г.С. за 1953 год, если они и были, то не сохранились. На летние письма Б.Ф. он отозвался только 11 сентября.

Прилагая небольшую справку для библиографии О.М., он писал: «...Я получил тот аппарат, о котором Вам писал в свое время, и теперь могу переснять статьи Мандельштама из «Аполлона» (еще не перестуканные Вами) и вообще все, что нужно. Пришлите мне список того, что нужно воспроизвести (конечно, подразумевается, что эти вещи должны быть у меня здесь – «Аполлон» у нас в Библиотеке имеется).

Как обстоят дела с издательством (т.е. с нашим Мандельштамом)? Когда ожидается выход Клюева? Искренне Вам преданный, Глеб Струве»

<32>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 25 сентября 1953 г.

25/IX/53

25 сентября 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Давно мы уже не обменивались с Вами письмами. Спешу нарушить молчание – и шлю Вам найденную новую статью рецензию О.Мандельштама, очень притом существенную: рисует наиболее ярко взгляды М. на символизм, в частности, на А.Белого. Получили ли Вы “Египетскую марку”? Я ее послал с месяц назад. И вот еще несколько дополнений к библиографии М.: <...>

Вот пока что и все. На следующей неделе отправлюсь к чеховцам – немного нужно пошевелить их.

Привет от меня и жены Вам и Вашей семье.

Преданный Вам Ваш Борис Филиппов.

<33>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 17 октября 1953 г.

17/X/53

17 октября 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Ничего нового мандельштамовского и о Мандельштаме пока не обнаружил...<...>

Маленькая новость об издании Мандельштама. У чеховцев все еще нет никакой ясности с деньгами: выяснится не раньше, чем через месяц-два. Но, на худой конец, если чеховцы лопнут, можно издать Мандельштама, правда, без всякого гонорара, но издать полностью, в Нью-Йорке (и стихи, и прозу, и комментарии). Берется издать – если не будет существовать чеховское изд-во – издатель “Опытов” Р.Н.Гринберг³⁷. Он сказал мне с неделю назад об этом. Будем иметь и эту возможность в виду, если чеховцам закроют кредиты...

<...>

Привет Вам и семье от меня и жены.

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

<34>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 25 октября 1953 г.

25/X/53

25 октября 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Клюев принят только “принципиально”, но еще никакого договора со мной не заключали... Надеюсь, что все-таки издадут. О Мандельштаме буду еще говорить завтра с чеховцами. Но на худой конец неплохо, если его можно будет издать у Гринберга: я ведь тоже работаю в данном случае не для гонорара. Если выйдет у чеховцев и будет какая-то денежная выгода – неплохо. Но не в ней дело.

Очень рад, что в Ленинградском Петербурге Георгия Петрова опознали Вашего сотрудника по Мандельштаму. Мне не хотелось писать о городе, мне бесконечно дорогом, обычных каталогов имен и построек... А вышло ли – не мне судить.

<...>

Мы с женой шлем самый искренний привет Вам и Вашей семье. Еще раз спасибо, огромное спасибо!

Искренне Вам преданный Борис Филиппов!

Все еще лежат у меня Ваши 1.50 – ничего интересного пока не нашел.

³⁷ Гринберг Роман Николаевич (1893–1969), издатель. В 1953–54 гг. вместе с В. Пастуховым редактировал первые три номера журнала «Опытъ», позднее был редактором-издателем альманаха «Воздушные пути» (1960–67), во втором выпуске которого (1962), опубликовав огромную подборку стихов О.М., фактически открыл «позднего Мандельштама» читателю.

В следующем – последнем в 1953 году – оптимистичный обыкновенно Б.Ф. позволяет себе пессимистические ноты по отношению к обеим книгам, подготовленным им или им вместе с Г.С. для «чеховцев», как он называет своих издателей.

Глагол, который он все чаще начинает по их адресу употреблять в 1954-м, – это «долбить» («долбить о Мандельштаме»).

<35>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 29 ноября 1953 г.

29/XI/53

29 ноября 1953.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Целый месяц не писал никаких писем – и так одичал и – по советскому выражению – “запарился”, что одурел и, посылая Вам копию “Плача о Есенине” и мандельштамовской библиографии, забыл вложить в пакет сопроводительное письмо, так и пролежавшее у меня среди мандельштамовских материалов...

Простите за невольное мое хамство. Надо было кончать одну работенку, рассчитанную на несколько месяцев, но мне доставиyouся в последний момент, т.ч. “свернуть” ее необходимо было недель за пять... А так как я, уже скоро три года, живу и зарабатываю хлеб насущный такими вовсе нерегулярными заказами, сделанными исследовательскими работенками о принудительном труде в СССР, о советской строительной промышленности (я ведь во время оно, до лагеря НКВД, был сравнительно заметным работником в этой области), о техническом и общем планировании строительства и т.д. Одними заказами статей для “Голоса Америки” прожить с семьей трудновато. Вот и бывают такие периоды, когда нет ни времени, ни сил присесть за машинку: выстукиваешь только срочные работы для прокорма. Пишу это Вам потому, что не хочется в глазах Ваших оказаться страдающим “хамежом”. Ну, хватит об этом! Еще одно только извинение: не обращайтесь внимания на чудовищные переносы слов в моих письмах и материалах: в лагерях Ди-Пи образовалась у меня дурная привычка загонять строчки до самого конца страницы... Отвыкнуть от иных отвратных привычек бывает затруднительно.

Видели ли Вы новую работу чеховцев – прозу М.Цветаевой? Не указаны даже журналы, из коих извлечены помещенные в книге статьи. А на мой вопрос – почему хорошее начинание – собрание разбросанных

в журналах статей Цветаевой – испорчено подобной небрежностью (и рядом других), мне было сказано одним из участников этого начинания: – а для чего писать – из каких журналов извлечены эти статьи? Это ведь никому не интересно и не нужно... С Мандельштамом – как и с моим давно полностью законченным Клюевым – все еще нет никакой ясности: чеховцы еще не знают – будут ли им отпущены деньги. На этой неделе опять буду у них. Пока что говорят: принципиально считаем и Клюева и Мандельштама принятыми к изданию, но ждите результатов совещания в верхах фонда...³⁸

Конечно, гринберговской возможностью нужно будет воспользоваться только в самом уже безвыходном положении: лучше издать Мандельштама не у него и помимо него.

За этот месяц ничего нового, конечно, ни Мандельштама, ни о Мандельштаме не нашел: весь месяц прошел под знаком только вчера законченной работы. Единственное письмо мое, написанное в этом месяце, было благодарственное письмо профессору Э.Ло-Гатто.

Теперь, когда собрал я все, что можно, Клюевское и о Клюеве, я как-то стал даже вяло-безразличен к тому – издадут ли Клюева или нет: с моей стороны сделано все, что мог сделать. А главное, проделана вся работа, и все готово для печати. Мы собрали, кажется, все или почти все Мандельштамовское. Очень хорошо, если удастся нам издать Мандельштама. Но если и не удастся, работа далеко не бесцельна. Полагаю все-таки, что и Мандельштам, и Клюев изданы будут. Еще один вопрос: я нашел небольшой портрет Мандельштама в “Огоньке” за 1923 год. Хочу его заказать – переснять. Интересует ли он Вас?

Все никак не найду интересной для Вас книги, и Ваши 1.50 все еще лежат у меня.

Вас не интересует небольшой поэт-царскосёл Валентин Кривич (сын Иннокентия Анненского)? У меня – в силу разных обстоятельств – имеется некоторое количество его неизданных стихотворений. Если хотите, пришлю Вам копию интереснейших из них. Кое-что неплохо. По ряду соображений от их опубликования нужно пока воздержаться, и я не мог их передать в “Новый Журнал”.

И я, и жена шлем Вам и Вашей семье лучшие пожелания. Надеюсь все-таки, что наш с Вами Мандельштам будет опубликован...

Ваши, искренне преданный Вам Борис Филиппов.

³⁸ Речь идет об East European Fund, в структуре которого и было создано «Издательство им. Чехова».

Не обращайте внимания на некоторые пессимистические нотки в моем письме: но иногда опускаются руки: издаются бог знает какие книги, а для Клюева и Мандельштама все еще не приходит время.

Впрочем, все это нормально.

2

**«ДОЛБЛЕНИЕ О МАНДЕЛЬШТАМЕ»:
ПОДГОТОВКА РУКОПИСИ**

<36>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 5 января 1954 г.

5/1/54

Отв.10/1/54

5 января 1953.[1954]

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Поздравляю Вас с наступающими Святками и желаю Вам и Вашей семье их весело и радостно провести.

На днях решается вопрос об издании моего Клюева (в двух томах), и мне сказали, что сразу же начнут разговоры о Мандельштаме. Не знаю еще – как будет дело с Клюевым – выяснится на днях. Сразу же начинать разговоры о Мандельштаме мне не посоветовала Т.Г.Терентьева. Но сказала, что и она, и В.А.Шварц³⁹ весьма активно будут “протаскивать” через американские инстанции полного Мандельштама (будет, конечно, тоже два тома). На днях опять побываю в Чеховском изд-ве – и сразу же сообщу Вам все новости.

<...>

Еще раз привет и пожелание веселых святок от меня и моей семьи Вам и Вашей семье.

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

Ради Бога, простите мою рассеянность: мне помнилось, что я писал Вам уже о получении фотографии автографа Клюева и благодарил за него.

³⁹ Шварц (Александрова, урожд. Мордвинова) Вера Александровна (1895 – 1966) – главный редактор Издательства им. Чехова.

<37>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 27 января 1954 г.

27/1/54

27 января 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Теперь непрерывно долблю о Мандельштаме. У них два тома текстов – передал их им давно, чтобы у них они лежали. Конечно, и тексты, и разночтения, и варианты можно будет менять и еще раз менять, дополнять, корректировать. Но важно, что тексты лежат у них уже год с лишним.

Прошу теперь Вашей помощи: напишите от себя Терентьевой Татьяне Георгиевне – о Мандельштаме. Нужно толкать и продвигать сейчас усиленно, чтобы не перенесли Мандельштама на 1955 год, а это может случиться. Мандельштама легко подвести под группу репрессированных и изъятых из библиотек и из продажи в СССР советских авторов. А таких – по уставу – чеховцы печатают чуть ли ни в первую очередь. Мне Татьяна Георгиевна обещала протаскивать два тома полного собрания сочинений Мандельштама. Меньше не выйдет... Напишите ей и в чеховское издательство. Вернее, напишите в чеховское издательство ЧЕРЕЗ Т.Г.Терентьеву. Я буду непрерывно проталкивать Мандельштама.

<...>

Клюев выйдет в июне мес., в двух томах. Рад буду послать Вам экземпляр книги. Работал я над нею немало.

Привет Вам и Вашей семье от меня с женой.

Крепко жму Вам руку.

Искренне преданный Вам Борис Филиппов.

<38>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 5 февраля 1954 г.

5/II/54

Отв.8/II/54.

5 февраля 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Спасибо за письмо. Думаю, что с ДВУХТОМНЫМ Мандельштамом дело у нас выгорит. По крайней мере, Татьяна Георгиевна Терентьева

обещает принять все меры в отношении “давления” на чеховских воротил. Но нужно, чтобы иногда писали о Мандельштаме и Вы – издательство, как видите, Вас очень ценит, да и Неизданный Гумилев “имел хорошую прессу”, как говорят здешние, зарубежные литераторы.

<...>

О том, как писать наименования журналов и газет: вполне согласен в Мандельштаме на заглавную букву только в первом слове названия: “Русская мысль”, а не “Русская Мысль”. Но маленькая историческая справка: в советской печати ПРОСТО ВЕРНУЛИСЬ к практике первой половины XIX века, когда писали всегда: “Литературный Современник” и “Северная Пчела”. По моим наблюдениям, только в сороковых годах стали писать и так, и этак. Но этот вопрос настолько несущественный, что охотно соглашаюсь на любое написание. Большебуквенное просто мне въелось в кровь, и я машинально пишу так.

Какой длины должны быть статьи к Мандельштаму? Думаю, что страниц по 25-30. Скажем, Ваша статья – страниц на 30, моя – страниц на 20 – не более. У М. много прозы, и стихи придется печатать “в подбор”, т.е. не по одному на странице, – иначе, не влезем и в два тома. Так я печатаю и Клюева. Отказаться же от разночтений и вариантов, большой библиографии и примечаний – не надо, лучше выпустить М. как следует. На три тома издательство не пойдет

На днях буду у букинистов. Уверен, что найду Вам XXII книгу “Нового Журнала”. Как только найду, вышлю незамедлительно. Дороже 1.60 стоить не будет, надеюсь, что найду за 1.50.

<...>

Ох, как хочется издать ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Мандельштама! Думаю, что удастся. Путь ясен: проводить Мандельштама во-первых, как ПРОЗАИКА (стихи, сверстанные не по одному, а “в подбор”, займут не более 32 процентов страниц, остальное – проза; стихи ПРОХОДЯТ в изд-ве ТРУДНЕЕ), а, главное, как жертву коммунизма – таковые издаются чуть ли не в первую очередь. Буду ходить, долбить, нудить, надоедать. А Вы изредка пишете им тоже о Мандельштаме. Авось, удастся издать. Сильно на это надеюсь. В будущем-то году обещано наверняка, но надо стараться протиснуть его в этом году.

Вся наша семья шлет Вам и Вашей семье самые лучшие пожелания.

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

<39>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 22 февраля 1954 г.

22/II/54

22 февраля 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Спешу принести мои извинения: я, действительно, настолько обалдел последнее время, что понял Ваше письмо о прописных буквах в названии журналов – в библиографии Мандельштама – как раз наоборот...

<...>

Все время теперь долблю о Мандельштаме. Думаю, что “продолблю” для него дорогу в этом, а не 1955 году.

Вся наша семья шлет Вам и Вашей Семье самый сердечный привет. Ваш Вам искренне преданный Борис Филиппов.

<40>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 12 апреля 1954 г.

12/IV/54

12 апреля 1954.

Глубокоуважаемый Глеб Петрович!

<...>

Теперь надоедаю с Мандельштамом – напоминаю о нем (в Чеховском изд-ве).

При случае напишите и Вы о Мандельштаме – Терентьевой или Шварц.

Ничего нового мандельштамовского – или литературы о Мандельштаме – не обнаружил. Правда, сейчас мало ищу – был сильно занят совсем не литературными работами.

Посылаю маленький отрывок из книжки И.Грузинова, касающийся Мандельштама. Книжку получил – для использования, временно – от Алексея Петровича. На днях – вместе с другой книжкой (в которой материалов о М. нет, есть о Клюеве) возвращаю – с великой благодарностью – Алексею Петровичу.

Выход Клюева несколько задерживается издательством: не в июне, а не раньше августа-сентября.

Увы, до сих пор не нашел еще 22 книги “Нового Журнала”. Обещают мне ее найти.

*И я, и вся моя семья шлет Вам и Вашей семье самый искренний и сердечный привет и поздравления с наступающими Светлыми Днями.
Христос Воскресе!*

Ваши Борис Филиппов

<...>

«Долбление о Мандельштаме» в 1954 году не было безрезультатным. В то же время мечты о двухтомном (а в глубине души – о трехтомном!) О.М. пришлось отставить. «Верхи фонда» утвердили только однотомник – объемом, сначала, в 489-500 страниц, а потом – и вовсе в стандартные 416 страниц.

<41>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 16 июня 1954 г.

16/VI/54

Отв.20/VI/54

16 июня 1954.

Глубокоуважаемый Глеб Петрович!

Давно-давно уже мы не переписывались с Вами. Но сегодня могу сообщить Вам отрадную новость: принципиально Мандельштам принят, числа 28 примерно, во всяком случае, в конце месяца, на заседании в Чеховском издательстве, как мне сообщили неофициально, но совершенно точно, – Мандельштама утвердят, и тогда подпишем мы с Вами контракт с Чеховским изд-вом. Но утвердят полное собрание сочинений Мандельштама (стихи и прозу) только в одном томе, правда, в 480-500 страниц – вместо обычных 416. Все-таки это лучше, чем ничего. Придется, правда, изъять переводы (можно оставить “Сыновья Аймона” и “Из Федры” – включенные самим автором в третье издание “Камня”), т.к. они занимают много места, а большой ценности не представляют. Придется и сократить объем вступительных статей (Ваша – страниц 10-12, моя – страниц 6-8 – и это все, что мы можем себе позволить при 480-500 стр.). Но остается неприкосновенным весь состав стихов (оригинальных + “Сыновья Аймона” и “Начало Федры”, детские стихи тоже), вся проза, комментарии (краткие) и варианты и разночтения, вся библиография, алфавитный указатель и т.п. Правда, статьи вступительные, коммен-

тарии, варианты, библиографию, алфавитный указатель, да и часть прозы не включенной автором в книги, придется набрать петитом, но вполне удобочитаемым. Произвел расчет, и установил, что в указанные издательством пределы можно – при изъятии переводов и небольшом объеме вступительных статей – уложиться можно. Если хотите, могу ограничиться 5-6 страницами, чтобы Ваша статья о Мандельштаме была больше и основательнее по размерам: страниц в 14-15. Да так и лучше. Я ограничусь небольшими замечаниями о Мандельштаме и отношении к нему советских писателей, поэтов, читателей, скажу немного и о прозе Мандельштама – в том же скорее “социально-психологическом”, чем литературно-эстетическом плане. Это займет странички четыре-пять. И одну страничку нужно резервировать для чисто редакционных замечаний: для указаний, чего именно мы не смогли разыскать, в какой степени наше собрание сочинений Мандельштама может быть признано полным (а назвать собрание сочинений полным мы должны – это главная приманка для чеховцев). Но и впрямь – наше собрание будет самым полным, какое только возможно в наших условиях. И самым полным – по сравнению с книгами поэта, вышедшими в свет.

Татьяна Георгиевна просила передать Вам, многоуважаемый Глеб Петрович, что сейчас уже наступило время прислать Вашу вступительную статью – пришлите ее через меня, я буду знать, чего мне не касаться в статейке моей. Свою статейку я пошлю на Ваше рассмотрение.

Пришлите и Ваши дополнения к библиографии – уже нужно вносить их в рукопись. Теперь о самом плане издания: ограниченное количество страниц заставляет отказаться от отдельных страниц для разделов книги: “Камень”, “Триптих” и т.д. Придется набирать названия разделов крупным и жирным шрифтом, а отдельные страницы-листы оставить только для “стихов”, “прозы” и “статей по литературе”. Это – в плане “техническом”. Теперь – порядок следования материала:

1) Ваша статья о Мандельштаме; 2) Моя заметка о М.; 3) От редакции (состав собрания сочинений, принципы редактирования, выбора вариантов и т.п.)

СТИХОТВОРЕНИЯ:

1.Камень; 2.Триптих; 3.Стихи 1921-1925, из книги “Стихотворения”, 1928; 4.Стихи 1923-1932, не собранные в книги автора; 5.Стихи 1910-1921, не включенные автором в книги его стихов; 6.Стихотво-

рения для детей; 7.Из переводов и подражаний (“Сыновья Аймона” и “Начало Федры”); 8.Шуточные стихи и стихи на случай.

ПРОЗА:

1.Египетская марка; 2.Шум времени; 3.Прозаические произведения, не собранные в книги автора (“Меньшевики в Грузии”, “Холодное лето”, “Армия поэтов”, “Путешествие в Армению”).

СТАТЬИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ:

1.О поэзии (так как сокращения и изменения в статьи, включенные в эту книгу, были произведены под давлением цензуры, публиковать статьи в более ранних журнальных публикациях, оговорив разночтения и сокращения в примечаниях – в тех случаях, когда мы имеем первоначальные редакции статей, т.е. по отношению к статьям: “Слово и культура”, “Выпад”, “О собеседнике”, “О природе слова”, “Заметки о поэзии”, “Барсучья нора” (принять полный текст статьи “Ал.Блок” в журн. “Россия”), “Петр Чаадаев” и “Франсуа Виллон”; 2.Статьи и рецензии, не собранные автором в книгу (“Утро акмеизма”; “Гуманизм и современность”; “Буря и натиск”; “Гюисманс. Парижские арабески”; “Свентицкий. О короле Артуре”; “Гауптман. Еретик из Соаны” (проставить: раньше поместить Свентицкого); “А.Белый. Записки чудака”

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1) Первая международная крестьянская конференция (репортаж); 2) “Нюэн-Ай-Как” (обязательно сняв подзаголовок: “В гостях у коммутерника”, иначе – не пропустят); 3) Письмо к Ф.Сологубу; 4) Письмо в редакцию “Литер.Газеты” и 5) Предисловие к книге “О поэзии”. Вернее всего, что первые две статейки-репортажа издательство не пропустит – побоятся, – тогда приложения не печатать вовсе.

ВАРИАНТЫ и РАЗНОЧТЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ произведений. Оглавление.

Напишите – как Вы смотрите на такой порядок расположения материала?

Как Вы смотрите на вопрос о выборе варианта статей? В прозе – вопрос решается просто: берем позднейший. Но в литер. статьях второй вариант явно в угоду цензуре, а м.б. – под ее давлением. В стихах – берется позднейший вариант, кроме случаев сознательной порчи в угоду цензуре (и кроме “вигилий” в “Триптихе” – позднейшие “веселья” – отне-

сем их в варианты). Так как у Вас все тексты имеются, напишите Ваши соображения. Текст разночтений и вариантов у Вас также имеются (кроме, может быть, прозы: не помню – послал ли я разночтения по этому разделу Вам – или нет...), имеется у Вас и копия библиографии.

Жду с нетерпением Вашего ответа. Вчера кончил все счета с Клюевым, он выйдет в конце июня, и я с великой радостью – и великой благодарностью за помощь – пошлю экземпляры Клюева Вам, Алексею Петровичу, Этторе Ло-Гатто.

Всю корректуру Клюева вели мы с женой. Не знаю, как выйдет и что выйдет, но работали мы долго и упорно, кажется, опечаток много не будет.

Титульный лист: Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений. Редакция Глеба Струве (или проф. Г.П.Струве) и Бориса Филиппова.

С нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Привет Вам и Вашей жене и семье от меня с женой и всей нашей семьи.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный вам Борис Филиппов.

<42>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 3 июля 1954 г.

3/VII/54

3 июля 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Приехал из Вашингтона, куда 10-го июля переезжаю окончательно, и сел за письмо к Вам. И, прежде всего, простите, что не смог заказать Вам фотостатьи о бароне Павле Андреевиче Николаи⁴⁰ из “Русского Биографического Словаря” под ред. Половцева. Дело в том, что последние нью-йоркские дни у меня полны беготни, а фотостат, обычно бывает готов только через 8-10 дней. Поэтому, простите, посылаю Вам очень точную, выверенную копию статьи, написанную в 3 экз. на пишущей машинке, только, правда, по новой орфографии. Если это Вас

⁴⁰ Николаи Павел Андреевич (1777–1866) – с 1796 г. и до ухода в отставку в 1847 г. был чиновником русской миссии в Копенгагене, секретарем Лондонской миссии, советником русского посольства в Лондоне, в Стокгольме, чрезвычайным послом и полномочным представителем министра в Копенгагене. Владелец уникальной библиотеки.

не удовлетворит, сообщаю номер этой книги в Нью-Йоркской Публичной библиотеке (там этот том числится II-м):

Но, повторяю, копия точна.

“Ученых Записок Госуд. Педагогического Института им. А.И. Герцена” в Публичной Б-ке не обнаружил, не обнаружил и в б-ке Колумбийск. Ун-та, но в последнем смотрел каталог не слишком тщательно. Может быть, найду их для Вас в Б-ке Конгресса. После 10 буду уже в Вашингтоне, где получил постоянную научно-исследовательскую работу. Мой адрес в Вашингтоне: 1763 Columbia Road, Apt. 38, NW, Washington, DC.

Мандельштам 28-го июня не рассматривался, но принципиально его издать решили. Утверждаться будет уже без меня – числа 13-14 июля. И статью, и все, что относится к изданию, илите все-таки на мое имя, т.к. я постоянно буду писать и посылать материалы Татьяне Георгиевне Терентьевой. Вам я одновременно посылаю: варианты и разночтения в прозе Мандельштама и свою статью о нем, данную “в первом варианте” (нужно было дать что-нибудь, ибо М. предполаген был к рассмотрению на заседании 28 июня). Если найдете в моей статье несообразности или глупости – сообщите, пожалуйста, мне незамедлительно – я не обидчив и люблю, когда меня за дело ругают. Повторяю, эта статья писалась только для того, чтобы не было формального предлога отвести рассмотрение М. на другое заседание – не готова, дескать, вступительная статья...

Никак не добьюсь в Чеховском издательстве ответа – сколько же дадут за Мандельштама? Но это не так важно: хочется его скорее видеть изданным...

Мне было очень неловко отвечать Вам на Ваше предложение о разделе гонорара в пропорции : 1/3 Вам – и 2/3 мне. Но раз так Вы решили, да будет так. Мне все время казалось, что пропорция S и S – наиболее удобная форма...

Недавно вышел из печати Клюев, и на следующей неделе он будет Вам выслан, а также выслан Алексею Петровичу. Очень буду рад, если черкнете мне несколько слов о том – как Вам показалась моя статейка-набросок о Мандельштаме? Я не стою на ней... Послана книга Клюева и Эttore Ло-Гатто.

Опять возвращаюсь к Мандельштаму: НАСТАИВАЮ, чтобы пошла статья-очерк “Меньшевики в Грузии” (его поставили под сомнение, но никак не соглашаются отказаться от “Полного собрания сочинений” на титульном листе). Думаю, что “Меньшевиков” и часть

переводов отстою. Но нельзя печатать “Крестьянской конференции” и “Ньюэна Ай Как’а”. Можно оговорить в заметке от редакции, что не включены две репортерские заметки М. Письмо Сологубу, письмо в ред. “Лит.Газеты” и предисловие к кн. “О поэзии” – останутся в приложении. Библиографию в ее последнем варианте вышлю Вам для сверки уже из Вашингтона. Если будете в сем стольном граде, очень прошу Вас не забывать нас – и заехать к нам. Будем очень рады Вас видеть.

<...>

Во вторник пойду опять в Чеховское изд-во – хочу выторговать у них как можно больше переводов и отдать на заклание только указ. выше 2 репортажа, а также хлопочу о 500-550 долл. – но это уже хлопочу меньше – не люблю и не умею торговаться.

<...>

Самый лучший привет и пожелания Вам и семье Вашей!

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

20 июля 1954 г. – усталый после переезда – Б.Ф. впервые отправил письмо Г.С. уже из Вашингтона:

<43>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 20 июля 1954 г.

20/VII/54

20 июля 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Прежде всего, простите, что до сих пор не ответил Вам на Ваше письмо. Но совершенно замотался с переездом: семья наша немалая – пять душ и большая кошка, 5.000 книг, рукописный архив и не слишком достаточное количество денег. Все это заставляет достаточно много вертеться, тем более, что кроме меня и жены семья состоит из моей мамы, которой достаточно много лет, и такой же старушки-родственницы, да девятилетней девочки. Правда, по хозяйству хлопочет именно наше старшее поколение, но беготни, хлопот и мороки до сих пор много. Тем более, что работать пришлось начать на другой день после приезда. Но это – дела личные.

Будем все очень рады, что на Рождестве увидимся и познакомимся в Вашингтоне. С вокзала ехать к нам 42-м трамваем. Мы все очень будем рады видеть Вас с женой у себя.

<...>

Нет почему-то никаких вестей о Мандельштаме от чеховцев. 12 июля должен был окончательно решиться вопрос об его издании, но мне до сих пор ничего не сообщили.

Библиографические данные из моей статейки о М. можно совершенно начисто удалить, да и вся-то статья написана наспех, только чтоб дать что-то издательству к моменту утверждения плана издания. Библиографию М. скоро перепечатаю – как только окончательно разберусь с вещами – и вышлю Вам.

<...>

Крепко жму Вашу руку. Привет Вашей жене от меня и жены.

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

<44>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, между 20 июля и 15 сентября 1954 г.

<Нрзб.>

Вашингтон, 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Спасибо за письмо и дополнения к библиографии Мандельштама. Сразу же сообщаю последнюю сводку с мандельштамовского фронта: вчера получил письмо от Татьяны Георгиевны, которое гласит: “Мандельштам принят, но не безоговорочно. К сожалению, книгу придется сократить на 100 стр., т.ч. “полного” не получится – очень дорого выходит. Я думала о сокращении, и мне кажется, что можно сократить его некоторые критические статьи и рецензии, “Меньшевики в Грузии” и индокитайскую веещицу. Впрочем, решайте сами. Гонорар определен в 500 на двоих. К сожалению, иначе не выходило. Напишите, согласны ли Вы и Глеб Петрович на эти условия”. Простите, Глеб Петрович, но обстановка – о которой я знаю из ряда источников – требовала немедленного ответа, я послал согласие ЗА НАС ДВОИХ, не списавшись предварительно с Вами. Выхода ведь НЕТ. Но я думаю, что мы можем сократить: 1) часть библиографии и 2) часть разночтений, оставив только самые существенные ВАРИАНТЫ; 3) приложения; 4) “Меньшевики в Грузии”, которые НИКАК не пропускают; 5) “Ньюэн-Ай-Как”, 6) “Крестьянскую конференцию”; 7) ВСЕ переводы, кроме включенных в “Камень” 1923; 8) я сильно подсокращу свою статью; и, в крайнем случае, 9) исключим шуточные стихи. Это все дает около

90 страниц – остальное натянем печатанием части текста петитом. Напишите, согласны ли ВВІ с таким решением? При этом, библиографию сократим только о Мандельштаме, библиографию же публикаций М. оставим полностью. На этих днях определю точно размеры сокращений – в книжных печатных знаках, и дополнительно напишу Вам.

Спасибо за приглашение. С большим удовольствием будем у Вас в Вашей вашингтонской резиденции, но надеемся – и я, и жена, – что и Вы с женой побываете у нас. Но до Рождества еще много времени... С сестрой Вашей жены еще не встретился: моя работа пока не пускает меня в Б-ку Конгресса...

Пока всего самого лучшего. Отдыхайте! Посылаю Вам письмо уже на сообщенный Вами домашний адрес.

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

Итак, в конце концов, Б.Ф. продолбил-таки «о Мандельштаме»!

Официальное решение о его издании было принято издательством в конце лета 1954 года. Но при этом «чеховцы» не только потребовали 20-процентного сокращения (на 100 страниц!), но и вовсе отказались от критерия полноты.

Но на холодной войне – как на холодной войне. подобно своим советским коллегам и выполняя чью-то малопонятную политическую волю, издательство категорически потребовали отказаться от публикации нежелательных и «просоветских», на их идеологический взгляд, вещей – «Меньшевик в Грузии», например (неужели из-за непочтительности к меньшевикам?).

И как же реагирует на это Б.Ф.?

Для всего того, что не войдет в том, мечтает о дополнительном «самиздате» хотя бы в двести экземпляров!..

<45>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 15 сентября 1954 г.

15/IX/54

15 сентября 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Долго не писал Вам потому, что и новостей-то не было долго, да и первые шаги на новой работе всегда требуют напряженного труда и большей части времени. К тому же и климат вашингтонский не

из легких: жара и духота, влажность такие, что ужасающее пекло Нью-Йорка кажется раем земным... Все это и заставило меня на некоторое время замолкнуть. Сейчас Вы, конечно, уже получили письмо от Татьяны Георгиевны, в котором она сообщает о том, что весь Мандельштам должен быть уложен в прокрустово ложе 416 страниц. И о том, что Вы должны, на английском языке, дать письменное согласие на такое сокращение Мандельштама и на гонорар в размере \$ 250.00 Вам и \$ 250.00 мне. Я уже в понедельник послал ответ Чеховскому издательству – приходится соглашаться – иного выхода нет. Но я уже переписал – это было необходимо – большую часть материала: хочу за счет “технических” факторов сократить пустоты – и поместить в книгу как можно больше текстов Мандельштама. Сократил и свою статью, в частности, выбросил из нее все библиографические данные. Переписанное скоро вышлю Вам. В нашем издании мы сохраним: ВСЕ стихотворения поэта, за исключением переводов (из переводов только “Сыновья Аймона” и “Начало Федры”); ВСЮ художественную прозу Мандельштама и избранные статьи по литературе. Разночтения останутся, но библиографию придется сократить: оставить только библиографию вещей Мандельштама, исключив библиографию книг, статей и пр. О Мандельштаме.

Жду Вашу статью – как только сможете, пришлите ее. Назвать книгу можно будет так, примерно: Осип Мандельштам. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ. Избранные статьи о литературе. Редакция, вступительные статьи и комментарии Глеба Струве и Бориса Филиппова.

Какие статьи мы включим – обсудим с Вами в ближайшем письме. Думаю, что ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ нужно включить статьи, не собранные в книгу “О поэзии”. Не решал этого вопроса, не посоветовавшись с Вами, и потому еще, что жду рукопись Мандельштама из Чеховского изд-ва – они выслали ее мне. Моя копия немного отличается от оригинала – нужно подсчитать печатные знаки – и тогда решать – что же не войдет в книгу.

Теперь – не для ушей чеховского изд-ва – думаю, что мы могли бы – по подписке – издать все дополнительные материалы по Мандельштаму: не вошедшие в книгу переводы в стихах, не вошедшие в книгу статьи и материалы, полную библиографию и, может быть, дополнительные статьи о поэте. Таких материалов наберется страниц на

200. Если не удастся издать типографическим способом, можно будет издать на шاپирографе⁴¹. Все-таки найдутся люди, которые захотят иметь полного Мандельштама, таких людей наберется сотни полторы-две, и издание может окупиться.

Хотел найти “Северные Записки” за 1913 год, №9, там помещены стихи Мандельштама: 1) “*Душа устала от усилий*” и 2) “*Качает веттер тоненькие ветки*”. Но ни в библиотеке Конгресса, ни в свободном каталоге американских библиотек “Северных Записок” за 1913 год не имеется. Не нашел и начала стихотворения “*Реймс и Кельн*”, хотя перерыл множество журналов за 1914 и 1915 годы. Ну, что делать!

Вся наша семья шлет Вам и Вашей семье самые, самые лучшие пожелания и сердечный привет. Искренне Ваш Борис Филиппов.

<46>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 5 октября 1954 г.

5/X/54

5 октября 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Простите, пожалуйста, что не сразу ответил на Ваше письмо от 24 сентября: эти две недели были очень тяжелыми для меня: при возвратившейся тропической духоте еще нужно было много работать на службе, да к тому же кончатся сокращение и перестройку Мандельштама. Получив Ваше письмо, сел и еще раз произвел подсчеты и рассчитал – по типографским знакам – возможный объем статей о литературе Мандельштама. Вот что может уместиться в 416 страниц книги:

- 1) Титульный лист и лист пустой перед ним (обязателен, увы, без него типографии почему-то не обходятся) 4 стр.*
- 2) Ваша статья 12*
- 3) Моя статья(я ее сократил) 6*
- 4) От редакции 2*
- 5) Лист с надписью “Стихотворения”(отдельные разделы “Камень” и т.д. будут даны жирным шрифтом, но не отделены листами, увы) 2*

⁴¹ Усовершенствованный гектограф – прибор для размножения рукописных или печатных оттисков, изобретенный инженером Шапиро.

6) СТИХОТВОРЕНИЯ (очень экономно верстанные)	138
7) Лист с надписью “Проза”	2
8) Египетская марка	38
9) Шум времени	72
10) Холодное лето	
11) Сухаревка	60
12) Армия поэтов	
13) Путешествие в Армению	
14) О поэзии: а) Слово и культура	
б) Выпад	
в) О природе слова	
г) Заметки о поэзии	
д) Конец романа	
е) Барсучья нора (полностью статья из “России” – “А.Блок”) все статьи из кн. “О поэзии” набраны будут ПЕТИТОМ	40
15) Одна рецензия-статья: А.Белый. Записки чудака. (петит)	3
16) Лист с надписью: “Варианты и разночтения. Библиография”	2
17) Варианты и разночтения (петит)	16
18) Библиография: ТОЛЬКО о книгах и публикациях Мандельштама, но без литературы о Мандельштаме.....	10
19) Алфавитный указатель.....	14
<hr/>	
В С Е Г О	421

Да еще нужно прикинуть на непредвиденные потери пространства, на “воздух” и т.д. Но думаю, что этот материал уложится.

Таким образом, из книги “О поэзии” не умещаются в книгу четыре статьи: 1) Деятнадцатый век, 2) Чаадаев, 3) Заметки о Шенье и 4) Франсуа Виллон. Нарочно исключил четыре последних статьи ПОДРЯД: лучше для дополнительного томика. Это – во-первых. Во-вторых, первые 7 статей более поздние и более общего характера. В-третьих, именно такое расположение укладывается как-то в прокрустово ложе чеховских 416 стр. Варианты сокращены мною, библиография тоже. Алфавитн. указатель необходим. Статья об Андрее Белом заменена статьей из кн. “О поэзии” быть не может – все оставшиеся 4 статьи вдвое больше по объему. Вот все, что можно сделать. Отказаться вовсе от вариантов и библиографии публикаций

Мандельштама считаю неправильным. Брать статьи из книги “О поэзии” – “вразбивку” – по-моему, хуже: слишком “случаен” будет дополнительный томик, а его издать необходимо. 5 страниц лишних, которые получаются при точном расчете, попытаюсь “нагнать” путем изъятия “пустого” первого листа – буду на этом изъятии настаивать, – и путем некоторой экономии в вариантах – я там кое-что вычеркнул.

Согласны ли ВВ с таким выбором? Напишите.

Теперь о дополнительном томике. Вот его состав:

1) Переводы в стихах.....	30-32 стр.
2) 4 последних статьи из книги “О поэзии”.....	34 стр.
3) Утро акмеизма.....	3 стр.
4) Гуманизм и современность.....	2 стр.
5) Буря и натиск.....	11-12 стр.
6) Рецензии.....	4 стр.
7) Меньшевики в Грузии.....	5 стр.
8) Первая междунар. крестьянская конференция (петит).....	2 стр.
9) Ньюн-Ай-Как (петит).....	3 стр.
10) Приложения (петит).....	3 стр.
11) Варианты, разночтения, примечания (петит).....	4 стр.
12) Библиография: литература о Мандельштаме (петит).....	15 стр.
13) “Воздух”, неизбежные пустые листы, титульный лист и пр.	12 стр.
14) От редакции.....	2 стр.
<hr/>	
ИТОГОок.....	140 стр.

Хорошо в этой же книжке дать одну-две небольшие статьи о Мандельштаме – Вашу и мою – т. к. в чеховском издании мы слишком ограничены местом, и наши статьи неизбежно очень невелики. Второй томик, таким образом, будет страниц в 160 – 10 печатных листов. Если нам “не поднять” его издания типографским путем, можно, в крайнем случае, подумать о ротаторе. Но это было бы плохо... Думаю, что после выхода чеховского Мандельштама подписчиков 200 мы найдем.

<...>

Издать дополнительный томик Мандельштама, м.б., можно и в изд-ве “Посев” – я напишу им, когда это будет своевременно – после СДАЧИ В НАБОР чеховского Мандельштама: до этого времени нельзя: чеховцы поднимут вой и сорвут издание основного Мандельштама.

План книги (дополнительной):

1) Ваша статья	15 стр.
2) Моя статейка	5
3) От редакции	2
4) Переводы в стихах	32
5) Из книги “О поэзии”	34
6) Статьи по литературе	20
7) Рецензии	4
8) Очерки. Репортаж	10
9) Приложения	3
10) Варианты, примечания	4
11) Библиография	15

Думаю, что подписчиков на Мандельштамовский дополнительный том будет даже более, чем 200: выручат еще и подписчики из Израиля. Туда идет много русских книг, а о Мандельштаме там знают и пишут.

Жду Вашего ответа о выборе.

На днях – дня через два – пошло Вам новый вариант первой половины, вернее, первых двух третей основного тома Мандельштама. Сейчас я его еще должен проверить – уничтожить описки, считать и т.д.

Привет от меня и жены Вам и семье Вашей.

Искренне преданный Вам Борис Филиппов.

На распределение гонорара согласен любое, раз Вы не хотите, чтобы мы – как это было условлено сначала – разделить его поровну. Спасибо!

Очень жду, что Вы побываете в Вашингтоне – и побываете у нас. Будем очень рады. Вы ведь собирались приехать на Рождество в наши края.

<47>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 18 октября 1954 г.

18/X/54

21/X/54

Вашингтон, 18 октября 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Давно-давно уже отправил Вам не только план собрания сочинений Мандельштама, но и первую половину книги полностью перепечатанную на машинке, а также библиографию и проч. Но не получил от Вас ответа – согласны ли Вы на последний мой вариант с выбором статей Мандель-

штама о литературе? А, вместе с тем, необходимо уже посылать материалы в Чеховское изд-во. Посылаю им одновременно с этим письмом все материалы, оговаривая при этом, что некоторые изменения еще возможны, что еще будет включена Ваша статья и одно (№ 170) стихотворение из книги С.К.Маковского. Думается, тот выбор, который сделан мною – с учетом Ваших возражений – Вас может удовлетворить (первые 7 статей из книги “О поэзии” – в первоначальных журнальных редакциях, как более свободных от цензурных требований: “О слове” – выскочило из головы название, а рукописи под рукой нет, – “Выпад”, “О собеседнике”, “О природе слова”, “Заметки о поэзии”, “Конец романа” и “А.Блок” (“Барсучья нора”)); дополнительно – одна рецензия об Андрее Белом – ни одна статья больше не помещается в 416 стр., а эта рецензия и очень интересна, и как раз помещается). Если Вы думаете об ином подборе материала, напишите, пожалуйста. Нужно уже скоро сказать окончательно – что же именно идет. Жду и статью Вашу. Сейчас уже начинает немного нервничать изд-во – потому и посылаю ему сегодня же материалы.

На днях пришлю дополнительные материалы по библиографии Мандельштама – кое-что еще нашел.

Жена и я шлем Вам и Вашей семье самый, самый искренний привет. Скоро, авось, и увидимся в Вашингтоне.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне Вам преданный Борис Филиппов

<48>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 21 октября 1954 г.

21/X/54

21 октября 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Сегодня получил Ваше письмо от 19 октября.

Мне тоже очень жаль, что нельзя прибавить “Девятнадцатый век” и “Утро Акмеизма”, но, увы... Написал Татьяне Георгиевне, что если можно будет что-либо съэкономить на страницах (хотя я очень точно и жестко рассчитал), то хорошо бы еще одну-две статьи вставить.

Не думаю, что это удастся.

Не думаю, что Роман Николаевич Гринберг издаст дополнительный томик Мандельштама. На счет “Граней” – согласен. Опечатки просто испортят работу. Попробуем издать здесь. Может быть, если будет

очень дорого издать типографским способом, издадим фотографическим. Посмотрим. Название книги предполагал набрать так:

Осип Мандельштам

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ**

Статьи по литературе

Но лучше, конечно, “И избранные литературно-критические статьи” (более мелким шрифтом, чем “Полное собр. стих. и худ. прозы”). Изменим. Напишу об этом чеховцам. Но времени у нас еще много. На счет разнобоя в написаниях названий журналов, альманахов и газет. У меня в рукописи Мандельштама их, кажется, нет. Они есть только в “Шуме времени”, в очерке “Семья Синани”, где у самого Мандельштама то “Русское богатство”, то “Русское Богатство”, причем в изд. 1925 г. и в изд. 1928 г. (“Египет. Марка”) один и тот же разнобой. Но его можно исправить. Я оставил так, как у автора. В библиографич. указателе всюду – с заглавных букв (в моем Клюеве тоже – Вы видели? Там всюду “Русская Мысль” и т.д.). Корректуру будем делать сами, думаю.

<...>

Очень надеемся увидеть Вас в Вашингтоне. Устроим литературный вечер с Вашим непременно участием и, если разрешите, Вашу лекцию. Ждем с нетерпением – и я, и жена – личного знакомства с Вами и Вашей женой. Но сами знаем, как много значат в семье деньги – и как нелегко семейному человеку странствовать... Я вот даже в Нью-Йорке за несколько месяцев побывал только раз... Самые лучшие пожелания! Привет!

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

<49>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 3 ноября 1954 г.

3/XI/54

Вашингтон, 3 ноября 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Очень хотелось, чтобы Вы поговорили с нами в нашем небольшом, но дружном кружке. Но, конечно, это было только наше желание, и хотя и жаль, но раз Вы не хотите – ничего не поделаешь...

Спасибо за дополнение к библиографии Мандельштама.

<...>

Крепко жму Вашу руку. Привет от меня и семьи Вам и Вашей семье. Очень буду рад познакомиться лично.

Ваш Борис Филиппов.

<50>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 15 ноября 1954 г.

15/XI/54

Вашингтон, 15 ноября 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Посылаю маленькое дополнение к библиографии Мандельштама. Пока “улов” невелик. Никаких вестей от Чеховского изд-ва. А, вместе с тем, я уже неоднократно им надоедал, просил ускорить присылку договора-контракта. Большая просьба к Вам: не написали ли бы Вы об ускорении вопроса с Мандельштамом? У Вас бóльшая возможность написать об этом: я им слишком часто надоедал...

Пишу и еще, и еще раз, но было бы хорошо, если бы и Вы написали Татьяне Георгиевне и спросили бы ее – как дела с Мандельштамом?

Мы с женой с нетерпением ждем Вашего приезда в Вашингтон на Рождество.

Большой привет Вам и семье от нашей семьи.

Крепко жму Вам руку. Ваш Борис Филиппов.

Следующее письмо Б.Ф. – предпоследнее в 1954 году. Оно примечательно тем, что наш составитель не признал за О.М. его подлинного шедевра – «Волка» («За гремучую доблесть...»!)

Хотя он и принял их в книгу из рук Сергея Маковского, но – как-то через губу: «Помещаю и их, но – я уверен – это отнюдь не Мандельштам. Не его походка, не его повадка, не его тон».

<51>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 12 декабря 1954 г.

12/XII/54

12 декабря 1954.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Наконец получил письмо-ответ от Татьяны Георгиевны. Договором на Мандельштама являются наши с Вами письма в изд-во, что

мы согласны на их условия. Деньги получим сразу же, как только будет сдана книга в типографию. Сейчас, по словам Татьяны Георгиевны, книга срочно должна быть сдана в типографию, но задерживаю за Вашей статьей. “Ради Бога, поторопите Глеба Петровича”, – пишет мне Татьяна Георгиевна.

Прислала она мне и стихи Мандельштама, неопубликованные, посмертные, которые приводит в своей книге С.К.Маковский. Помещаю и их, но – я уверен – это отнюдь не Мандельштам. Не его походка, не его повадка, не его тон. В примечаниях сошлемся на Маковского. Вот эти стихи:

*За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья и чести своей.*

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по шкуре своей.
Запахни меня лучше как шапку в рукав
Жаркой шубы сибирских степей,-*

*Чтоб не видеть ни трусов, ни мелкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.*

*Унеси меня в ночь, где течет Енисей,
Где сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по шкуре своей
И неправдой искривлен мой рот⁴².*

Простите, что тороплю Вас. Но сейчас мы можем не попасть в очередной набор. И я – в “тороплении” – являюсь только передаточной инстанцией.

⁴² Из рукописи книги С. Маковского «Портреты современников», выпущенной Издательством им. Чехова в 1955 г. (стихотворение О.М. «За гремучую доблесть...» – на с. 398).

*В моей дополнительной библиографии, я описался: не Гершон Свет,
а Аронсон.*

Мой – и жены – привет Вам и Вашей семье. Храни Вас Боже!

*Искренне Ваш
Борис Филиппов*

PS. С нетерпением ждем Вашего приезда в Вашингтон.

<52>

Б.А.Филиппов – Т.Г.Терентьевой, 13 декабря 1954 г.

13/XII/54

Вашингтон, 13 декабря 1954.

Многоуважаемая и дорогая Татьяна Георгиевна!

Простите, что беспокою Вас, но только что получил от Глеба Петровича письмо. Ю.К.Терапиано разыскал номер “Гиперборея” за 1913 год (номер 8) с неизвестными нам стихами Мандельштама, и – вследствие этого – необходимо произвести некоторые изменения в нумерации. СТИХОТВОРЕНИЕ ПРИЛАГАЮ НА ОСОБОМ ЛИСТКЕ. Надо вклеить его после стихотворения ном.175 – там, насколько знаю, даже место оставлено на стр.79-й рукописи. Кроме того, Глеб Петрович считает необходимым сделать небольшое исправление в стих. ном.168 “Батюшков”. В связи со всем этим, нужно внести несколько изменений в рукопись. Вот они – ПОСТРАНИЧНО:

Конец предисловия “ОТ РЕДАКЦИИ”: “Нелегкая работа по собиранию произведений поэта осуществлена нами при деятельном участии и помощи Алексея Петровича Струве, Екатерины Никаноровны Розен⁴³, Ольги Николаевны Анстей, Юрия Константиновича Терапиано и Татьяны Георгиевны Терентьевой.

Спасибо за помощь! Редакторы.”

<...>

Вот буквально все изменения – по страницам. Очень прошу внести их в рукопись. Буду Вам бесконечно благодарен. Вчера отправил письмо Глебу Петровичу Струве, нет, позавчера. Прошу его поторопиться с присылкой статьи – что из-за нее задерживается передача

⁴³ Розен, Екатерина Николаевна, баронесса, из рода фон Розенов. Была членом издательско-просветительского объединения русской эмиграции в США «Зарница» и автором одноименного журнала (1923–1927, №№1-18), совместно с Г. Гребенчиковым. Н. Рерихом, Р. ван Розеном и др.

Мандельштама типографии – в печать. Сегодня получил от Глеба Петровича письмо – наши письма разминулись. Он пишет, что статья его “уже на пути”, что она скоро уже будет готова и выслана. И прислал полученное от Терапиано стихотворение и дополнения к библиографии, чем и вызваны все указанные выше исправления.

Надеюсь, что скоро ВСЯ рукопись Мандельштама будет уже в типографии. Очень – заранее – благодарен за внесение нового стихотворения и библиографических и прочих изменений и дополнений.

Привет от меня и жены!

Преданный Вам Борис Филиппов

<53>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 13 декабря 1954 г.

13/XII/54

Вашигтон, 13 декабря.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Только что получил Ваше письмо от 10 декабря, уже внес найденное Вами и Ю.К.Терапиано стихотворение, внес “Зафну” (что касается “вигилий”, то они внесены уже очень, очень давно – года полтора назад, а “веселия” убраны в варианты), внес все исправления и замечания, послал их Чеховскому изд-ву, а Вам посылаю копию письма чеховцам. Ну, конечно, необходимо внести Терапиано и Терентьеву в состав благодаримых... Из прилагаемого письма Т.Г.Терентьевой увидите все вносимые исправления.

А вот насчет “пьяных”, а не “рьяных” уланов в “Царском Селе”, думаю, вы не правы: свидетельство Цветаевой давнее, по свежее еще памяти, и едва ли можно считать его “непроверенным показанием”. Я не из восторженных поклонников Марины, но свидетель она часто очень верный, с цепким и зорким глазом и превосходной памятью. “Зафну” принял, как видите.

Жаль, что увидимся не на Рождество, но рады мы все, что все-таки увидимся в конце января.

Если можно, пришлите и мне копию Вашей статьи. Когда держишь корректуру, важно иметь копию.

Все дополнения в библиографию – спасибо за них! – внес в текст дополнительного тома Мандельштама, который надеюсь издать в Вашингтоне после выхода Мандельштама основного. Библиография книг и статей О Мандельштаме в основной том не вмещается, только библиография мандельштамовских публикаций.

Из чеховского изд-ва пришла сегодня опять весточка – опять торопят со статьей. Ну, ничего, подождут! Авошь, успеем, не задержится издание...

*Привет от меня и жены Вам и Вашей жене. Крепко жму Вашу руку. Всего Вам хорошего, самого радостного в наступающем Новом Году!
Ваш, искренне Вам преданный Борис Филиппов*

<54>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 6 января 1955 г.

6/1/55

Вашингтон, 6 января 1955.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

С новым годом и наступающими Святками!

Очень обрадовало Ваше письмо, но и опечалило тем, что Вы не наверняка знаете – приедете или нет в Вашингтон. Но, будем надеяться, что приедете. Наша семья будет рада видеть Вас с женой у нас, в нашей книжной келье.

Очень неловко мне, что Вы решили сделать внутренний “перерасчет”...я, как Вы знаете, не думал о нем...

Накопилась кое-какая новая Мандельштамиана, но не посылаю ее Вам – надеюсь, что передам Вам ее лично.

Кое-что уже предпринимаю в отношении выяснения возможности выпуска дополнительного мандельштамовского томика – передам об этом тоже при личном свидании.

Еще раз поздравляю Вас и Вашу супругу и желаю Вам и семье Вашей радости, здоровья и успеха в наступившем году!

Искренне Ваш Борис Филиппов

<55>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 15 февраля 1955 г.

15/II/55

Отв.23/I/55

Вашингтон, 15 февраля 1955.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Очень рад получить Ваше письмо и Вашу открытку с дороги. Пишу Вам сейчас с работы, поэтому – простым письмом (нет под

руками воздушной марки). Спасибо за дополнение к библиографии. Скоро, думаю, пошлю Вам тоже кое какие дополнения к библиографии Мандельштама. Получил от Чеховского издательства два первых пакета гранок – всего 80 штук, примерно, процентов 65 книги. 60 гранок уже отправил назад, остальные отправлю дня через два. Ошибок немного. При посылке гранок обратно в изд-во, написал, чтобы обязательно высылали другой экземпляр Вам. Принимаю всюду почти ПОСЛЕДНЮЮ редакцию стихов, но ВСЁ буквально оговорено в примечаниях и разночтениях. В стих. “Царское Село” принял версию Марины Цветаевой – уланы не “рьяны, а “пьяны”, а печатный вариант (рьяны) – в разночтениях. В стих. “Тристан” – “вигилий городских”, а не “веселий”, хотя “веселия” – в более поздней публикации, оговоренной в разночтениях. В стих. “Батюшков” принята поправка Маркова – “Зафна”, а не “Дафна” журнальной (единственной!) публикации – в примечаниях и разночтениях.

Очень благодарен Вам, что зашли, жаль, что не могли мы познакомиться с Вашей супругой. Привет Вам и Вашей жене от нас всех. Самые лучшие пожелания!

Ваш Борис Филиппов.

<56>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 26 февраля 1955 г.

26/II/55

I/III/55

Вашингтон, 26 февраля 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Только что получил Ваше письмо от 23 февраля, когда уже ВСЕ гранки мандельштамовского текста (остались теперь только разночтения, примечания, библиография и алфавитный указатель, которые жду со дня на день) отправил выправленными назад, в изд-во. Я думаю, что лучше всего будет такой порядок согласования наших и Ваших правок: Вы присылаете свои гранки МНЕ; мне присылают для постраничной правки (второй корректуры, постраничной) мандельштамовские материалы, и я вношу в них те исправления, которые пропущены нами с женой, но замечены Вами. Сразу же, кстати,

скажу, что нами не только выправлено в моей вступительной статье написание “Литературная газета” на “Литературная Газета” (это написание и было в рукописи), но и унифицировано написание названий журналов в самом мандельштамовском тексте: в “Шуме времени” то “Русское Богатство”, то “Русское богатство”. Нами всюду поставлено “Русское Богатство”. При наборе наборщики нечаянно исправили – и верно – несколько опечаток в публикации мандельштамовских прозаических, опечаток, механически попавших и в мою рукопись. Вообще, набор хорош.

Что касается фактических исправлений текста Вашей статьи (вызванных, в частности, непомещением некоторых материалов в наше собрание), то они внесены мною в текст корректуры. С Татьяной Георгиевной была договоренность, что несколько фактических поправок могут быть внесены после набора. Если же Вы несколько изменили текст этих фактических поправок – и так они выглядят лучше, – нетрудно изменить текст при постраничной верстке.

Еще одно замечание: в “Египетской Марке” у Мандельштама в отдельных главках имеются “свободные строки” – воздух между некоторыми абзацами. При верстке в гранки этот “воздух” наборщики не приняли во внимание. Если его сейчас внести, набегают еще, примерно, три страницы, и мы не влезает в строгие рамки предоставленных нам страниц. Я не стал вносить в текст гранок этих пустых строк. Лучше дать больше мандельштамовских материалов. Думаю, что Осип Эмильевич нам простит эту вольность. Но если Вы против, внесем срочно эти поправки – после постраничной верстки будет поздно.

Итак, все 107 гранок текста (литературные статьи М. набраны петитом – только при этом условии помещается в один том столько материала) – уже в издательстве. Как раз сегодня, перед получением Вашего письма, отослал их.

Теперь – трудоемкая работа по вариантам и пр.

Привет Вам и Вашей жене от всей нашей семьи.

Всего доброго Ваш Борис Филиппов

К концу февраля, надо полагать, работа над первой корректурой была полностью завершена.

<57>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 4 марта 1955 г.

4/III/55

Отв. 9/III/55

Вашингтон, 4 марта 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Во-первых, большое спасибо за чек. Получил его только что, вместе с воздушным письмом – одновременно. Еще раз – большое, большое спасибо. Не нужно ли Вам прислать расписку – для нужд подоходного налога – в получении этих денег?

Теперь о “воздухе” в “Египетской марке”. Одновременно написал редакции-издательству, чтобы срочно сообщили в типографию о том, чтобы при постраничной верстке учли “пустые строки” там и так, как это показано в оригинале. Но пишу, чтобы ничего из книги не изымали – сожмемся в алфавитном указателе и в др. страницах.

Написал также, чтобы Ваши гранки переслали мне. На мою и жены постраничную корректуру можете положиться: Клюев сделан очень аккуратно. Вашу статью пусть перешлют к Вам. Думаю, что книга выйдет интересной и вмещающей очень много материала.

Вам с семьей сердечный привет и самые лучшие пожелания Вам и Вашей жене.

Искренне преданный Вам Борис Филиппов

<58>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 21 марта 1955 г.

21/III/55

Отв. 5/IV/55/

Вашингтон, 21 марта 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Простите долгое молчание. Но, во-первых, все я переслал в Чеховское изд-во, получил все Ваши гранки, а вот от чеховцев не имею следующей стадии корректуры – гранок с подразделением мате-

риала на страницы. А без этого нельзя ни дальнейших страниц ПЕРВОЙ корректуры ни делать, ни набирать даже – там нужны указания на страницы (библиографии), ни включить Ваших исправлений в текст.

Во-вторых, не мог писать Вам в силу личных обстоятельств: был занят переездом жены с дочкой обратно в Нью-Йорк: нашей Лиле климат вашингтонский оказался совсем не приемлем, жена получила опять работу а Объединенных Нациях, мы теперь начали новую жизнь – на два дома. Это трудно, тяжело, но пока что нужно потерпеть. Этот переезд осуществился только вчера, но подготовка к нему заняла все силы.

Привет от всей нашей семьи Вам и Вашей супруге. Самые лучшие пожелания!

Искренне Ваш Борис Филиппов

<59>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 12 апреля 1955 г.

12/IV/55

12 апреля 1955. Вашингтон.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогого Глеба Петровича с семьей поздравляет со Светлым Праздником семья ФИЛИППОВЫХ. Дай Вам Боже всего, всего самого светлого, радостного, хорошего!

До сих пор не получил корректуры, сверстанной постранично. Надеюсь, что скоро получу. Одновременно пишу Татьяне Георгиевне. Страницы Вашей статьи получите для окончательной корректуры Вы непосредственно из издательства. Кое-что новое имеется в библиографии Мандельштама. Скоро пришлю.

Всего, всего самого лучшего!

Искренне Ваш Борис Филиппов

И вот наступил решающий для издания 1955 год!

Г.С. дописал свою вступительную статью, и в середине февраля соредакторы получили первые гранки будущей книги!

Вторая корректура – постраничная – поступила в конце апреля.

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 4 мая 1955 г.

4/V/55

Отв. 7/V/55

Вашингтон, 4 мая 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Наконец дело с изданием Мандельштама приближается к концу. 30 апреля получил долгожданные страницы книги – корректуру постраничную. Прислали ли Вам – как было условлено – страницы Вашей вступительной статьи? Я их тоже получил. Внес почти все Ваши исправления в постраничную верстку. Те, которые не внес, оговариваю ниже. Только что закончил всю работу по корректированию – она заняла очень много времени. Но должен немного пожаловаться на Чеховское издательство: они так и сверстали книгу постранично, не внося “воздух” между абзацами, отделенными “воздухом” у Мандельштама – в “Египетской марке” и первой половине “Путешествия в Армению”. А я писал им об этом НЕСКОЛЬКО раз, и мне было сообщено, что типографии об этом сказано и она все сделает, что нужно. Сейчас я разметил на всех страницах – где сделать воздух, и на большинстве страниц это сделать можно безболезненно. Но две страницы – трудные... Настаиваю – чтобы сделали. Ваше примечание о “Смерти Бозо” необходимо вверстать, но так как в вариантах и разночтениях – увы, уже сверстанных и прямо постранично – оно не помещается, я вынес его в самый конец “Вариантов и разночтений”, с заголовком “Примечание к повести “Египетская марка”, указав соответствующую страницу и в оглавлении, в алфавитном указателе произведений. Простите, что пишу паршиво и безалаберно – третий час ночи, после полного рабочего дня пятая ночь без сна, с корректурой, сваливает с ног...

Теперь немного о некоторых исправлениях. Кстати, спасибо за выверку текста “Путешествия в Армению” – у меня не было возможности сверить его с журналом. Спасибо! Внес все замеченные Вами пропуски и исправления.

Стихотв. № 80. “ОБИЖЕННО УХОДЯТ НА ХОЛМЫ”

Строка 12. Набор: “И горький дым жилища и овин”.

Ваша корректурная полоса: “.....и овЧин”.

Это исправление я пока не внес по следующим соображениям:

1) Мне известна только одна публикация этого стихотворения – в 3-м

изд. “Камня”, 1923. И в этой книжке (она у меня имеется) – “овин”; 2) По смыслу стихотворения – внешнему – овцам едва ли нужен “горький дым овчин”, а овин требуется несомненно. Жду Вашего ответа – как Вы считаете? Гранки страничные пока задерживаю. Книга названа: Осип Мандельштам. Собрание сочинений. Под редакцией и со вступительными статьями проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова”. Так короче и проще. Не возражаете?

В “Путешествии в Армению”, гранка 92: “чувствованном” исправил на “чувственном” – Вы правы, это – явная опечатка в “Звезде”.

На той же гранке, 8-я строка снизу: “кому же” – вместо журнального “кому НЕ” – “же” – исправлено мною по смыслу – “не” – явная опечатка.

Гранка 93, строка 1-я. Нужен “роман”, а не “романе”, так и по смыслу, пожалуй, больше по-мандельштамовски. Считаю, что это не опечатка.

В начале главы “Алагез” вынужден был вставить явно пропущенное в “Звезде” слово “нравится”, ибо было явно нелепо: “оттого-то мне и...” Вы с этим исправлением, уже писали мне, согласны.

СТАТЬИ. Заголовок “Статьи из книги “О поэзии”” след бы необходимым сохранить, ибо мы и располагаем нами помещаемые статьи в порядке книги, и в дополнительном томе (А МЫ ЕГО ИЗДАДИМ, есть много данных, что это удастся) остальные статьи книги “О поэзии” будут помещены в порядке их расположения в книге. А что мы помещаем их в журнальной редакции – не беда: оговорено в примечаниях, даны книжные варианты и т.д. Хочется, кроме того, как-то отразить в нашем издании названия изданных Мандельштамом книг.

ВСЕ ИСПРАВЛЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ВАМИ В ТЕКСТ СТАТЕЙ ВНЕС, кроме изъятия имени Сологуба (в скобках) в статье “Мысли о поэзии”. Но уничтожил описку – СолЛогуб – и написал, чтобы имя это набрали разрядкой. Сологуба не ликвидировал, т.к. это очень характерная для Мандельштама деталька: к Сологубу он не раз возвращается...

Одновременно пишу Чеховскому изд-ву. Гранки пока задерживаю – жду Вашего ответа.

Привет Вам и Вашей жене от всей нашей семьи. Желаю Вам всего самого лучшего

Книга сверстана хорошо, выглядит очень неплохо.

На “воздухе” настаиваю всюю.

Искренне Ваш Борис Филиппов.

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 27 мая 1955 г.

27/V/55

Отв. 31/V/55.

Вашингтон, 27 мая 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо от 9 мая. Но было у меня эти недели много и дела, и всяческих передраг. Был недавно в Нью-Йорке и сделал окончательную корректуру Чеховцам. От них пошел прямо в типографию – выправлять положение. Дело в том, что чеховцы не передали типографии распоряжение внести “воздух” между строчками в “Египетской марке” и первой половине “Путешествия в Армению”, и типография сверстала уже ОКОНЧАТЕЛЬНО страницы – без этого воздуха. Мы сидели очень долго в типографии и смотрели – как быть, что можно сделать. На капитальную переверстку издательство не идет – это стоит больших денег. Кроме того, рушится тогда весь набор разночтений, ибо нарушается порядок и нумерация страниц и строк прозы. Сидели, выкраивали – во многих случаях нашли выход и внесли воздух. В других случаях типография обещала что-то изыскать. Все исправления внесены. А – вместе с тем – все это – вина чеховцев: распоряжение внести воздух по рукописи было дано и Вами и мною своевременно. Просто забыли сказать об этом типографии.

Прислали ли Вам корректуру постраничную Вашей статьи? Они тоже забыли это сделать, и я потребовал, чтобы послали, уже в Нью-Йорке. При мне и послали 16 мая. Теперь, надеюсь, все уже в типографии. Примечание о “Смерти Бозио” – в качестве “Примечания к “Египетской марке” включено в конце вариантов и разночтений, при этом пришлось сократить его на 2 строчки – книга набрана очень густо и раньше поместить было нельзя. В конце раздела “Прозы” оставалась одна пустая страница. Не хотелось оставлять ее пустой – так уместна книга, что такая страница была бы роскошью. Занять ее какой-либо статьей было нельзя – не было такой статьи, чтобы поместилась на одну страницу. Я занял ее “Приложением: письмом к Федору Сологубу”. Таким образом, еще один мандельштамовский ма-

териал поместился в книге. Простите, что не согласовал это с Вами, но надо было решать сразу, на месте. Думаю, что Вы не возражаете против такого использования пустой страницы.

Чеховцы (вернее, Татьяна Георгиевна и Вера Александровна) так и не ответили мне – сколько дадут нам авторских экземпляров. Ключева я получил от них всего 3 экземпляра. Дадут ли нам три экземпляра на двоих или по 3 экземпляра – мне так и не смогли ответить: это-де решается, увы, на самом верху, у американки...

Но я хлопочу о посылке авторских бесплатных экземпляров – мне это пока что обещано – Алексею Петровичу, Ло-Гатто, Терапиано.

Вот, пока что, и все новости.

Привет Вам и семье Вашей от всей нашей семьи. Храни Вас Боже!

Искренне Ваш Борис Филиппов

<62>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 4 июня 1955 г.

4/VI/55

4 июня 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Только что получил Ваше письмо от 31 мая и СПЕШУ ответить Вам на него.

Конечно, напишите 2-же Плант⁴⁴ о том, чтобы нам с Вами дали по крайней мере по 3 экземпляра авторских, да дополнительно напомните ей об экземплярах от издательства (так было и с Ключевым) для Алексея Петровича, Этторе Ло-Гатто, Терапиано и других, перечисленных в списке, находящемся у Т.Г. Терентьевой. Если у Вас с 2-жой Плант регулярные письменные сношения, такое письмо очень будет полезно.

Что касается ссылки на письмо в Вашей статье, то и в исправленном виде (когда письмо не вменялось в книгу, письмо к Сологубу) ссылка на него НЕ ПРОТИВОРЕЧИТ его нынешнему включению в книгу. Поместить что-либо иное было немислимо – только одна страница оставалась незанятой. Есть и еще одна пустая страница – в конце стихов. Но туда – по смыслу дела – вместить нельзя ничего...

Что слышно о возможности издать дополнительный томик Мандельштама? Пока что нового мало. Но надежды есть издать томик

⁴⁴ Сотрудница-американка из руководства Издательства им. Чехова.

у Камкина⁴⁵. Сейчас его не тороплю – он еще не раскачался на издательство, но дело понемногу подвигается.

Привет и самые лучшие пожелания!

Искренне Ваши Борис Филиппов.

<63>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 15 июля 1955 г.

15/VII/55

Отв. 18/VII/55.

Вашингтон, 15 июля 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

На днях получил Ваши две открытки, но не отвечал – все ждал ответа от чеховцев... Послал им уже очень давно окончательную корректуру Мандельштама и письмо, но от них – ни ответа. Ни приветта... Мне уже и писать им как-то неловко – так я надоел им. Может быть, Вы напишите Татьяне Георгиевне? Она мне не отвечает почему-то уже две или три недели на мое последнее письмо...

У меня тоже есть кое-какие добавления к библиографии Мандельштама – пошлю Вам на днях.

На лето никуда не уезжаю. Мой отпуск в сентябре, съезжу на неделю или две в Нью-Йорк – к жене и друзьям, – и это все.

Пока не вышел в свет Мандельштам чеховцев нельзя ничего предпринимать с изданием дополнительного тома. У меня мелькнула мысль – не подбить ли на издание этого тома Марью Самойловну Цетлину⁴⁶? Она любит слыть издателем... Как Вы полагаете? Правда, я у М.С. не был уже три года...

⁴⁵ Камкин Виктор Петрович (1902, СПб. – 1974, Вашингтон) – с 1923 г. русский эмигрант в Китае, где занимался русскоязычным книгоизданием и книготорговлей. С 1950 г. в США, с 1951 г. в Вашингтоне, где в 1953 открыл магазин русской книги. К издательской деятельности в США Камкин приступил только в 1959 г.: среди выпущенных им изданий – Собрание сочинений Н. С. Гумилева в 4 тт. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. К началу 1970-х гг. книгоиздательское и книготорговое предприятие “Victor Kamkin Inc.” стало одним из крупных и известных в мире.

⁴⁶ Цетлина Мария Самойловна (1882–1976) – дочь московского ювелира С. Тумаркина, первый брак – с Н. Авксентьевым (будущий министр Временного правительства), второй – с М. О. Цетлиным (1882–1945), поэтом (печатался под псевдонимом Амари), редактором отдела поэзии «Современных записок» (Париж), одним из основателей «Нового Журнала» и его первым главным редактором. В 1953–1958 гг. М. С.Цетлина издавала журнал «Опыты» (вышло 9 номеров), главными редакторами которого были Р. Гринберг и В. Пастухов, а с № 4 – Ю. Иваск.

Если будете писать Терапиано, спросите его – есть ли какая-нибудь публикация Клюева в тех номерах Гиперборея, которые у него имеются. Если есть, я хотел бы получить копию. Если это не трудно.

Сейчас у нас адова атмосфера: духотища, влажно, как в предбаннике... Ух! А приходится работать...

Привет от всей нашей семьи Вам и Вашей супруге.

Крепко жму Вашу руку. Искренне Ваш Борис Филиппов

<64>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 25 июля 1955 г.

25/VII/55

Вашингтон, 25 июля 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Пишу Вам с работы, поэтому простите за качество бумаги! До сих пор ни слуху ни духу от чеховцев... Что делать? Придется ждать... А пока что посылаю Вам дополнительную библиографию Мандельштама – если у Вас есть что-нибудь новенькое, сообщите. Будем не торопясь, исподволь подготавливать второй том. Посылаю и еще одно приложение – его, по-моему, можно поместить в приложениях ко 2-му тому, последним приложением: стихи Марины Цветаевой, посвященные Мандельштаму.

Кроме указанных в библиографии, есть еще статьи, вернее, рецензии, где имя Мандельштама упомянуто совсем вскользь. Помещать ли их в библиографии?

<...>

Привет Вам и всей Вашей семье от меня и моих.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Борис Филиппов

<65>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 31 июля 1955 г.

31/VII/55

Вашингтон, 31 июля 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Недавно послал Вам простой почтой список стихов Цветаевой (простите, не “список”, а копию) и библиографию Осипа Мандельштама. Сейчас еще одно маленькое добавление к ней: рассказ с эпиграфом из Ман-

дельштама, рассказ, являющийся при том как бы иллюстрацией к этим строчкам (“Мне не надо пропуска ночного...Часовых я не боюсь”...):

Георгий ИВАНОВ. Человек в одеяле. Рассказ. “Иллюстрированная Россия”, *Ном.49 (134), от 3 декабря 1927, стр.1.*

В прошлом письме не написал Вам – совсем заматался в те дни – что очень был бы рад получить фотостат “Актеона” Гумилева, напечатанного в “Гиперборее”. Деньги – чек – вышлю незамедлительно. Буду очень Вам благодарен. Попробую договариваться о втором томе – дополнительном – Мандельштама с Мюнхенским институтом⁴⁷, с Камкиным, м.б. с Цетлиной – надо будет везде попробовать.

От чеховцев ни слуху, ни духу. Если Мандельштам и выйдет, то в конце августа. То-есть выйти то он выйдет, но они чего-то тянут... Ведь он го-тов вполне уже чуть ли ни два месяца назад... Что делать? Подождем...

Вся наша семья шлет Вам и Вашей супруге самые лучшие пожелания.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне уважающий Вас Ваш Борис Филиппов.

3

МАНДЕЛЬШТАМ ВЫШЕЛ!

И вот в сентябре 1955 года – спустя три года после первых шагов на этом пути – долгожданный том Мандельштама, наконец, увидел свет!

⁴⁷ Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР существовал в 1950–1972 гг. как формально независимое – внепартийное и вненациональное – учреждение академического толка, как «свободная корпорация ученых, покинувших Советский Союз». Среди его учредителей – Н. А. Троицкий (псевдоним: Б. Яковлев), К. Ф. Штеппа, А. П. Филиппов, А. Г. Авторханов и др. Первым директором был Н. А. Троицкий – руководитель и организатор Союза борьбы за освобождение народов России (1947–1962), основатель Русской библиотеки в Мюнхене в 1949 (в 1955 г., в связи с реорганизацией Института американскими спецслужбами, Н. А. Троицкий ушел с поста директора). Институт участвовал в т. н. «Гарвардском проекте» по изучению психологического облика военной и послевоенной русской эмиграции. Занимался Институт и издательской деятельностью, в частности, выпускал периодические издания «Вестник Института» (1951–1960), «Бюллетень по вопросам общественно-политической жизни в СССР» и – спорадически – отдельные книжные издания. Именно под его маркой вышла монография И. Бушман – первая о Мандельштаме на русском языке.

Но следов свехрадости в переписке нет, как нет и взаимных, захлеб, поздравлений. Сквозь деланное равнодушие сквозит с трудом скрываемое раздражение в адрес издательства («Книга вышла, кажется, добротная, но ... обложка с безобразной “рямочкой” (без рамки обойтись, видимо, чеховцы не в состоянии)»). Б.Ф. немедленно переключается на продолжение обдумывания нового издания, перекрывающего только что вышедшее по составу и приближающегося к задуманному, а также нового издателя.

«Опыты» Р.Гринберга, «Посев», Институт по изучению СССР в Мюнхене, издательства В.П.Камкина в Вашингтоне, вовсе несуществующее издательство М.С.Цетлиной и т.д. – какие только варианты не прокручивались в его мозгу!..

<66>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 15 сентября 1955 г.

15/IX/55

Отв.22/IX/55

15 сентября 1955. Нью-Йорк.

Дорогой Глеб Петрович!

Набрасываю несколько слов буквально при выходе из Чеховского издательства: только что пришел из типографии Мандельштам. Алексею Петровичу, Этторе Ло-Гатто, Терапиано обещали послать от издательства экземпляры. В понедельник 19-го опять буду торопить их, а также торопить с посылкой экземпляров Вам (если не послали сегодня, как обещали).

Книга вышла, кажется, добротная, но... обложка с безобразной “рямочкой” (без рамки обойтись, видимо, чеховцы не в состоянии). Теперь начну форсировать дело с изданием дополнительного томика.

Провожу отпуск в Нью-Йорке – хожу по музеям и вижусь с друзьями.

Версии о том, что Мандельштам жив, не верны⁴⁸.

Жена сегодня отправила Вам письмо – сама пишет о себе.

Крепко жму Вашу руку.

Лучший привет и самые лучшие пожелания Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш Борис Филиппов

⁴⁸ См. ниже в специальной главе.

*О.Э.МАНДЕЛЬШТАМ. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Нью-Йорк:
издательство им. Чехова, 1955.*

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 5 октября 1955 г.

5/X/55

Отв. 9/X/55

5 октября 1955. Вашингтон

Дорогой Глеб Петрович!

Очень, очень рад, что Вы получили, наконец, Мандельштама. Увы, есть и еще опечатки: на стр. 27-й: “б(о)спомощных городовых”;

на стр. 399 – в библиографии: “Египетская Марка”⁴⁹ опубликована в Журнале “Звезда” в 1932 (нужно – 1933) году. Последняя опечатка обидная: сам в ней виноват: описался, не заметил, так и прошло...

Других опечаток пока не нашел. Но, все-таки, книга добротная. Будем сейчас стараться издать второй том. Начал хлопоты в Мюнхенском Институте – пока что исподволь

Послал книгу (Мандельштама) Кленовскому⁵⁰, обещают послать (может быть, уже послали) обязательно Алексею Петровичу, Ло-Гатто (?), Зарецкому⁵¹, Терапиано. Сегодня напишу в Чеховское – спрошу – послали ли? Думаю, что уже послали.» (Этторе Ло Гатто – профессор русской литературы)

Простите, что царапаю, как курица лапой, пишу лежа в кровати: восьмой уже день прикован к постели – очень болен, всякое движение для меня мучительно.

Одна большая просьба: Вы как-то писали мне, что можете для меня сделать лишний фотостат “Актеона” Гумилева (из “Гиперборея”). Очень был бы рад получить этот фотостат. Немедленно вышлю чек. Сейчас, как только поправлюсь, подберу материалы для 2-го тома Мандельштама. Нужно показать их людям, от которых многое зависит в Мюнхенском Институте. Поэтому, когда будет у Вас время, пришлите исправления и дополнения библиографии. Хочу показать товар лицом.

Ох, опять заболело все тело! Простите, что обрываю письмо.

Крепко жму Вашу руку. Привет Вашей супруге.

Ваш Борис Филиппов.

⁴⁹ Имеется в виду «Путешествие в Армению».

⁵⁰ Кленовский (Крачковский) Дмитрий Иосифович (1893–1976) – поэт. В 1942 г. вывезен в Австрию, с 1943 г. жил в Германии.

⁵¹ Зарецкий Николай Васильевич (1876–1959). Художник. В эмиграции с 1920 г. – Берлин, Прага; с 1951 г. жил в Париже.

Реакция на издание была бурной и разносторонней.

К рецензиям мы еще вернемся, а вот иной тип реакции: А.Ф.Керенский сообщил Г.С. о существовании стихотворения О.М., посвященного, согласно наиболее распространенной версии, именно ему, Керенскому.

<68>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 20 октября 1955 г.

20/X/55

Вашингтон, 20 октября 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Сейчас уже вторую неделю хожу на работу, и почти выздоровел. А потому начинаю понемногу толкать дело со второй книгой Мандельштама. Да, очень было бы интересно получить от А.Ф. Керенского неизвестное нам “обличительное” стихотворение Мандельштама. Я начинаю опять потихоньку поиски того, что не было нами найдено – пока, правда, ничего не нашел. Крайне неприятно, что моя описка с годом “Путешествия в Армению” не только прошла через все проверки, но и отразилась на одной из фраз Вашей статьи⁵². Бывает... Что касается других опечаток, то часть их, возможно, была сделана при окончательной верстке – это очень нередко бывает: исправляют в строчке замеченную опечатку, а для этого – линотип! – переливают, заново набирают всю строчку – И ПРИ ЭТОМ ДЕЛАЮТ ДРУГУЮ ОШИБКУ. У меня был опыт с Клюевым, но тогда я жил в Нью-Йорке и не выходил буквально из типографии. Думаю, что Лагранж – именно потому и попал, например: ведь ни вы, ни я в корректурах не заметили этого самого Лагранжа. Несколько слов о рецензии Бема, в которой “О природе слова” названа изданной в Петербурге, а не в Харькове. Это – легко объяснимая ошибка рецензента: на титульном листе вовсе нет указания на местонахождение издательства, а на обратной стороне страницы – Харьков, да и то очень незаметно...

⁵² Речь идет о неточности в дате выхода журнальной публикации (1932 год вместо 1933), закрывшейся в библиографическую справку, а из нее и во вступительную статью Г. Струве “О.Э. Мандельштам: Опыт биографии и критического комментария” (Мандельштам О. Собрание сочинений. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 13 и 399). См. выше.

<...>

Крепко жму Вам руку. Храни Вас Боже!

Искренне Ваш Борис Филиппов.

Думаю, что Хлебниковская цитата точнеешим образом перенесена в книги Мандельштама “О поэзии”. Сверял с книгой (у меня нет) не только я, а и жена (а она очень неплохой корректор).

<69>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 29 октября 1955 г.

29/X/55

Вашиггтон, 29 октября 1955. (11 часов утра)

Дорогой Глеб Петрович!

Только что получил Ваше письмо, и отвечаю незамедлительно: посылаю сейчас письмо в редакцию, присланное Вами, Вейнбауму и пишу Вам. Пошло прямо из почтового отделения, где и пишу сейчас, чтобы дошло скорее. Я не откликнулся сразу же на статью, т.к. опять всю эту неделю проболел: замучил артрит и прострел, рука до сих пор пишет и двигается с трудом. Ваша отповедь Завалишину очень хороша, с удовольствием ее подписал. Спокойная, не взволнованная пощечина. Так и надо.

<...>

Так мне сообщила жена. И все-таки, несмотря на ошибку с “Путешествием в Армению” и несколько опечаток, книга вышла добротной.

Сейчас привожу в порядок материал для дополнительного тома: есть кое-какие надежды протащить его в изд-ве Мюнхенского Института... Обещал помочь А.П.Филиппов⁵³. Это пока – наши с Вами “секрет” – институт не издает литературных книг, и если удастся протащить Мандельштама, это будет неплохо.

Большой привет Вам и Вашей супруге от всей нашей семьи!

Искренне Ваш Борис Филиппов

⁵³ Филиппов Александр Павлович – русский эмигрант, философ, психолог, сотрудник International Relief Organization (Международной организации по восстановлению). В 1950-х гг. член Совета Института по изучению СССР в Мюнхене, председатель Национального общественного комитета русской эмиграции, Центральной эмиграционной группы зоны США, глава немецкой секции Союза борьбы за свободу России.

<70>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 3 ноября 1955 г.

3/XI/55

Отв.6/XI/55.

3 ноября 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

Наши письма разошлись: я узнал не только от Татьяны Георгиевны, но и от жены, что книги по моему списку (а, следовательно Алексею Петровичу и Терапиано, и Этторе Ло-Гатто) посланы. Хорошо все-таки, что Вы написали Татьяне Георгиевне: они так затянули посылку книг, а я так им надоел своими напоминаниями, что еще одно письмо с напоминанием – и уже не моё, – очень полезно. Я написал Вам сразу же, но письма разошлись. Сейчас вовсю жду издателя 2-го тома – и помаленьку привожу том этот в порядок. Если удастся, хорошо будет снабдить томик Вашей и моей небольшими статьями о Манделъштаме. А ответное то письмо – на рецензию Завалишина – еще не опубликовано в “Н.Р.С.”! Поживем – увидим... Вообще, еще рецензий мало: я, по крайней мере, знаю только одну – Завалишинскую⁵⁴.

Есть кое-какие добавления к библиографии Манделъштама. Скоро пришло их.

Крепко жму Вашу руку.

Привет и самые лучшие пожелания Вам и Вашей жене.

Искренне Ваш Борис Филиппов

<71>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 17 ноября 1955 г.

17/XI/55

17 ноября 1955.

Дорогой Глеб Петрович!

<...>

С Манделъштамом дело не к спеху: изменился состав издательского комитета в Мюнхенском Институте, и надо начинать сначала...

⁵⁴ Завалишин В. Поэт сумерек культуры (Осип Манделъштам). // Новое Русское слово (Нью-Йорк). 1955. 23 окт. (см. ниже).

Но, надеюсь, где-нибудь мы второй томик подадим. Сейчас исподволь его перерабатываю, вернее, пересматриваю и проверяю.

<...>

Крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш Борис Филиппов

Основные рецензии и отклики вышли уже в 1956 году.

<72>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 11 января 1956 г.

11/I/56

11 января 1956.

Дорогой Глеб Петрович!

Во-первых, сообщаю дату моего рождения: 6 августа (нов. ст.) 1905.

Во-вторых, увы, мои переговоры с Мюнхенским Институтом окончились – относительно Мандельштама – ничем: люди, с которыми я вел переговоры (проф. Филиппов А.П.) не играют сейчас в издательстве Института прежней роли. Намекнул М.С.Цетлиной – нет еще ответа от нее. Будем зондировать почву в других местах...

Мои самые лучшие пожелания Вам и Вашей семье!

Крепко жму Вашу руку.

Искренне Вам преданный Борис Филиппов.

<73>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 22 апреля 1956 г.

22/IV/56

22 апреля 1956.

Отв. 12/V/56/

Дорогой Глеб Петрович!

Давно не имел (несколько месяцев!) от Вас вестей, пишу сейчас прямо на адрес Гектора Доминиковича⁵⁵. Во-первых, мы так и не условились о том – будете ли Вы вести переговоры с Мюнхенским Институтом – об издании 2-го тома Мандельштама (конечно, переговорить надо). Во-вторых, посылаю на Ваше усмотрение, дополнение (и, если считаете

⁵⁵ Этторе Ло Гатто.

нужным, изменение) ответную статью на хамскую рецензию Г.Иванова (ждал Вашего письма – и долго ее не писал, ответную статью).

<...>

Искренне преданный Вам Борис Филиппов

PS. На Ваше же решение:

Нужно ли отвечать Г.Иванову?

Если отвечать, то куда послать ответную статью?

Еще раз – привет и лучшие пожелания!

Ваш Филиппов

<74>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 17 мая 1956 г.

17/V/56

Вашингтон, 17 мая 1956.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Дорогой Глеб Петрович!

Очень рад был получить Ваше письмо. Получил его вчера, а сегодня переслал Вашу статью (гораздо, скажу я, ПО СУЩЕСТВУ более ядовитую, чем мой проект, несмотря на мои, справедливо изъятые Вами “шулерства” и пр.) с маленьким письмом Михаилу Михайловичу Карповичу – с просьбой поместить в “Новом Журнале”. Написал, что просим именно его, а не Р.Б.Гуля, который занял странную позицию по отношению к нам и нашему Мандельштаму.

Ваша книга о зарубежной литературе мне понравилась, но со многим я не согласен. Не согласен, в частности, со слишком высокой, на мой взгляд, оценкой Бунина, Сирина и некоторых “дии минорис” эмигрантской литературы. Не думаю, что зарубежная литература является мостиком между старой русской литературой и литературой будущей России (будем надеяться, что она БУДЕТ). Думаю, что культурная традиция в России трагически ПРЕВАЛАСЬ уже в тридцатых годах, вернее, в середине двадцатых, а эмигрантская литература не внесла НИЧЕГО или почти ничего такого, что могло бы сколько-нибудь компенсировать эту потерю. Верно ведь, ничего значительного не создано. Высоко расценили Вы и некоторых “новых” (я ведь не жалею ни старых, ни новых, ни новейших) – В.И.Алексеев⁵⁶

⁵⁶ Алексеев Василий Иванович (1906 – 2002), автор книги «Невидимая Россия», НЙ, 1952.

не интересен и как документ (о художественных достоинствах и говорить нет нужды): врет слишком много, в “России невидимой” – сплошь. Едва ли стоило его и упоминать. Максимов⁵⁷ – ухудшенное издание какого-нибудь Скитальца, помноженного на общие места советских середнячков. Правда, Вы справедливо указали, что расценили в эмиграции не по заслугам. Но книга Ваша интересна и – насколько это возможно для пишущего человека – объективна. Читал ее с большим интересом.

<...>

В Мюнхене, в Институте, поговорите, конечно, о втором томе Мандельштама: может быть, клонет... Хотелось бы издать его – сейчас сильно, между прочим, увеличилась библиография Мандельштама.

Привет и самые лучшие пожелания Вам с супругой и дочкой и многоуважаемому Алексею Петровичу от нашей семьи.

Искренне Ваш Борис Филиппов

<75>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 24 июня 1956 г.

24/VI/56

Вашингтон, 24 июня 1956.

Дорогой Глеб Петрович!

Только сегодня смог засесть за переписку – был в разъездах и хлопотах, а кроме того болел: шли камни из почек. Поэтому прощу извинения за запоздавший ответ на Ваши письма. Прежде всего – о Вашей книге. По-моему пока что о ней – заговор молчания. Мелкие околотературные сошки, которые угнездились сейчас около журналов и газет обижены Вами (Вы о них или просто умалчиваете, или говорите слишком объективно, не хвалите, или... приводите любопытные факты о сменовеховстве или советском патриотизме ряда литераторов). Все это не способствует, увы, тому, чтобы о книге говорили в печати – ее предпочитают ЗАМОЛЧАТЬ. Очень хотелось бы написать о Вашей книге, скажем, мне, но это, во-первых, неудобно, т.к. мы с Вами редактировали вместе Мандельштама, и это помнят, а, во-вторых, моего отзыва о Вашей книге все равно не опубликуют нигде, разве только в “Гранях”: я – чужак. Подробно напишу Вам о Вашей ценнейшей книге несколько позже – сейчас очень загружен работой, а хочу еще раз пе-

⁵⁷ Максимов (настоящая фамилия Пасхин) Сергей Сергеевич (1916—1967), прозаик.

речитать книгу. Заметил некоторые мелкие ошибки, такие, например, как дата рождения Иваска: 1896, тогда как он или 1906 или 1907 года рождения – он моложе меня⁵⁸, я это знаю от его одноклассников С.А.Левицкого⁵⁹ и др. Но все эти погрешности – пустяковые.

Немного о нашем ответе Г.Иванову (кстати 6-й книги “Опытов” я еще не видел). Я послал тотчас же Вашу версию ответа Карповичу, и он ответил длинным обиженным письмом. Он, мол, отнюдь не “конституционный” редактор, который только представляет, но не управляет, – он, мол, всегда распоряжается в “Новом Журнале”, и Гуль все согласовывает с ним. Так что письмо наше было бы напечатано, если бы мы его послали бы и через Гуля. Далее он предложил несколько незначительных сокращений и смягчений, на которые я согласился – они несущественны, и я храню всю переписку с Карповичем, чтобы не было недоразумений дальше: не слишком доверяю Гулю. Ответ будет помещен в 5-й (следующей) книге “Нового Журнала”. О книге Мандельштама: полагаю, что ее можно будет издать, если заручиться предварительной подпиской хотя бы 200 человек. Книга будет, примерно, в 250 страниц, и продавать ее придется по 2.50. Хорошо было бы как-нибудь – через посредников – выманить у Г.Иванова те стихи и шуточные импровизации Мандельштама, которые он помнит. И еще: мною составлен по ряду источников список альманахов и журналов, не найденных нами ранее, в которых опубликованы или могут быть опубликованы стихи Мандельштама и его статьи. Пересылаю Вам этот список. Может быть, если у Вас будет время, Вы справитесь в Британском Музее – нет ли там этих журналов, книг и альманахов. Заодно, если будет время и возможность, очень прошу Вас справиться и о нескольких журналах и альманахах со стихами Клюева. Это – если будет у Вас время. Посылаю Вам и чек на 3.50 и 0.75 – за Гумилевскую фотографию и [0].75 – старый книжный долг). Желаю Вам хорошо отдохнуть и набраться впечатлений, – все-таки Европа нам ближе и родней, чем Новый Свет. У меня очень вырос-

⁵⁸ Точная дата рождения Ю. П. Иваска не выяснена до сих пор. Наиболее признанной считается 1907 год.

⁵⁹ Левицкий Сергей Александрович (1908–1983) – русский философ и один из идеологов «солидаризма», ставшего идейной платформой НТС. Родился в Латвии, жил в Эстонии. После войны жил в том же лагере для перемещенных лиц в Менхегофе под Касселем, что и Филиппов. В 1949 эмигрировал в США, где до 1974 г. преподавал в Джорджтаунском университете.

ла библиография Мандельштама. Переищу Вам ее, когда вернетесь в Калифорнию. А не побываете ли Вы на обратном пути в Америку у нас, в Вашингтоне? Было бы очень хорошо.

Вся наша семья шлет Вам, дорогой Глеб Петрович, и Вашей супруге и дочурке самый, самый сердечный привет и самые лучшие пожелания здоровья, удачи во всем, радости.

Храни Вас Боже!

Искренне Ваш Борис Филиппов.

<76>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 8 июля 1956 г.

8/VII/56

8 июля 1956. Вашингтон

Дорогой Глеб Петрович!

Если бы нам удалось найти человек 150-200 подписчиков на второй (дополнительный) том Мандельштама (около 200 страниц), из расчета, примерно, 3 доллара, – можно было бы издать этот томик у В.П.Камкина. Он начал издавать книги, организовал издательство, но пока, конечно, стихи и прозу типа Мандельштама издавать ему (дотаций он не имеет, начинает дело на собственный счет, на свой страх и риск) весьма затруднительно. Но, во всяком случае, издать Мандельштама сейчас много больше шансов, чем раньше. Если бы нашлось 200 подписчиков, то цену можно было бы снизить до 2.50. Теперь еще маленькая новость: в книге К.Чуковского и А.Федорова “Искусство перевода”, Ленинград, 1930 (“Academia”) нашел отрывок из неизвестной нам статьи Мандельштама “Потоки халтуры”⁶⁰. Посылаю Вам этот отрывок. Статью еще не разыскал, хотя перерыл порядочно газет и журналов. Может быть, она была опубликована в «Вечерней Красной газете» в Ленинграде в 1928 или 29 г. газет и журналов.

Но этой газеты пока не нашел. Очень дополнилась и библиография. “Опытов”, 6 книги, все еще не видел – заматался последнее время, много работал и на службе, и дома, “для души”: подготовил и еще разок пересмотрел книжку своих рассказов и очерков – их “выпускает” Камкин.

Самые, самые лучшие пожелания и привет!

Искренне Ваш Борис Филиппов

⁶⁰ На самом деле – в «Известиях» за 7 апреля 1929 г.

<77>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 17 июля 1956 г.

17/VII/56
17 июля 1956.

Дорогой Глеб Петрович!

Получил Ваше письмо. Рад, что нашелся еще один (хотя и плохонький) Мандельштам. “Альманах Лир”⁶¹ у нас с Вами учтен и приведены в книге его разночтения с принятыми нами текстами. Возможностей издания 2-го тома у Камкина много: он издает и 2-й том прозы Цветаевой. Нужно только собрать по подписке немного денег. Поговорим об этом, напишу Вам подробнее уже в Калифорнию. Спасибо за справку о Клюеве. О статье в “Рабочем Мире” В.Львова-Рогачевского – не знал. Сборник “Красный Звон” использовал. Книгу В.Князева “Ржаные апостолы” знаю, читал в России еще, но здесь в Америке, не достал. В это воскресенье (15/VII), в “Новом Русском Слове”, видел первый отклик на Вашу книгу – статью Л.Камышникова “Писатели в изгнании”. Отзыв положительный, но написан не без сбивчивости и не без обиды: дескать, унижены Вами литераторо-газетчики литературо-газетчики, не упомянут А.Седых, “молодой талантливый писатель”, не упомянут ряд других литераторов, мимоходом только (в связи с Б.Пантелеймоновым) упомянут Л.Галич – и т.д. Знаю, что был отклик Ю.Терапиано в парижской “Русской Мысли”, но ее как-то не видел.

Привет Вам и Вашей жене от меня и моей семьи. Дай Вам Боже счастливого пути в Калифорнию!

Всего самого лучшего!

Искренне Ваш Борис Филиппов

<78>

М.М.Карпович – Б.А.Филиппову, 10 августа 1956 г.

10/VIII/56
10 августа 1956.

Многоуважаемый Борис Андреевич,

Давно уже мне следовало бы написать Вам, и только всякая суета, которой, к сожалению, слишком много в моей жизни, помешала мне это сделать.

⁶¹ По всей видимости, имеется в виду «Альманах муз» (Пг.: «Фелана», 1916), в котором были помещены три стихотворения О.М.

Мне надо было объяснить Вам еще до выхода книги Н.Ж., почему я в последнюю минуту решил внести еще некоторые смягчения в письмо Ваше и Глеба Петровича. Мне не хотелось бы, чтобы Вы и Г.П. обвинили меня в⁶².

Уже после нашей с Вами переписки Гуль показал мне письмо Иванова, который заблаговременно, предвидя возражения со стороны редакторов Собр.Соч. Мандельштама, просил непременно прислать ему текст возражения, чтобы он мог в том же номере на него ответить. Так как это общепринятый порядок, – не было оснований ему в этом отказать. Вместе с тем, предвидя с его стороны всякие “фигуритурные”, я не хотел давать ему лишнее для них основание. Тут я и внес дополнительные изменения в текст Вашего и Г.П. письма. Когда пришел ответ Иванова, я безжалостно выкинул из его текста многие “полемические красоты”, сообщив ему через Гуля об их неуместности – в особенности в виду корректного характера Вашего и Г.П. письма.

По-моему глубокому убеждению, ответ редакторов на статью Иванова от этого только выиграл. Думаю, что всякий непредубежденный читатель увидит, что ни на один пункт этого ответа Иванов по существу не ответил. Каждый пункт его письма включает в себе явную “диверсию”.

Думаю, что ни Вы ни Г.П. не должны были на меня за мои исправления сетовать. Вот об этом я и хотел Вам написать и еще раз прошу извинить меня за то, что я не написал Вам об этом своевременно.

Всего лучшего.

Искренно Ваш (подп.) М.Карпович

<79>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 15 августа 1956 г.

15/VIII/56

Вашигтон, 15 августа 1956.

Дорогой Глеб Петрович!

Пересылаю Вам не лишнее интереса (как курьез морального порядка) письмо Михаила Михайловича Карповича. Как он пишет в нем, он не только внес в наше письмо НЕСОГЛАСОВАННЫЕ ни с кем из нас дополнительные изменения и смягчения, но и счел нужным послать – еще до выхода в свет номера “Нового Журнала” – наше письмо “для озна-

⁶² Так в тексте.

комления и ответа” Георгию Иванову. Видите ли, “так принято”. Когда вышел номер “Нового Журнала”, я был поражен появлением ответа Г.Иванова сразу же вслед за нашим весьма обезличенным и более чем смягченным письмом. Таковы литературные нравы. НИЧЕГО ПОДОБНОГО Я НЕ ВСТРЕЧАЛ ДАЖЕ В СССР, уверяю Вас. Ну, да Бог с ними! И опять Г.Иванов приводит начало какого-то стихотворения Мандельштама из неизвестных нам номеров “Гиперборея”. Нельзя ли было бы разыскать его через Г.К.Терапиано? Накопилось у меня достаточно дополнений к библиографии Мандельштама. Еще немного просмотрю материалы – журналы и газеты – в Библиотеке Конгресса и в Нью-Йоркской Публичной Библиотеке, дополню библиографию еще и еще, и вышлю Вам. Камкин начал полегоньку-помаленьку небольшое издательство, я помогаю ему кое в чем, и есть шансы – и немалые! – издать нашего дополнительного Мандельштама. В сентябре я проведу больше трех недель в Нью-Йорке. Привет и лучшие пожелания Вам и Вашей супруге.

Искренне преданный Вам Борис Филиппов

<80>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 22 августа 1956 г.

22/VIII/56

22 августа 1956

Дорогой Глеб Петрович!

Может быть, я и не прав. Может быть, от смягчений в нашем тексте и от помещения “диверсионного” ответа Г.Иванова на наше письмо сразу же вслед за нашим письмом, наше возражение даже выиграло. Но мне уже очень поперек горла стала вся та подпочвенная грязь, которая стоит за всей этой ивановско-гулевской “критикой”, вернее, травлей нашего с Вами, что там ни говори, добросовестного труда. Главное, все это чрезвычайно прозрачно – и крайне некрасиво.

Ну, да Бог с ними!

Через неделю засяду за просмотр еще ряда газет и журналов, в которых ВОЗМОЖНЫ мандельштамовские публикации. Буду работать в Нью-Йорке.

Мой нью-йоркский адрес для 1-24 сентября: B.Filipoff c/o. Mrs.Olga Anstey, 230 Riverside Drive, Apt.15 J., New York 25,NY.

Привет и самые лучшие пожелания!

Искренне Ваш Борис Филиппов

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 10 октября 1956 г.

10/X/56

Отв.12/X/56/

Вашигтон 10 октября 1956.

Дорогой Глеб Петрович!

<...>

Немного о Мандельштаме. Я разыскал довольно много дополнительного материала для библиографии Мандельштама, разыскал и кое-какие публикации Мандельштама. Они на особом листке. Но самое главное, в тифлисском двухнедельном журнальчике “Пламя”, в первом номере – май 1923 г. – нашел превосходный перевод Мандельштамом отрывка из поэмы грузинского поэта Вазы (Важу) Пишавела. Посылаю его Вам. А вот шестой книги “Опытов” – с двумя рецензиями-статьками о нашем Мандельштаме (и неизвестным нам шуточным стихотворением Мандельштама в статье “А”) я не имею под руками. До Вашингтона шестая книжка не дошла, М.С.Цейтлина сейчас в Париже (и выписать книгу, следовательно, не у кого), в Н-И. Публичной Б-ке книжки 6-й еще нет, и я только мимоходом видел книжку у мало мне знакомых людей, ни прочитать, ни списать стихи и даже названия статей не смог. Если у Вас книжка имеется, пришлите мне пожалуйста, и названия статей, стр. номера “Опытов” и т.д. Не нашел также (был у кого-то на руках) “Еврейского Мира”, изданного в Нью-Йорке Союзом Русских Евреев, 1944. – 472 стр. Там, в статье Марка Слонима “Писатели-евреи в советской литературе” есть, как говорят, упоминание и о Мандельштаме. Хорошо бы установить это точно – на каких страницах и т.д. Нельзя ли попытаться через Ю.К.Терапиано, скажем, достать те стихотворения Мандельштама, нами не разысканные, которые приводит в своей рецензии и в своем ответе на наше письмо в редакцию Георгий Иванов? А, может быть, эти номера газет и журнальчиков первых месяцев революции и эти тетрадки “Гиперборея” имеются у кого-нибудь из парижан? Во всяком случае, собираясь выпустить – по подписке – второй том Мандельштама, мы бы хорошо его украсили находкой недостающих у нас стихов. Но это пока что – только пожелания...

Вся моя семья шлет Вам и Вашей жене самый, самый душевный привет и лучшие пожелания.

Искренне Ваш Борис Филиппов

<82>

Г.П.Струве – Б.А.Филиппову, 19 октября 1956 г.

19-X-56

Дорогой Борис Андреевич!

Вот Вам справка о двух заметках в «Опытах» и выписки из заметки А. (Адамовича). Между прочим, я только сейчас обратил внимание, что то, что А. говорит о «Реймсе и Кельне», не совсем сходится с тем, что писал Иванов, но объяснение мандельштамовского «но» выглядит у него весьма нелогично. Конечно, если это стихотворение не было напечатано, оно могло быть таким фрагментом. О том, что Иванов подиуттил над читателями «Аполлона», говоря об этом стихотворении в обзоре напечатанных военных стихов, мы, конечно, не могли догадаться. Но у меня и сейчас нет внутренней уверенности, что Иванов не врет. Адамович ничего не упоминает о том, что стихотворение не было напечатано⁶³.

Ваш Глеб Струве

<83>

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 24 октября 1956 г.

24/X/56

Отв. 17/XI/56/

24 октября 1956.

Дорогой Глеб Петрович!

Спасибо за присылку выписок из 6-й книги “Опытов”. Хорошо было напомнить А.Ф.Керенскому о присылке обещанных им стихов Мандельштама, обнаруженных в эсеровской газете 1917 года. Со своей стороны разослал всем своим знакомым (и рассылаю) список журналов, альманахов и пр., в которых опубликованы (или могли быть опубликованы) стихи и статьи Мандельштама. Прошу их, моих знакомых, поискать эти журналы и альманахи в библиотеках Парижа, Мюнхена и т.д. М.б., что-нибудь еще найдем.

⁶³ Г. Струве оказался совершенно прав: стихотворение «Реймс и Кельн» было напечатано практически одновременно в статье Г. Иванова «Военные стихи» («Аполлон», 1915, № 4-5, с. 85 – фрагмент) и в альманахе «Петроградские вечера» (1915, кн. 4, с. 13-16 – полностью). Автограф, под загл. «Реймский собор», без даты, имеется в архиве Ф. К. Сологуба (ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, ед. хр. 28, л. 1).

Показаниям Адамовича, так же, как и Г.Иванова, не очень-то доверяю... Что-то с "Реймсом и Кельном" не то. Но это все – прошлое.

Посылаю Вам библиографию книг и статей о Мандельштаме или с упоминанием о нем в том виде, в каком она была на вчерашний день. Если есть у Вас дополнения и исправления – пришлите.

Статья Гуля возмутила многих. А его явно-демагогические экивоки в сторону... сослуживцев по Американскому комитету (Эфер, Юрасов и др.) и некоторых ново-эмигрантских "деятели" совсем неприличны.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш Борис Филиппов

<84>

Г.П.Струве – Б.А.Филиппову, 19 ноября 1956 г.

19-XI-56

Дорогой Борис Андреевич!

Вот два стихотворения Мандельштама из эсеровской газеты «Воля народа»⁶⁴, которые я получил сегодня от А.Ф.Керенского. В сопроводительном письме А.Ф. пишет: «Текст и все знаки препинания – мной проверены. Переписал старой орфографией, как они появились в печати» (Моя копия – по новому правописанию). Не знаю, кто переписывал, но в присланной А.Ф. копии много поправок от руки – перестановок строк, исправленных знаков препинания – переписка явно была сделана небрежно (например, для второго стихотворения дата дана как «31 декабря 1919 г.» – явная ошибка, ибо никакая «Воля народа» тогда уже не выходила – А.Ф. эту ошибку не исправил), и я боюсь, что А.Ф. по своей почти полной слепоте (т.е. крайней близорукости) какие-нибудь ошибки проглядеть (например, я не уверен в «декабре» в пятой строке «Кассандры» – не должно ли тут быть «октябрь»? (а впрочем?...), особенно же в знаках препинания. Поэтому, когда дело дойдет до печатания второго тома Мандельштама, я постараюсь сам проверить эти тексты (для этого надо будет съездить в Гуверовскую Библиотеку).

Второе стихотворение нравится мне больше первого, но в обоих хороши только отдельные строки – в целом стихи, по-моему, темноваты и не очень удачны. Но для собрания сочинений М. это все же находка.

<...>

⁶⁴ Воля народа, Пг., 1917, 15 ноября. Второе стихотворение, – по всей видимости, «Кассандра», опубликованное в той же газете 31 декабря 1917 г.

Б.А.Филиппов – Г.П.Струве, 29 ноября 1956 г.

<29 нояб.>/56

Дорогой Глеб Петрович!

Пишу сегодня в перерыве на работе, поэтому пишу сбивчиво и кратко. Большое спасибо за присылку шуточных стихов Мандельштама (из письма Г.Иванова). Конечно, мы попросили разрешения их опубликовать, поблагодарили и т.д. Но пока что до выпуска второго тома времени еще много... Спасибо большое за отсылку 2 стихотворений, найденных Керенским. В “Кассандре” он не напутал: не «октябрь», а “декабрь”. Ведь первая строфа стихотворения нами опубликована в чеховском томе (№97, стр.90) – “Я не искал в чудесные мгновенья...” Остальные строфы Мандельштам не опубликовал в своих книгах, не только по художественным, но и по политическим соображениям. Оба стихотворения, независимо от их качества (есть в них, впрочем, очень мандельштамовские строки), – большая находка для нас.

Разослал целому ряду лиц перечень журналов, альманахов и книг, в которых опубликованы (или могли быть опубликованы) стихи и статьи Мандельштама. Кое-кто уже отослал ответ, увы, отрицательный: этих изданий в библиотеках, доступных этим лицам, не оказалось. Но, кажется, кое-что найдем еще в Финляндии.

Привет и самые лучшие пожелания!

Ваш Борис Филиппов

4

БЛАГОДАРНЫЕ ЧИТАТЕЛИ И «РЫЖИЕ МЕРЗАВЦЫ»: ОТКЛИКИ И ПИКИРОВКИ

Выход первой посмертного издания О.М. не остался не замеченным критикой. Ох, как не остался!..

Баталии, начавшись сразу же по выходе книги в октябре 1955 года, не утихали вплоть до сентября 1956 года.

Первыми – еще в 1955 году – отозвались В.Завалишин⁶⁵, В.Марков⁶⁶, Ю.Иваск⁶⁷, Г.Иванов⁶⁸, Ю.Терапиано⁶⁹ и А.Лурье⁷⁰. В 1956 году к ним присоединились Г.Адамович⁷¹ и Ю.Трубейской⁷², по второму а то и третьему разу выступили В.Завалишин⁷³, Ю.Иваск⁷⁴, В.Марков⁷⁵ и Г.Иванов⁷⁶ (дважды в дискуссии поучаствовали и сами Г.С. и Б.Ф.⁷⁷)

Самая первая из рецензий – завалишинская – вышла вышла 23 октября и оказалась доброжелательно-отрицательной. Правда, выход книги О.М. рецензент первым назвал праздником для любителей русской поэзии – как для эмиграции, так и для «той стороны». При полном отсутствии пропаганды, О.М., по Завалишину, – антикоммунистический поэт. Акмеизм он сравнил с деревянными лесами, необходимыми при строительстве, но не нужными после того, как здание уже построено. Вместе с тем Завалишин согласен с Г.Струве, что у позднего О.М. много общего и с футуризмом, но не согласен в другом и главном: Хлебников шел к этому от зауми, а О.М. – от того, что *«видит жизнь глазом умирающего соловья, смотрит на нее мутным, затуманенным глазом подстреленной птицы»*. Земной мир для него – «взорванный, гибнущий, превращенный страданием и страхом в груды хаотических обломков». Русское и западное, по Завалишину, – суть два полюса поэзии О.М. «Незыблемую скалой» ценностей является для него культура. *«Поздний Манделъштам – поэт сумерек и сумерек культуры»*. О самой книге Завалишин отозвался так: *«Редакторы сделали все, что в их силах и все, что возможно в условиях эмиграции»*.

⁶⁵ Завалишин В. Поэт сумерек культуры (Осип Манделъштам) // НРС. 1955. 23 окт.

⁶⁶ Марков В. Et ego in Arcadia .. // НЖ. 1955. № 42. С.174.

⁶⁷ Иваск Ю. Записки читателя // Опыты. 1955. № 4. С.9.

⁶⁸ Иванов Г. Осип Манделъштам // НЖ. 1955. № 43. С. 273—284.

⁶⁹ Терапиано Ю. Осип Манделъштам // РМ. 1955. 19 нояб.

⁷⁰ Лурье А. О книге Манделъштама // НРС. 1955. 4 дек.

⁷¹ А[дамович, Г.]. По поводу собрания сочинений Осипа Манделъштама // Опыты 1956. № 6. С.92—94.

⁷² Из литературного дневника // НРС. 1956. 10 июня.

⁷³ Письмо в редакцию // НРС. 1956. 9 нояб.

⁷⁴ О Манделъштам. Собрание сочинений. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. 1955. /Рец./ Оп, № 6, 1956, стр. 89—92; О. Манделъштам. Собр. соч. 1955. /Рец./ // Вестник Института по изучению СССР. 1956. № 2/19. С. 127—130.

⁷⁵ Первое собрание Манделъштама. /Рец./ // Грани. 1956. № 30. С. 190—192.

⁷⁶ Ответ гг. Струве и Филиппову // НЖ. 1956. № 45. С.301—304.

⁷⁷ Еще о сочинениях Манделъштама. Письмо в редакцию // НРС. 1955. 24 нояб.; О рецензии Г. Иванова на собрание сочинений О. Манделъштама // НЖ. 1956. № 45. С.296—300.

Завалишин указывал редакторам на допущенный ими, в его глазах, существенный «промах»: они не включили в том прозу О.М. «Смерть Борджиа»⁷⁸. Оспаривает он и тезис Г.Струве о том, что «Шум времени» не имеет аналогов в русской литературе. В качестве такого аналога он называет «Мои литературные и нравственные скитальчества» А.Григорьева. А вот «Египетская марка» – это, по Завалишину, образец русского сюрреализма.

Эта, – в сущности доброжелательная – рецензия Завалишина неожиданно встретила со стороны Струве и Филиппова ожесточенный и какой-то неадекватный отпор⁷⁹. Мол, не учи нас «элементарным принципам текстологии»: неопубликованных и, может быть, даже ненаписанные произведения О.М. нечего и искать в его «Избранном», как нечего искать и следов изучения «рукописного наследия»: *«Все невключенное отброшено нами по независящим от нас причинам и тщательно оговорено»*

9 ноября «Новое русское слово» опубликовала первое «Письмо в редакцию» Струве и Филиппова и одновременно ответ на него Завалишина. Признав свой ляп с «Повестью Борджиа», он почему-то решил лягнуть Струве и Филиппова за то, что отсутствие этого фантома – и есть признак неполноты корпуса художественной прозы О.М., что, в свою очередь, противоречит вступительной статье. *«В моем распоряжении, например, отмеченные советской печатью данные о поэме Мандельштама “Вий”»* (о чем Завалишин обещал написать в будущем отдельную заметку, но так и не собрался). Под конец он пнул редакторов еще и за то, что они не имеют доступа к архивам КГБ!

Эту полемику спустя чуть ли не год Струве попомнил Роман Гуль, рецензировавший в «Новом русском слове» его книгу «Русская литература в изгнании». Перечисляя «лакуны» обзора, то есть тех, кого в книге почему-то нет, он не преминул уколоть автора и Завалишиным, связав этот факт с полемикой с ним на страницах той же газеты.⁸⁰

⁷⁸ Основанием для этого послужили соответствующие анонсы, несколько раз публиковавшиеся в «Звезде». В результате анонсированная повесить вышла под названием «Египетская марка», а Завалишин едва не породил второго «Поручика Кижэ».

⁷⁹ Ответов было аж целых два: Г.Струве, Б.Филиппов. Письмо в редакцию. // НРС. 1955. 9 ноября; Г.Струве, Б.Филиппов. Еще о сочинениях Мандельштама. Письмо в редакцию. // НРС. 1955. 24 ноября.

⁸⁰ Гуль Р. О книге Глеба Струве [Рец. На: Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт литературного обзора зарубежной литературы. Н.-Й.: Изд-во им. Чехова, 1956] // НРС. 1956. 23 сент. С.8.

19 ноября в Париже вышел еще один отклик на мандельштамовское собрание сочинений – статья Юрия Терапиано «Осип Мандельштам». Отклик, впрочем, довольно странный: затрагивая широчайший круг вопросов о таинстве поэзии О.М., о самом издании, явно подтолкнувшим его к написанию статьи, Ю.Терапиано не проронил ни звука!..

Подлинный ответ на критику Завалишина дали все же не Струве с Филипповым, а Артур Лурье. Причем отвечал он критику не на ругательную, а на положительную часть его отзыва. Приведем полностью этот замечательный текст:

«В литературном отчаянии, давно овладевшим читателем, порою наступает и просвет. Выход собрания сочинений О.Мандельштама следует отнести к разряду первостепенных событий в русской литературной жизни

Между тем событие это прошло почти незамеченным; среди всеобщего оупения мало кто отзывается и на добро, и на зло. Нет также такой авторитетной критики, имеющей право оценить явление такого калибра. На книгу эту появился один лишь отзыв, причем Мандельштам был охарактеризован как «поэт сумерек культуры». Почему? Творчество Мандельштама складывалось в блистательный период расцвета петербургской культуры; стало общим местом цитировать Н.А.Бердяева, определившего этот период как русский Ренессанс. И если Мандельштам олицетворяет «сумерки», то после них наступила беспросветная ночь (оставляя в стороне парижскую группу писателей и поэтов).

В книге Мандельштама поражает новая античная форма, осуществленная путем огромного внутреннего опыта преодолений. Мандельштам – это последняя классическая роза русской поэзии; явление Мандельштама почти аналогично явлению Лотреамона и Рэмбо в литературе французской. Так же, если подлинному искусству свойственна пророческая сила, то созданное Мандельштамом принадлежит именно к категории пророческого в искусстве.

Личная судьба поэта ужасна, но она, надеюсь, защитит его творчество от провинциальных суждений о «понятном» и «непонятном», суждений, неизменно отбрасывающих русское искусство на задворки европейской культуры. Пресловутый Царевококшайск стал в наши дни ценителем «прекрасной ясности», тогда как в Европе вопрос о «понятном» и «непонятном» в искусстве не входит в категорию спо-

ров со времен Бодлэра. Никому из французов не придет в голову сумасшедшая мысль вопрошать друг друга о «непонятности» Маллармэ, а англичане не упрекнули в «непонятности» Дилана Томаса, поэта, который, как это ни странно, перекликается с Мандельштамом на расстоянии тридцати лет.

Как близкий друг покойного Осипа Эмильевича, я считаю своим долгом принести благодарность редакторам сочинений Мандельштама Глебу Струве и Борису Филиппову за драгоценный подарок»⁸¹

Насколько же прав был Артур Лурье!

Все штатные критики оказались настолько поглощенными междоусобицами и «политикой», что главного – чуда мандельштамовской поэзии – почти и не заметили!..

В этом недружном хоре совершенно особняком звучит один недружелюбный и неожиданно истошный голос – соло Георгия Иванова (за регентским пультом – секретарь редакции «Нового журнала» Роман Гуль). Каждое слово ивановских рецензий, не говоря уже об их переписке, так и пышет яростью и ненавистью к «рыжим мерзавцам» – Глебу Струве и Борису Филиппову⁸². Дуэт редакторов-составителей подвергся этим тандемом солиста и регента даже не критике, а буквальному поношению⁸³.

Для начала мэтр обвинил их в сочетании безаргументированности утверждений с беспепелляционностью оценок и доктринерской важностью тона и, тем самым, – в неуважении к читателю.

Следующий удар – по форме, точнее, по типу издания, с очевидностью ориентированного на научно-академический тип а ля «Библиотека поэта» или «Литературные памятники». Иванов пишет: «Сочине-

⁸¹ Лурье А. О книге Мандельштама // НРС. 1955. 4 дек. С.8.

⁸² Рецензия Г. И., ответ на нее Г.С. и Б.Ф., а также ответ Г.И. на этот ответ вынесены нами в отдельное Приложение. Тексты Г. Иванова опубликованы в его трехтомнике (Иванов Г. Собрание сочинений в трех томах. Т.3: Мемуары. Литературная критика. М., 194. С.615-633), но здесь они необходимы для реконструкции главной оси всего полемического контекста.

⁸³ По поводу своей рецензии Г.Иванов писал 3.2.1956 В.Маркову: «Вы прочтите в этом № Нового Журнала мою заметку о Мандельштаме. А писал я еще, считаясь с местом, в «любезно-объективных» тонах. В Числах бы не так написал» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955-58. Mit einer Einleitung von Hans Rothe. // Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Hrsg. von Gutschmidt, K., Harder, H.-B., Rithe, H.Ö Köln. Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1994. S.16 Письмо от 3.2.1956).

ния Осипа Мандельштама» — издание типа почти не существовавшего в дореволюционной России или в старой эмиграции. Подобное «научное оформление» занесено к нам из СССР. В принципе такие издания следует приветствовать. Но разумеется при том условии, если они удовлетворительны. Редакторы «Сочинений О. Мандельштама» жалуется, что «за недостатком места» им многого не удалось вместить. Возможно. Но признаюсь, после ознакомления с произведенной ими работой эта жалоба не вызывает сочувствия. В канцелярски перенумерованных «материалах по Мандельштаму» действительно собрано с академической кропотливостью множество сведений, справок, указаний. Но с одной стороны процент несущественного — а подчас и недостоверного — среди них «достаточно высок». С другой — редакторы сплошь и рядом просто не знают многого, что им следовало бы знать и что как раз интересно узнать о Мандельштаме читателю». После чего Георгий Владимирович, не моргнув, сообщает сведения, рекордные по своей недостоверности, а именно о липовой «дочке» О.М. «Липочке».

Куда более выверены и точны ивановские удары по составительской концепции Г.С. и Б.Ф.: чем варианты и собственные комментарии предпочтительнее первоклассных текстов О.М., не включенных в собрание (в частности, четырех статей из сборника «О поэзии»)? Интуитивно Иванов нащупал и другие промахи издания, в частности, несостоявшуюся публикацию под именем О.М. гумилевских переводов из Ф.Вийона.

В итоге — ни одного доброго слова для первого посмертного мандельштамовского однотомника!

Пора уже сказать о «предыстории» написания и появления рецензии Г.Иванова в «Новом журнале». Ее единоличным и настойчивым инициатором — по сути, «заказчиком» — был Роман Борисович Гуль. Еще 28 февраля 1955 года, то есть за полгода с лишним до выхода книги О.М.(!), он начал «угovarивать» Г.Иванова:

«Теперь две строки всерьез: выходит Мандельштам, хотите написать о нем? Но только без неправды. Если Вы не обманете нас, а напишете, то я Вам тогда пошлю. А не напишете, так и не просите. Думаю, что о Мандельштаме Вам все книги в руки. Это было бы очень интересно. Но ведь беда-то в том, что Вы неверный человек»⁸⁴.

10 марта Г.Иванов так отозвался на это предложение: *«Теперь — о Мандельштаме — я с наслаждением напишу. Не подведу. Ручаюсь*

⁸⁴ Тройственный союз. С.178.

даже за досрочное перевыполнение плана, если пришлете авионом. Можете на этот раз мне поверить»⁸⁵

Из письма от 15 июня 1955 года ясно видно, как дополнительно раззадорил Иванова на это Сергей Маковский со своими воспоминаниями «Портреты современников»⁸⁶:

«И все он, т. е. Маковский, врет – он на первых порах презрительно отзывался об Анненском, а Мандельштама – «такого грязного жиденка» – просто не хотел брать. Просто палками Гумилев и Лозинский заставили его напечатать

*Имею тело: что мне делать с ним
Таким единым и таким <моим>
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло»⁸⁷*

15 октября 1955 года, когда томик Мандельштама уже вышел, Р.Гуль переспрашивает для верности еще раз: «Еще напишите: клянетесь ли Вы дать рецензию о Мандельштаме к декабр. номеру – тогда вышлю тут же. Но без ши-ши, а всерьез – мы должны рассчитывать твердо»⁸⁸.

На что Г.Иванов резонно заметил Гулю, что не худо бы и книгу прислать. Гуль сразу же и отправил книгу, а в письме от 28 октября начал настраивать (а точнее – науськивать!) мэтра на «нужную волну»: «Мандельштам к Вам ушел уже несколько дней тому назад. Скоро получите. Простите, что я, читая, кое-что отмечал (чертил) карандашом – такая уж скверная привычка. Кстати, эти два обалдуя – Струве и Филиппов – собрали все, что могли (хотя Завалишин отметил в «Н<овом> р<усском> с<лове>», что кое-чего существенного они не взяли), но, на мой взгляд, они сделали не книгу стихов – а «справочник по Мандельштаму», все стихи занумерованы, что на мой вкус просто ужасающе, все эти разночтения, сноски, и пр. Одним словом, это не живая, не живущая книга – (а стихи именно так и существуют только), а какие-то выходящие и входящие. Но это вполне во вкусе – «рыжего мерзавца» (выраж<ение> Бунина) Струве⁸⁹ и этого стоеросового Филиппова, кот<орый>, кстати, болен манией ругани и шпилек по ад-

⁸⁵ Тройственный союз С.181.

⁸⁶ Вышли в Нью-Йорке в изд-ве им. Чехова в 1955 г.

⁸⁷ Тройственный союз С.202.

⁸⁸ Тройственный союз С.258.

⁸⁹ В письме к Н. А. Тэффи от 16 февраля 1948 г. Бунин пишет все же иначе, а именно о нежелании «лезть в компанию <...> рыжего болвана Глебки Струве» (Диаспора. Вып. II. СПб., 2001, С. 573).

ресу всех – и в своем Клюеве – насаждал и Вам всяких. Таких, что, думаю, прославлять этих «бестиев» не стоит, а, м. б., даже и наоборот. Струве, напр<имер>, с необыкновенной элегантностью пишет в Мандельштам: «если верить Иванову...». Я эту тупицу и пошляка (тоже стихи пишет!) терпеть не могу – герр профессор – бездарен, как пуп, и необыкновенно высокопоставленный тон обо всем. Итак, послано»⁹⁰

14 ноября книга уже в руках у Г.Иванова. В датированном этим днем письме Гулю он не скрывает ни своей любви к Мандельштаму, ни ненависти к его издателям («рыжим мерзавцем» у него стал уже и Филиппов):

«...Получил Мандельштама с Вашими пометками и не могу удержаться. Дорогая душка, какая Вы умница и свой человек! Все в самую точку – и где восхитителен Мандельштам и где тошнит от глубокомысленной «научности» обоих «рыжих мерзавцев». Эх, сволочь! Оба – не знаю, кто тупее. Филиппову все-таки хоть извинение «ще молода детина», всего десять годочков, как заделался «тонким эстетом» – диаматом еще разит, как шуба нафталином. И, думаю, безнадежно – не выветрить никогда. Ибо если выветрится, то что же останется?»

Сдержу, насколько сумею, свое перо, чтобы не терять достоинства, к которому обязывает место, т. е. страницы Нов. Журнала. Были бы какие «Числа» или другой хулиганствующий орган, да были бы у меня нетрудовые доходы из Риги, как до Второй мировой войны, я бы их обмердова!⁹¹ Но времена не те. Буду писать академически – тонко. Напишу, вероятно, быстро – убедитесь. Напишу, увы! С грустью. Не беда, что Мандельштам подан со всей роскошью безобразия внешнего и внутреннего – одна нумерация стихов чего стоит! Беда и грусть – что все поразительное, почти целиком, исчерпывается «Камнем» – «Тристия». Дальше – крушение. И не советский быт тому причина. Ну, об этом я поговорю в статейке»⁹²

Это суждение развивается в рецензии: «Творчество Мандельштама после “Tristia” из года в год, как со ступеньки на ступеньку, неизменно понижается... 1923 годом еще помечен ряд замечательных стихотворений. Мандельштам на перепутьи. Он пишет то акмеистический “Век”, то его антипода, абстрактную “Грифельную оду”. <...> Но и там и тут безошибочное блестящее мастерство говорит само за себя»⁹³.

⁹⁰ Тройственный союз С.274-275

⁹¹ Это очевидный неологизм Иванова, калькирующий французский глагол *em-merder* с корнем «merde» – «дерьмо».

⁹² Тройственный союз С.282

⁹³ НЖ. 1955, кн. 43. С. 277.

Причины «нисхождения» поэта объяснены так: *«Мандельштама физически уничтожила советская власть. Но все же он вышел на большую литературную дорогу одновременно с укреплением этой власти. <...> “Героика” взятия Зимнего дворца и всевозможных планетарных планов сливалась в одно с торжеством кубизма и футуризма. От Мандельштама, ставшего в этой атмосфере одним из учителей поэзии, его новая аудитория, естественно, ждала революционного искусства. Ждала как раз того, что Мандельштам, прирожденный классик, органически не мог дать. Это было плохо. Еще гораздо хуже было то, что это неисполнимое требование к своей поэзии со все возрастающим упорством стал проявлять он сам. <...> Мандельштам – это видно из каждой его строчки – как был, так и остался целомудренно честен в творчестве. Обманывать он и не хотел и органически не был способен. Зато со все возрастающей энергией упорства он старался обмануться сам»⁹⁴*

«Петербургского» Мандельштама Г. И. ценил прежде всего, твердо предпочитая его ранние стихи поздним: *«Творческую смерть, приближающуюся к нему в советской Москве, он как бы заклинает именем бывшего нашего Петербурга, где им были созданы самые просветленные, самые чудесные стихи»⁹⁵.*

Безошибочно определяя авторство Мандельштама уже в поздние годы, в эмиграции, куда доходили неавторизованные списки его стихов (например, «За гремучую доблесть грядущих веков...»), Г. И. писал С. К. Маковскому в 1955 году: *«По моему твердому убеждению, это стихотворение отнюдь не “приписывалось”, а очень мандельштамовское (хотя и слабое, но характерное его)».* И тут же обобщал: *«И мне кажется, я прав – лучший Мандельштам – это нашего времени, а потом все было хуже и хуже...»⁹⁶*

17 ноября 1955 года Гуль пишет и, как бы потирая руки, торопит: *«О Мандельштаме очень буду ждать, хочется все это запустить в дек. книгу, а с этим надо все-таки торопиться. Насчет «рыжых» – чудесно сказали, в особенности про шубу из диамат-нафталина»⁹⁷*

Гуль продолжает, и становится ясно, в кого он теперь целит: уже не в «рыжих мерзавцев» – нет. Главная цель теперь – сам Мандель-

⁹⁴ Там же. С. 278, 279–280.

⁹⁵ О стихотворении «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» (Там же. С. 280).

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 243. Л. 5–6.

⁹⁷ Тройственный союз С.289.

штам, его стихи: *«А за стихами Мандельштама – пусто-то-та. Такое ощущение, будто вся его поэзия состоит из откуда-то украденных замечательных строк и строф. Не его. И ничьи. Но чьи-то – «краденые строки» – «краденые стихи». А поэта-человека – нетути. Вот на мое ухо, на мой слух – как я воспринимаю эту поэзию. Согласны? Почувствовали, что я хочу сказать?»*

Но «киллер» не спешит, и 29 ноября «заказчик», весь изведшийся, напоминает в очередной раз: *«Дорогой Георгий Владимирович, что же это такое? Все имеет свои границы, а Вы с нами поступаете безгранично. Обещаете – не присылаете. Но поймите, что в нашей редакционной работе это крайне затрудняет. Я жду от Вас рецензий об Адамовиче и Мандельштаме. Их нет как нет. Я же пытаюсь для них задержать место в книге, которая уже верстается. Прошу Вас ответить обратной почтой, будут они или не будут»*⁹⁸

Где-то в декабре Иванов, наконец, выполнил заказ и прислал искомое в журнал. Более того, его текст попал-таки в декабрьский номер, но тут уже Гуль, всерьез рассерженный таким графиком, не подавал никаких весточек. Тогда Г.Иванов, прекрасно чуя ситуацию, сам ему написал (17 января 1956 года):

«До чего дошло дело – даже о том, что мои рецензии попали в эту книжку, я узнал, сперва из письма М. М. Карповича, а потом из объявления. А от «нашего Гуля» – хоть бы плевков par avion.

*Между прочим, Карпович написал мне, что знал Мандельштама подростком в Париже. Это чрезвычайно интересно: никто, каков он был в 16 лет, не знал. Сделайте доброе дело: по<d>бейте М. М., чтобы он об этом рассказал печатно, хоть на двух страничках. Это будет настоящий «вклад» в историю русской поэзии и заслуга для Нового Журнала. А то перемрем мы все – и будут наши потомки «изучать» биографию такого чудного поэта по вранью разных Маковских и рыжих мерзавцев...»*⁹⁹

Первоначального текста Г. Иванова в бумагах Гуля, увы, нет. А.Арьев резонно полагает, что скорее всего правка велась прямо по присланному рукописному экземпляру, каковой потом был просто выброшен как ненужный, неудобочитаемый или, возможно, нежелательный. (С Карповичем эту тему Г. Иванов, кстати, не обсуждал: все переговоры по поводу публикации велись через Гуля).

⁹⁸ Тройственный союз С.295

⁹⁹ Тройственный союз С.307.

Фактически рецензия – нет, статья – Г.Иванова вышла в январе 1956 года. Струве и Филиппов, как и предполагал Гуль, отреагировали на нее гневной отповедью, вышедшей, как того Гуль и хотел, вместе с ответом Г.Иванова¹⁰⁰.

Тут уж Гуль отозвался немедленно. Уже 21 января 1956 года он запечатывал свой ответ:

«...Если Вы потеряли на статье о Мандельштаме – год жизни, то шесть месяцев сбросьте с моей – из-за трудов, которые я принял на себя по получении Вашего элегантного манускрипта, переписанного в четыре руки, с пропуском слов, фраз, с таким почерком – что глазной врач бы сам не разобрал ни хрена. Это была катастрофа. Но это еще не все – Вы все-таки взяли тона на три выше, чем в НЖ полагается, и мне надо было эти три тона изгнать для того, чтобы Ваша статья вообще могла появиться в нашем академическом издании. Это тоже была возня здоровая. А ведь времени-то не было – звонок звонил, не умолкал, пока я брюки надевал – весь номер уж печатался – так видите же Вы теперь, каким «сизифовым» трудом я доказал Вам свою безумную дружбу. Сизиф тут, конечно, не при чем. Но одним словом – «не дуйтесь, душка» – как говорит мой один приятель. Итак, далее, далее. Знаменитая статья вызывает все еще отклики потрясенной публики: во-первых, Степун писал (я Вам об этом писал или нет?), что статья замечательная и ставит остро вопрос о любви-ненависти к России у Г. Иванова, Блока, Белого. Видите до каких профессорских изысканий я поднял Вас. Это – не фунт изюму, эта самая любовь-ненависть. Далее. Получил от Старовой-Таубер – оч. восторженный отзыв, от Горской, тут подходил ко мне и изливался такой Тартак (его называют тартак твою мать!), потом всякие еще письма были – уж забыл – не помню, «когда это было». Знаю, что Вы одержали гуманистическую допomoгу от М. М. Очень рад. Стало быть – процветаете – поездочки, прогулочки – по узенькой по улочке. У Вас сейчас, наверное, в Вашем Варе чертовски хорошо. У нас – зима – шалун уж обморозил пальчик – и вообще очень прекрасно у нас зимой. Жалею, что из Вашей статьи в последнюю минуту кое-что пришлось удалить – из-за дип. соображений. М. М. мне сказал и так, что от Струве будет, конечно, «письмо в редакцию». Я тогда постараюсь его прислать Вам, чтобы в случае надобности Вы одновременно ответили. Да, забыл – оч. интересный отзыв о статье

¹⁰⁰ Тройственный союз С.301—304.

получил от Корвина (восторженный как о статье, хотя я думаю, что он предпочел бы, чтобы статья была о нем).

Мих. Мих. мне рассказывал о своей дружбе с Манд. – я не представлял даже – это страшно интересно. М. М. было 19, с Манд. они познакомились в Париже и встречались ежедневно, шлялись по музеям, концертам, кафэ и пр. М. М. рассказывал оч. интересно. И я буду обязательно просить его написать для НЖ. М. М. тоже совершенно неправдоподобным представился рассказ «говна в перчатках» о том, что Манд. привела машина да еще чуть ли не на местечковом языке с ним говорила»¹⁰¹

На это Иванов стоически отвечал 25 января:

«Ну, с интересом жду, узнаю или не узнаю в печати свою рецензию о Мандельштаме. Или придется воскликнуть, как Вс. Рождественский после большевистского переворота: «Что они с тобою сделали, бедная моя Москва». Неужели убрали «философемы» и прочие прелести г. г. литературоведов? А катрены? Я и то старался академически писать – писал бы для «Чисел», иначе бы получилось. И вообще желал бы знать Ваше не академическое мнение о «моем труде» (как без оттенка иронии о себе выражается наш общий друг Адамович).

<...>

Пожалуйста, при сношениях с Михаилом Михайловичем – поблагодарив еще и еще его от меня, скажите: я ему написал, что хотел бы следующие разы получать доллары чеком на американский банк, т. е. как Вы мне посылаете: большая разница в курсе. Если это можно устроить, будет очень хорошо, но если затруднительно – прошу его плюнуть и забыть об этой просьбе. И непременно нажмите на него, чтобы он написал о Мандельштаме: его имя – сделает это документом, а интересно первоклассным образом»¹⁰²

Незадолго до 3 февраля 1956 Иванов получил книжку журнала:

«Одновременно пришло Ваше – играющее всеми красками остроумия и блеска – письмо и книжка «Нового Журнала». Ну, не знаю, будут ли писать письма в редакцию Филиппов – Струве – но как бы мне опередить их? А то что же получилось – я их укоряю невежеством, а сам – о Господи – черным по белому вместо знаменитейшего Grand Testament пишу какое-то ультра ренессансистое «Гранда Тестаменте»! Всю «игру пера» – Вы из моей статейки выщипали по перышку,

¹⁰¹ Тройственный союз С.309-310.

¹⁰² Тройственный союз С.319.

а корректуры не читаете – предоставив украшать ее на португальский лад Вашим наборщикам! Да!

Ну, когда все толком прочту и, возможно, «новенькое» еще обнаружу, вернусь к этому вопросу»¹⁰³

А 7 февраля 1956 года он продолжил тему:

«Пишу вне очереди, чтобы, перед тем как рыжие мерзавцы запротестуют (если запротестуют!), исправить кое-какие «разночтения» нашего с Вами производства. Хотел бы как-нибудь выразить, что с «беспомощною улыбкой» – цитата из выброшенной редакцией цитаты из Мандельштама, но как это сделать – увы, не в моих стилистических способностях.

М. б., Вы с Вашим умением справитесь. А то плюньте – возьмите только в кавычки, а то уж здорово глупо – чего это я «улыбаюсь»

Была ли уже какая реакция – рыжих или кого другого? Интересуюсь»¹⁰⁴

На это Р.Гуль отозвался 19 февраля:

«Опечатки будут помещены в «Исправлениях», с обычной свойственной нам элегантностью. Рыжие мерзавцы отвечать не будут. Струве был здесь (я не видел его – не выдаю вообще, не люблю рыжих) и оч. важно сообщил, что он отвечать не будет, но что Иванову тоже, вероятно, не понравится, что о нем написал он в своей книге (она скоро выходит в Чеховском), причем добавил, как и некоторым другим (это в мой огород).

<...> Филиппов один, я думаю, не рискнет ничего писать. Но т. к. он зол, как Каин, то «затаит». Ему поделом, он ведь в Клюеве – всяких шпилек напихал и Вам и мн. др.

Он вообще говно – и бездарь страшная»¹⁰⁵

Киллер-мэтр же уже на мирных рельсах. 28 февраля 1956 года он лениво отмахивается от «заказчика»: «Не думайте, что я собираюсь опять атаковать «рыжих мерзавцев». Нет, на этот раз будут одни грустно академические размышления. Но мне кажется, может получиться интересно. И легенды «Аполлона» тоже коснусь. И символизма, которого Вы не любите, а я чту и люблю»¹⁰⁶

Даже бразды переписки – и интриги – он передал в чешущиеся руки жены. И, начиная с конце мая 1956 года, Гулю пишет И. Одоевцева:

¹⁰³ Тройственный союз С.329.

¹⁰⁴ Тройственный союз С.333.

¹⁰⁵ Тройственный союз С.335.

¹⁰⁶ Тройственный союз С.339.

«Теперь о письме Рыжих Мерзавцев. Жорж напишет, вернее, продиктует, мне ответ им дня через три-четыре. Ему сейчас стали опять делать вспрыскивания, и он совсем до конца их, т. е. послезавтра, не может не только писать, но даже читать. И, конечно, ему запрещено всякое волнение. Поэтому я смогу дать ему эту прелесть только послезавтра. Но, конечно, ответ Жоржа необходим. Пожалуйста, оставьте место для него.»

Меня поразила резкость и даже грубость тона письма. Надеюсь, Вы убережете такие эпитеты, как «недобросовестных утверждений» в 6ой строчке и «недобросовестно придирался» в конце. И «не поддается квалификации»...

Ведь в статье Жоржа Вы многое выбросили. Так и с «письмом» поступите так же. Тем более, что это не меняет содержание письма «мерзавцев».

Кстати, они правы только в 1) пункте. Жорж напутал и потерял полфразы, о чем и писал Вам, прося исправить и разъяснить.

Остальное – чушь и наглая передержка. Жорж, я ему это, как и Вы, посоветую, должен написать коротко и «академически», но все-таки оставьте ему страничку, пожалуйста.

Конечно, хорошо, что и Адамович, не сговариваясь с Ж., слегка припечатал их»¹⁰⁷

3 июня 1956 года Одоевцева пишет Гулю:

«Дорогой Роман Борисович, ну вот мне удалось показать Жоржу письмо рыжих мерзавцев, и он даже успел мне продиктовать черновик ответа им. Теперь он по моей рукописи «пройдется отточенными карандашами», и я еще раз все перепишу.

Думаю выслать Вам его ответ через два-три дня. Постараюсь, насколько это от меня зависит, не задерживать. Но если бы, не дай Бог, почему-либо ответ не поспел бы вовремя для очередного номера Н. Журнала, Жорж очень и очень просит и даже настаивает, чтобы в этом случае Вы бы не печатали и письма рыжих. Необходимо, чтобы письмо и ответ на него появились в одном номере Н. Журнала. Необходимо. Подчеркиваю по желанию Жоржа.

Ответ очень сдержанный, без извозчичьей истерики рыжих – вполне академический. Но разбивающий все их пункты.

Не такой безобразно-многословный, как «письмо», все же для него потребуется больше, чем одна страница, как мне сгоряча показалось»¹⁰⁸

¹⁰⁷ Тройственный союз С.384.

¹⁰⁸ Тройственный союз С.384-385.

9 июня – следующий, исполненный обычной скромности стежок:
«Дорогой Роман Борисович, ответ готов и улетит к Вам в понедельник. Хотела его отослать с этим письмом, но он из-за многочисленных исправлений стал неудобочитаемым, и я решила его переписать.

Ответ вышел шедевристо-блистательным. При элегантнейшей сдержанности – без всякого рукоприкладства. Уничтожает рыжих по пунктам. Вероятно, оцените и порадуетесь.

Размер приблизительно такой же, как и письмо Рыжих. Коротко никак нельзя было.

А то выходит Жоржу оскорбление на страницах того же Н. Журнала, где Вы его прославили. Рыжие, конечно, хотят измордовать Жоржа побольнее, но вряд ли Вы хотите поддержать их в этом их «законном» желании.

Жорж еще раз настаивает, чтобы письмо рыжих и ответ появились обязательно вместе.

Безразлично, в этом или в следующем номере. А также просит в его ответе ничего не пропускать и не изменять без его согласия. Впрочем, ответ благопристойен и академично-вежлив, вряд ли Вам в нем что-нибудь покажется резким или лишним»¹⁰⁹

И вот, наконец, 11 июня – «заказ» выполнен. К заказу просят отнести, как к стихам:

«Посылаю Вам ответ. Стоил он нам, а в особенности мне, немало-го труда. Одна пере-пере-переписка его чего мне стоила!..

Покорнейшая просьба Жоржа – ничего в нем не менять и не опускать. Отнесите к нему, как к стихам из «Дневника» того же автора.

В случае если Вы заменили в письме рыжих «честнее» <на> «правильнее» – им, поставьте и в ответе вместо «честнее» – «правильнее». Смысл от этого не меняется.

И пожалуйста, пожалуйста, печатайте вместе. В следующем №, если в этот поздно.

Думаю, что такая переписка из двух углов будет гвоздем номера.<...>

Будьте милым, напишите Жоржу поскорее.

Его очень волнует история с Рыжими. Очень»¹¹⁰

Получив заказанное, Гуль обычно переставал писать киллеру, но вот 24 июня 1956 года – пришлось:

«...Письмо Жоржа. С ним есть некоторые сложности. Мих. Мих. всем этим несколько обеспокоился, он не любит таких переписок из двух углов. И как Соломон все взял на свой суд.

¹⁰⁹ Тройственный союз С.389.

¹¹⁰ Тройственный союз С.391..

Своею собственной рукой он удалил все грубые и нехорошие слова из письма рыжих (недобросовестные, честнее и пр., заменив их парламентарными). Но и у Жоржа удалил некоторые красоты. Мне было жалко тех красот – пусть то Федот – да он не тот... Но ничего я, маленький человек, тут поделаться не мог и не могу. Но в общем – картина получится для Вас вполне успокоительная. Их письмо – превращено в корректное. А Вы подробно и обстоятельно отвечаете. Таким образом, то, чего хотели рыжие – обосрать – (ах, простите! я, кажется, хотел сказать что-то не то) – не вышло. В-первых, они не ждали, не гадали – что будет Ваш ответ (тут уж маленький человек – дер клейне Ман – постарался! – поцалуем его все вместе за это усердие!), – а он есть, и все дело обмердированья – кончилось одним пуком – фальшивым и никуда негодным, как у Ильязд-Зданевича.

<...> ...Дальше известная формула Блока по отношению к Кузмину – «надо спасти поэта». Кстати, Федин мне много рассказывал про жену Мандельштама, она страшно была энергичная, и всегда приходила к нему вот именно с этой классической формулой, и Федин боялся ее в этом смысле как огня. Читая Ваше письмо, вспомнил я и о другом.

Как Федин и Илья Груздев рассказывали, как Мандельштам в Госиздат продал (и не раз!) чужие прозаические переводы, совершенно кошмарного стиля и языка. Манд. этим был знаменит. О нем ходили всякие анекдоты на эту тему. Если бы Фил. (он же Филистинский, но он же не Филиппов и не Филистинский, а как сказал мне знавший его ленинградец – Эрдени) был литературным человеком – он бы знал, но он был в Лен. вне литературы, ничего сего знать не мог. Кстати, в конце двадцатых годов этот Фил-Филис-Эрдени выпустил сборник стихов под названием «Мусор слов». И Корней Чуков в «Красной газете» написал убийственный отзыв о том, что мы вполне можем согласиться с автором – что это мусор слов. Обычно о таком языке говорят, что он дубовый, суконный, но нам жаль дуба и сукна, это именно – мусор слов, и пр. На этом литер. карьере этого типа там и окончилась. Ну, вот, думаю, что на все вопросы я ответил»¹¹¹

Отвечая Г.Иванову в июне 1956 года по пунктам на страницах того же «Нового журнала», Г.С. и Б.Ф. отмахнулись от его главных обвинений и сосредоточились на второстепенных, в нескольких случаях с удовольствием его посрамив¹¹². Лишь однажды они коснулись принципиального

¹¹¹ Тройственный союз С.395-396.

¹¹² Впрочем, они и сами еще глубже «сели в лужу» с «переводами О.М. из Ф.Вийона», не потрудившись проверить сообщение Г.Иванова о публикации таких переводов Н.Гумилевым в «Аполлоне».

вопроса: «...Мы поместили в книгу и все известные нам разночтения и варианты, не считаясь с эстетической стороной издания. Нужно было использовать редкую в условиях эмиграции возможность — сохранить от полного исчезновения и гибели возможно большее число мандельштамовских текстов и материалов о Мандельштаме».

Публикация же в одном номере «Нового журнала» обоих писем в редакцию, как мы знаем, возмутила Б. Ф., написавшего об этом Г. С. 22 августа 1956 г.

А вот «киллера» не смущает ничто. Мало того, он берется за перо и возмущается самой манерой отвечать на такие заказные рецензии, как его. Чем и делится с заказчиком 9 июля:

«Насчет письма рыжих – я разделяю мнение М. М. насчет такой «переписки». Это хамская Чухлома – отвечать на рецензии. Но я-то при чем – раз Вы печатаете их блевотину, должен я ответить. Диктовать ответ мне, при моем состоянии, была суцья мука. Что их хамские штучки сократили – очень рад. Но, надеюсь, не обкорнали меня до их уровня. Впрочем, мне все равно. Всем все равно. Это скверное ощущение, понимаю. Но делать нечего»¹¹³

Назавтра, 10 июля, Гуль отвечает обоим: *«Дорогие Ирина Владимировна и Георгий Владимирович, весьма обеспокоен Вашим глубоким молчанием. Послал Вам уже очень давно обстоятельное письмо по всем вопросам. От Вас – ничего. Здоров ли Г. В.? Прошу написать очень. В частности, как я писал, в этом номере, который выходит на днях (у переплетчика), идет и отрывок из романа, и стих. А также, конечно, ответ рыжим мерзавцам. Ответ оч. хорош. И, м. б., даже выиграл после того, как М. М. кое-что в нем устранил. Во всяком случае он играет как веселый бриллиант по сравнению с глупой серостью бульжника рыжих. Но из их произведения изъято решительно все неприятное: «недобросовестное», «честнее бы было» и пр. Так что вместо нок-аута с их стороны получился нок-аут им по зубам»¹¹⁴*

Очаровательное мердó, не правда ли?

Несколько слов о рецензиях 1956 года. Так, В.Марков некоторым образом подытожил только-только разгоревшуюся дискуссию: *«Выпуском в свет «Собрания сочинений» Осипа Мандельштама Чеховское издательство заглаживает грех напечатания по меньшей мере десятка плохих или ненужных томов. Если уж и говорить о каких-то*

¹¹³ Тройственный союз С.400.

¹¹⁴ Тройственный союз С.403.

обязанностях эмиграции, то это в первую очередь издание подобных книг». Выход книги для него – это «праздник», «событие особого рода»: *«Составители и редакторы книги, Г.П.Струве и Б.А.Филиппов, заслуживают большой и продолжительной благодарности от всех читателей и исследователей поэзии. Они сделали все, что было в их силах и возможностях, для того, чтобы сделать собрание той "печкой", от которой будут "танцевать" в будущем все, кто будет братья за Мандельштама»*. Весьма похвалив предисловие Г.П.Струве – эту «наметку будущей биографии» поэта, рецензент язвительно отозвался о статье Б.А.Филиппова, назвав ее *«лирической рапсодией, которая вызывает сожаление, что на этих шести страницах не поместили еще что-нибудь самого Мандельштама»*. Отклики Завалишина и Г.Иванова Иваск назвал «странно-придирчивыми» (впрочем, не называя имен).

В 1956 году дважды – в «Опытах» и «Вестнике Института по изучению СССР» – отзывался на выход Собрания сочинений О.М. Юрий Иваск. Говорил он при этом о самом поэте, а разбора издания фактически не касался. В сущности это одна же и та же статья, но с несколько разными концовками. Статью, помещенную в 6-м выпуске редактируемых им самим нью-йоркских «Опытов», он закончил так: *«Выпуск собрания сочинений Мандельштама, под редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова, тщательно, с любовью проверивших тексты и снабдивших их комментариями, приветствуем»*. Немного странно смотрится концовка версии, помещенной в «Вестнике» мюнхенского Института по изучению СССР: повторив то, что редакторы прекрасно подготовили рецензируемый том к печати, Иваск одновременно отрекомендовал читателю как «интересную и ценную статью» и разгромный отзыв Г.Иванова!

Кстати, вслед за рецензией Иваска в «Опытах» помещен и отклик Г.Адамовича – его дополнения и уточнения к сборнику, точнее, к трем стихам. К одному – под номером № 91 («В пол-оборота, о печаль...») – он приводит ценный мемуарный комментарий. Ко второму – под № 17 («Реймс и Кельн») – Адамович, вслед за Г.Ивановым, дает безапелляционное утверждение о принципиальном отсутствии начала у этого стихотворения (утверждение, впоследствии с треском не подтвердившееся). А к третьему – под № 82 – вспоминает о восхитившей Гумилева опечатке («слава пахнет апельсиновой коркой») и, вслед за мэтром, рассуждает об «ослышках музыки». Самое ценное в отзыве Адамовича – то, что он вспомнил здесь неизвестное шуточное стихотворение Мандельштама: «Это есть художник Альтман...».

Авторы практически всех откликов отделяли в рецензируемом произведении его автора от редакторов-составителей. Все они дружно сходились на том, что утверждение о принадлежности Мандельштама к числу величайших русских поэтов столетия, по словам Ю.Иваска, утратило отныне свою голословность.

5

СУХОЙ ОСТАТОК

Подчеркнем главное.

Выход в октябре 1955 года в нью-йоркском Издательстве им. Чехова первого «Собрания сочинений» Осипа Мандельштама под редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова стал, бесспорно, главным мандельштамоведческим событием декады. Эта была первая попытка собрания стихов и прозы Мандельштама под одной обложкой, причем явный акцент был сделан на уже опубликованном при жизни поэта. Собрание как бы зафиксировало уровень осведомленности западных филологов в биографии и текстологии О.М. по состоянию на середину 1950-х гг.

Из четырех частей, составивших книгу, только одна – поэтическая. Она озаглавлена «Стихотворения» и состоит из следующих разделов: «Камень», «Гристия», «Стихи 1921-1925 из кн. «Стихотворения», 1928», «Стихотворения 1923-1932, не собранные в книги», «Стихотворения 1910-1923, не включенные в книги», «Стихотворения для детей» и «Шуточные стихотворения и экспромты». Все поэтические произведения имеют сквозную нумерацию (№№ 1 – 187)¹¹⁵.

Три части – прозаические: собственно «Проза» (в составе «Египетской марки», «Шума времени» и «Феодосии»), «Прозаические про-

¹¹⁵ Под № 181 помещено замечательное стихотворение «Пылает за окном звезда...» (1923), в действительности принадлежащее не О.М., а С.Клычкову (по ошибке, но именно так оно было опубликовано в «Красной Ниве» (1923. № 4. 28 янв.) под именем О.М.- см. об этом: Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С.312). Эта ошибка «продержалась» в печати еще как минимум 10-летие (она, в частности, повторена в 1964 г. – в 1-м издании 1-го тома Собраний Сочинений О.М., где стихотворение Клычкова получило № 168). Поскольку многие читатели впервые знакомились с творчеством О.М. именно по этому изданию, то ошибка бытовала еще и в 2000-е гг. (так, одна бардовская пара долгое время исполняла песню на эти стихи как на стихи именно О.М.)

изведения, не включенные в книги» (сюда вошли «Путешествие в Армению» и очерки «Холодное лето», «Сухаревка» и «Армия поэтов») и «Статьи о литературе» (в составе семи избранных статей из книги «О поэзии»¹¹⁶, а также рецензии О.М. на «Записки чудака» А.Белого; в качестве приложения к этому разделу помещено письмо О.М. к Ф.Сологубу).

Очень неплох сам по себе научный аппарат издания. Его открывает пространный (С.3-24) и академическая статья Г.Струве «О.Э.Мандельштам. Опыт биографии и критического комментария» (помеченная «Беркли, Калифорния, январь 1955 г.) и куда более скромная по объему и импрессионистская по стилю статья Б.Филиппова «А небо будущим беременно» (с.25-30).

В кратком обращении «От редакторов» представлены принципы издания и озвучены имена тех, кому редакторы публично приносят благодарность, причем именно за помощь в собирании произведений О.М.: это – А.П. Струве, Ю. К. Терапиано, Е. Н. Розен и О. Н. Анстей.

Вслед за корпусом идет раздел «Варианты и разночтения» (с.369-392), за которым следует библиография (с.393-400) – очевидно, самый первый опыт мандельштамовской библиографии¹¹⁷. Она охватывала исключительно произведения самого О.М. и организована следующим образом: книги (стихи; поэтические переводы; художественная проза, критическая проза, прозаические переводы), публикации в альманахах и сборниках (стихи; проза, статьи о литературе, письма), публикации в журналах (стихи; статьи о литературе, рецензии, репортаж), публикации в газетах (стихи; статьи, письма) и переводы произведений О.М. на иностранные языки. Завершает том алфавитный указатель включенных в него произведений О.М.

По существу, читатель получил в руки ни на секунду не отстающий от времени своеобразный **итог** творчества О.М., зафиксированный в его **прижизненных** публикациях. Ни большинства стихотворений 1930-х гг. (кроме нескольких печатавшихся при его жизни и одного не печатавшегося), ни «Четвертой прозы» и «Разговора о Данте» здесь, разумеется, нет.

Лишь в разделе «Шуточные стихотворения и экспромты» можно было найти определенные новации – произведения, отсутствующие в издании

¹¹⁶ Их редакторы, несколько самонадеянно, назвали «наиболее характерными и зрелыми». Таковыми, следовательно, не являются статьи «Девятнадцатый век», «Чаадаев», «Заметки о Шенье» и «Франсуа Виллон».

¹¹⁷ Переписка соредакторов показывает, что от значительной части уже собранной библиографии произведений об О.М. им пришлось отказаться буквально в последний момент из соображений объема.

ях О.М., что вполне естественно, поскольку, О.М. никогда их и не предназначал к печати: тем не менее, сам этот раздел получился весьма куцым и невыразительным, да еще и оснащенным причудливейшими комментариями, состоящими из выдержек из соответствующих мемуаров.

Вот, например, фантазии 1949 года литератора Н.Осипова¹¹⁸ из журнала «Грани»: *«У него была ненависть к типу преуспевающего советского дельца... Типичным дельцом был некий Маргулис, хорошо известный в литературном мире, сотрудник Наркомпроса и разных издательств... Он посвятил ему множество четверостиший, знаменитых, не напечатанных и даже не записанных, «Маргулет». Каждое из этих четверостиший, взятое отдельно, рисовало образ Маргулиса еле уловимыми намеками и имело вид безобидной эпиграммы. Напр.:*

*Маргулис – он из Наркомпроса,
Он не турист и не естественник,
К истокам Тигра и Ефроса
Он знаменитый путешественник. –*

Тигр – сокращенное название какого-то отдела в одном из обслуживаемых Маргулисом учреждений. Эфрос – видный коммунист в Наркомпросе, с которым Маргулис умел ладить.

Или:

*Старик Маргулис зачастую
Ест яйца всмятку и вкрутую,
Его враги нахально врут,
Что сам Маргулис тоже крут.*

Безобидные четверостишия сочинялись Мандельштамом от случая к случаю с видом величайшей наивности. Но вместе они давали жуткий образ»¹¹⁹.

О, бедный Александр Осипович, о, жуткий Моргулис!¹²⁰

¹¹⁸ Н. Осипов (наст. Поляков Николай Иванович, 1889, Рига, – 1963, Обераммергау, Германия). Публицист. Член НТС с 1944 г. Служил в РОА. Автор работы «Очерки большевизмоведения» (Посев, совм. с Р. М. Редлихом), писал статьи в газету «За Россию». В 1951 г. избран в Совет союза НТС, член «Высшего суда совести и чести». В 1954 г. вышел из НТС. Автор книги «Клевета друзей».

¹¹⁹ Н.Осипов. Внутренняя эмиграция в СССР // Грани. Лимбург. 1949. Кн.5. С.85.

¹²⁰ Моргулис Александр Осипович (1898–1938), переводчик с французского (Гюстав Флобер, Анатолий Франс и др.), член правления Союза Советских писателей, писал стихи. Он и его жена пианистка И. Д. Ханцин (1899–1984) были дружны с Мандельштамами. О. М. посвятил Моргулису как минимум десять шуточных стихотворений (так называемых «моргулет»). Репрессирован.

Первое посмертное «Собрание» Мандельштама – точный слепок с характера и уровня знаний о судьбе и о творчестве О.М. в эмиграции в середине 1950-х гг. В эдиционной (точнее – в безэдиционной!) судьбе поэта оно знаменовало собой решающий и, быть может, самый трудный прорыв!

В отличие от томов будущего многотомника 1960-х гг., однотомник 1955 года доходил до Советского Союза долго и трудно. Бумеранг не торопился возвращаться.

Вот лишь один, но яркий пример.

Когда в 1962 году в Москве историк из Беркли М.Малиа дал Ю.Г.Оксману (даже не подарил, а просто дал почитать на время!) этот томик О.М., книга разволновала этого искушенного читателя до глубины души. В датируемом концом ноября 1962 года письме к Малиа, Оксман писал: «...*Доживу ли я до появления у нас полных собраний Мандельштама, Гумилева, Пастернака, Цветаевой – сильно сомневаюсь, а потому я с таким волнением читал ваш томик Мандельштама, что вот уже пятый день не могу прийти в себя. Вот уж подлинно «голос с того света». Боже мой, какую огромную работу сделали Г.П.Струве и Б.А.Филиппов, как тонко, умно и тщательно они сделали все, чтобы приблизить лирику и прозу Мандельштама к русскому читателю. Конечно, это еще только «генеральная репетиция», но без нее невозможен будущий большой «спектакль» – исправленное и дополненное критическое издание произведений О.Э.Мандельштама*»¹²¹.

В первом же своем письме, откликаясь на просьбу Малиа дать дополнения и поправки, Оксман привел массу сведений биографического, библиографического и текстологического характера, в том числе и список – с пропуском двух строк – антисталинской «эпиграммы» ОМ (которую и сам Оксман впервые услышал совсем незадолго до этого – весной 1961 года). Все сведения были переданы Малиа Г.П.Струве, своему коллеге по университету, который ввел их в научный оборот в целой серии газетных и журнальных публикаций¹²² и широко исполь-

¹²¹ Л.Флейшман. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве. // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. Stanford, 1987. С.22.

¹²² См. целую серию статей и публикаций Г.П.Струве: Еще о судьбе Осипа Мандельштама. РМ, 5 февраля 1963 (подп.: Г.Стуков); Неизвестное стихотворение Осипа Мандельштама. // РМ, 21.02.1963 (подп.: Г.Стуков); Еще о судьбе Осипа Мандельштама. // РМ, 5.03.1963 (подп.: Г.Стуков); О судьбе Осипа Мандельштама. Письмо в редакцию. // РМ, 16.04.1963 (подп.: Г.Стуков); Новое о судьбе Осипа Мандельштама. // Мосты, 1963, № 10, с.150-169 (подп.: Г.Стуков); Осип Мандельштам о христианском искусстве. // РМ, 28.11.1963; Осип Мандельштам о христианском искусстве. /Вступит. заметка к фрагменту Мандельштама <<Пушкин и Скрябин>> // РМ, 28 ноября 1963.

зовал при издании первого тома Собрания сочинений О.М., вышедшего в 1965 году.

Насколько же контрастирует с оксмановской оценка не только издания 1955 года, но и всей работы Г.П.Струве и Б.А.Филиппова, данная спустя сорок лет другим российским исследователем: *«Тома «Собрания сочинений», вышедшие в США в 1955-1981 гг., благодаря настойчивости редакторов Г.Струве и Б.Филиппова, использовавших все возможности для совершенствования, стали в последних выпусках удовлетворительными по состоянию текстов и дали читателю наиболее полный их свод. Однако, по условиям своего времени, издание не было критическим и собственно текстологических задач не ставило»*¹²³

Сколько же в этом снисходительном поглаживании по головке своих первых и главных предшественников пренебрежения к их героическому труду, сколько неуместной спеси!..

Вместе с тем именно издание 1955 года послужило толчком и точкой опоры для всего последующего развития мандельштамоведения (как на русском, так и на иностранных языках), и прежде всего для поиска, публикации и осмысления найденных текстов поэта.

Свой толчок получили и мемуаристы. Причем не только в порядке полемики, как у Георгия Иванова или Георгия Адамовича, но и «специально», как у Константина Мочульского или Михаила Карповича! Раззадоренный Гулем и Ивановым, Карпович сдержал свое слово и написал краткие, но совершенно замечательные воспоминания о Мандельштаме, опубликовав их в «Новом журнале» в 1957 году¹²⁴.

Но и будущие великие переводчики Мандельштама, – такие, как, например, Целан в Германии или Питер Рассел в Англии – впервые познакомились с поэзией О.М. именно по «борисоглебскому» одному тому 1955 года!

Мне же остается завершить эти заметки земным поклоном и словами великой благодарности тем, кто первым после смерти Осипа Мандельштама взяли на себя первопроходческий труд первоиздателей поэта.

¹²³ Мец А.Г. Комментарий // Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений и писем. В трех томах. Т. 1. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С.518. Укажем на допущенные уже в этих двух фразах неточности самого Меца: том 1955 г. вовсе не часть «Собрания сочинений», а т.4 «Собр. Сочинений» – не выходил в США.

¹²⁴ Карпович М.М. Мое знакомство с Мандельштамом // НЖ. 1957. Кн. 49. С. 258–261.

**ПОЛЕМИКА МЕЖДУ Г.В. ИВАНОВЫМ И Г.П. СТРУВЕ
И Б.А. ФИЛИППОВЫМ**

<1>

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ¹

В Цехе Поэтов существовало правило: всякое мнение о стихах обязательно должно быть мотивировано. На соблюдении этого правила особенно настаивал Мандельштам. Он любил повторять: «Предоставьте барышням пиццать: Ах, как мне нравится! Или: ох, нет, мне совсем не нравится!» Звонок синдика Гумилева, прерывавший оценки «без придаточного предложения» всегда вызывал у Мандельштама одобрение. Не следует при этом забывать, что в первом «настоящем» Цехе Поэтов, в тщательно отобранном кругу наиболее ярких представителей тогдашних молодых поэтов, «разговор» велся на том культурном уровне, где многое подразумевалось само собой и не требовало пояснений. И тем не менее «придаточное предложение» считалось необходимым.

За последнее время в эмигрантской критике наблюдается как раз обратное, в особенности в статьях некоторых литературоведов из СССР, содержание которых сводится к голословным утверждениям, никак не подкрепленным «придаточными предложениями». Зато параллельно беспартийности оценок повышается доктринерская важность тона.

Читатель, берущий в библиотеке, тем более покупающий Мандельштама, заслуживает не только внимания, но и уважения. Он сумел сохранить интерес к поэзии не в лубочном, а в настоящем понимании этого слова. Это драгоценный читатель. Вот он принес к себе книгу и с волнением раскрывает ее: — Осип Мандельштам. Собрание сочинений. 415 страниц убористой печати. Вступительные статьи Глеба Струве и Б. Филиппова. Первая называется «О. Э. Мандельштам. Опыт биографии и критического комментария». Вторая просто — «А небо будущим беременно». Комментарии. Варианты и разночтения.

¹ О. Мандельштам. Собрание Сочинений. Под ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Изд. им. Чехова. Н. И. 1955.

«Публикации в альманахах и сборниках». «Публикации в журналах». Примечания. Примечания к примечаниям. Рецензии и репортаж. №№ страниц, №№ стихотворений...

Из статей читатель немедленно узнает очень многое о Мандельштаме, о чем и не подозревал. Он знал, что Мандельштам один из чудеснейших поэтов нашей эпохи. Знал, что «Камень» и «Tristia» — сборники обворожительно прекрасных стихов. Теперь же он с удивлением читает в «Критическом комментарии» Глеба Струве: «*Любопытно*, что советские историки литературы лучшей книгой Мандельштама считали «Камень»... Между тем, как поэт Мандельштам дал самые лучшие свои вещи именно после революции». Почему «любопытно» и почему «именно после революции» читатель так и не узнает.

Вздыхнув, читатель переходит к Б. Филиппову: — «Стихи «Tristia» — *почти заумные* (?). Только это не заумь Хлебникова. Огромная иудейско-христианская культура стоит за каждым словом, за каждым нещедрым образом Мандельштама... Никакого украшательства. Только необходимое. Но для полной расшифровки читателем этих строк-иероглифов как много требуется знаний, ума, чувства. И вместе с тем никакими философемами мудрецов не передашь того... что так совершенно передает нам Мандельштам».

Читатель сознает, что у него не хватает знаний, и что с «философемами мудрецов» он не очень-то знаком...

С беспомощной улыбкой признаюсь — я целиком разделяю мнение советских критиков, считающих лучшей книгой Мандельштама «Камень». Разумеется «Tristia» тоже прекрасна. На первый взгляд она даже пышнее, виртуозно-роскошнее «Камня». Дыхание шире, ритм и образы разнообразнее. Но если вслушаться и взглядеться внимательней — и если к тому же годами очень близко знать особенности «поэтической кухни» Мандельштама — стихи «Tristia» начинают вызывать смутное беспокойство за дальнейшую судьбу поэта. Да, восхитительно-прекрасно... Но что за этим последует?.. Именно так, с восхищением и с тайным страхом воспринимались в 1920 году сыпавшиеся одно за другим, одно лучше другого, — как совершенно верно замечает Глеб Струве, — стихи, составившие «Tristia».

Я не профессиональный критик, я член Цеха, ближайший сотрудник «Аполлона», товарищ Гумилева, Ахматовой, Лозинского и того же Мандельштама. Читая его «Собрание сочинений», я вспоминаю сотни

подробностей, как его стихи создавались, впервые читались, обсуждались в Цехе и перерабатывались. Вот эта строфа «Адмиралтейства» почти целиком сочинена Гумилевым, а первоначальная «так музой зодчества был вскормлен мудрый лебедь» по общему цеховому согласию уничтожена. Вот эти строки оды «Бетховен» забракованы Ахматовой. А здесь Мандельштама вывел из тупика наш общепризнанный арбитр вкуса Лозинский. И поэтому я более чем кто-либо в наши дни знаю, какое значение для вечно-сомневающегося, вечно-колеблющегося Мандельштама имела окружающая среда. Его чудесный талант, его огромное врожденное мастерство были не в его власти, а во власти той стихии музыки, образов, ритмов и слов, которой он дышал. Его вечно разгоряченная, изобретательная, неустойчивая голова была переполнена противоречивыми идеями, высокой умной путаницей, которую он в минуты слабости не умел изложить, морщась от невозможности отыскать необходимое ему слово или рифму, если они, как обычно, не слетали к нему «свыше». Поэтому-то он не только легко поддавался влиянию, но просто в такие минуты искал его, искал помощи, даже опеки. Его женственно-сложная природа, сотканная из слабости и почти болезненной неуверенности в себе, заставляла его сомневаться в каждой своей строке, в каждом слове — «Можно это оставить? Можно так сказать? Правильно это, или лучше выбросить?» — и уживалась с сознанием своего превосходства, избранности, заносчивой гордыни: «Что же из того, что неправильно, что так не говорят? — надменно заявлял он: — Так будут говорить, раз я написал!» Или: «Никакой ошибки здесь нет. Это просто русская латынь!»

Он поддавался с одинаковой страстью влияниям благотворным — акмеизм — и влияниям вредным, даже разрушительным, вроде кубофутуризма и пресловутой зауми. В дореволюционный период сильнее всего на него влиял Гумилев. Их отношения в творческом плане (в повседневной жизни их связывала ничем не омраченная дружба) были настоящая любовь-ненависть. «Я борюсь с ним, как Иаков с Богом», говорил Мандельштам. Победителем из этой поэтической борьбы неизменно выходил Гумилев. Прямой результат этих побед — стройное совершенство «Камня» и отчасти «Tristia». Перечитывая стихи Мандельштама, изданные им уже после гибели Гумилева, я нашел в них несколько гумилевских поправок, когда-то яростно отвергнутых Мандельштамом и всё же им принятых.

Можно по-разному расценивать поэзию Гумилева. Но не может быть двух мнений о значении Гумилева как учителя поэзии. В этой роли он был по меньшей мере тем, что Дягилев в балете. Конечно, он не создавал из ничего замечательных поэтов. Но и Дягилев тоже не создал из ничего Нижинского или Лифаря. Гениальная проницательность выбора сочеталась у обоих с еще более поразительным даром — указывать новоявленному избраннику его правильную творческую дорогу. Примеров сколько угодно: Ахматова до брака с Гумилевым писала стихи о лукавых неграх и изысканных скрипачах. М. Зенкевич, теперь несправедливо забытый, пришел весной в «Аполлон» с тетрадью удручающе банальных стихов. После нескольких встреч с Гумилевым он привез с каникул свою великолепную «Дикую порфиру». Будущему переводчику «Божественной Комедии» М. Лозинскому Гумилев первый посоветовал заняться этим. Одоевцева, будучи ученицей Гумилева, написала первую современную балладу, имевшую многих подражателей, вплоть до Заболоцкого. Но возможно, что никто не обязан Гумилеву в такой степени как Мандельштам «Камня».

Мало кому известно, что наряду с «Дано мне тело» и другими чудесными стихами, появившимися в «Аполлоне» 1911 года и так нас всех поразившими, Мандельштам сочинял множество «политических стихов», похожих на Якубовича-Мельшина. «Синие пики обнимутся с вилами. И обагрятся в крови»², — славословил он грядущую революцию. «Варшавянку» он считал непревзойденным образцом гражданской поэзии. Увлекаясь теософией, он пытался изложить теорию перевоплощения длинными риторичными ямбами.

Став с изумительной быстротой первоклассным поэтом, Мандельштам, хоть и против воли, отказался от этих своих увлечений, но до конца, как первую любовь, он так и не забыл их. Порой воспоминания о них продолжали звучать в его самых музыкальных, блестяще акмеистических стихах.

Странно сказать, почти все лучшие, кристально-просветленные, неподражаемые стихи Мандельштама написаны как бы немного по внушению цеховому, вернее гумилевскому. Мандельштам подчинился акмеистической дисциплине, принимая ее как некое монастырское

² Здесь стихи, публиковавшиеся О.М. в «Аполлоне», смешаны с ранними «тенишевскими стихами» 1906 г. Отметим, что приведенные Г.Ивановым были решающими при позднейшей атрибуции «танишевских стихов» А.Мецем.

послушание, но то и дело возмущенно против нее восставал. Так в 1913 году он до того бурно увлекся кубо-футуристами, что едва не перешел в их группу. Удержал его от этого шага, доказав ему всю безрассудность его, Бенедикт Лифшиц, кстати сам кубо-футурист. Характерно, что Мандельштама пленяли не Хлебников или Каменский (т. е. лучшие из кубо-футуристов), а Бурлюки с Маяковским. Тогда же он начал писать — задолго до Пастернака и в сто раз хуже — собственного «Лейтенанта Шмидта» рублеными рифмами Маяковского. Но опомнившись и вернувшись в лоно Цеха, он уничтожил его вместе с нелепой поэмой «Старцы».

В те довоенные годы такие вспышки не длились долго. Цех и Гумилев неизменно одерживали верх над всеми посторонними влияниями и увлечениями. Но вот наступила война. Цех распался. Гумилев на фронте. Революция. Уже не Петербург, а Москва, Крым, Одесса, Грузия, Киев, перехлестывающие, захлестывающие волны всяких политических и литературных влияний и никакой опоры, никакой опеки. Среди этих влияний, в которые, как в океан, попадает Мандельштам, оказались и благотворные — т. наз. «Южно-русская школа» — кружок преданных поэзии одаренных молодых людей — Ю. Олеша, В. Катаев, А. Фиолетов, Э. Багрицкий, еще некоторые. Потом Марина Цветаева и Макс Волошин в Крыму. Эти общения, я думаю, помогли Мандельштаму создать «Tristia» — прекрасный взлет перед падением, гибельным пожаром, катастрофой его таланта.

Творчество Мандельштама после «Tristia» из года в год, как со ступеньки на ступеньку, неизменно понижается... 1923 годом еще помечен ряд замечательных стихотворений. Мандельштам на перепутьи. Он пишет то акмеистический «Век», то его антипода, абстрактную «Грифельную оду». «Век» переливается всеми огнями былого мандельштамовского очарования. «Грифельная ода» — тусклая мозаика из колюче-жестких, как сухая рыба чешуя, слов, всякого «очарования» лишена. Но и там и тут безошибочное блестящее мастерство говорит само за себя. «Век» и «Грифельная ода» особенно характерные образцы. В большинстве остальных стихотворений колебания поэта перемешаны, как будто он не может решить, на чем окончательно остановиться. Эти колебания и в дальнейшем не разрешатся до конца. С годами они просто потеряют значение: «беспредметное» ли «1 января 1924 года», растянутое на 72 вот таких строки: — «То ундерву-

стихи и напечатал их, сопроводив собственной издательской статьей. Раз или два напечатала Мандельштама эстетка С. И. Чацкина в своих «Северных Записках» — и это всё.

После окончания гражданской войны картина меняется. За пять лет (1923-1928) Мандельштамом издано и переиздано десять книг стихов и прозы. К этому надо прибавить восемь книг переводов, ряд книг вышедших под его редакцией, длинный список советских журналов и газет, печатавших Мандельштама. «Отсутствие места» заставило редакторов отчетного «Собрания Сочинений» отказаться «от приведения литературы о Мандельштаме». Литература эта, очевидно, содалась целиком при большевиках, на страницах советской печати. До революции она попросту не существовала.

Имя Мандельштама, начиная с 1922 года, из узко-кружкового становится именем известного поэта.

В нашу последнюю встречу осенью 1922 года в Москве я лично наблюдал, как вырос престиж Мандельштама. С одной стороны, тот же Брюсов теперь ласково ухаживал за «Осипом Эмильевичем». С другой — писательская молодежь ловила каждое его слово и стремилась учиться у него. Вызывающе московское пренебрежение тех дней к «Петербургу»: «Блок — мертвец, Гумилев — вахмистр, Ахматова — стишонки для белошвеек» — на него никак не распространялось. Наоборот! Показательна в этом отношении приводимая Г. Струве справка об обвинении Мандельштама в каком-то «плагиате». Его протест поместила «сама» «Литературная Газета». Вступились за него «одиннадцать видных писателей», в их числе даже рапповцы — Фадеев и Авербах.

Начиная с 1922 года и в течение последующих лет Мандельштам занимал на московском «Олимпе» одно из центральных мест, почетных в лучшем смысле этого слова. Конечно, он не мог конкурировать с официальными любимцами вроде Маяковского. Зато его имя ставилось как равное рядом с Пастернаком и Хлебниковым. Сопоставляли такие имена и ценили их люди, как никак составлявшие *fine fleur* тогдашнего передового искусства. И это был, надо признать, относительно очень высокий уровень. По сравнению с только что насильственно оборвавшимся «серебряным веком» он, конечно, был довольно низким. Но если учесть то, что, начавшись после НЭПа, продолжается по сей день — это были просто Афины!

Блеск этой «Ледяной Эллады» был определенно красным в первично октябрьском духе. «Героика» взятия Зимнего Дворца и всевозможных планетарных планов сливалась в одно с торжеством кубизма и футуризма. От Мандельштама, ставшего в этой атмосфере одним из учителей поэзии, его новая аудитория, естественно, ждала революционного искусства. Ждала как раз того, что Мандельштам, прирожденный классик, органически не мог дать. Это было плохо. Еще гораздо хуже было то, что это неисполнимое требование к своей поэзии с всё возрастающим упорством стал предъявлять он сам.

«Пиши безобразные стихи, если можешь, если умеешь... Старайся превратить в «заумь» классически ясную образность, обесцветь и засуши до тусклой колючести драгоценную игру своего словаря, возвысьеся до хлебниковской зауми, доведи крайности Пастернака до абсурда, оснасти поэзию по законам татлинских конструкций, добейся чтобы всё это слилось в идеальную гармонию уродства...» Приблизительно таков был творческий искус, поставленный себе Мандельштамом.

В отличие от многих авангардных поэтов, пользующихся запросто, как узаконенным приемом, обманом или полубманом читателя, Мандельштам — это видно из каждой его строчки — как был, так и остался, целомудренно честен в творчестве. Обманывать он и не хотел и органически не был способен. Зато со всё возрастающей энергией упорства он старался обмануться сам.

Зная его, представляю себе, какие мучительные кризисы он должен был переживать! Этот «гибельный пожар» иногда прорывается яркой вспышкой. словно очнувшись от кошмара, он восклицает: «Петербург, я еще не хочу умирать!» Творческую смерть, приближающуюся к нему в советской Москве, он как бы закликает именем бывшего нашего Петербурга, где им были созданы самые просветленные, самые чудесные стихи. «Петербург, у меня еще есть адреса... у тебя телефонов моих номера...» Потом вдруг вспоминает неотвратимое: номера петербургских телефонов — это номера убитых, умерших, эмигрировавших друзей — если позвонить по ним, услышишь разве только голос вселенного чекиста. И никакого Петербурга вообще давно нет: и Мандельштам «собственной рукой», точно подписывая сам себе приговор, озаглавливает стихи о Петербурге «Ленинград».

Всё кончено. «И надежды больше нет». Остается повторить про себя, о себе, в 1930 году то, что сказано было им в 1923 году о ка-

завшемся еще тогда «прекрасным» веке. Сказано еще «прекрасным» голосом петербургского Мандельштама:

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век.
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

* * *

«Сочинения Осипа Мандельштама» — издание типа почти не существовавшего в дореволюционной России или в старой эмиграции. Подобное «научное оформление» занесено к нам из СССР. В принципе такие издания следует приветствовать. Но разумеется при том условии, если они удовлетворительны. Редакторы «Сочинений О. Мандельштама» жалуются, что «за недостатком места» им многого не удалось вместить. Возможно. Но признаюсь, после ознакомления с произведенной ими работой эта жалоба не вызывает сочувствия. В канцелярски перенумерованных «материалах по Мандельштаму» действительно собрано с академической кропотливостью множество сведений, справок, указаний. Но с одной стороны процент несущественного — а подчас и недостоверного — среди них «достаточно высок». С другой — редакторы сплошь и рядом просто не знают многого, что им следовало бы знать и что как раз интересно узнать о Мандельштаме читателю. Кому нужны сведения вроде того, что Мандельштамом помещены в 1922 году в № 1 и 2 в каком-то «Абраксасе» какие-то (даже не указано какие) стихи? Или что «Сыновья Аймона» в 1923 году дважды появились в печати? Или вот: цитируя две разрозненные строчки, примечание говорит по поводу них: «Очевидно у автора бродила мысль о какой-то поэме». Почему «очевидно» — никак не поясняется. Такое «чтение посмертных мыслей» — скорее спиритический чем исследовательский прием. Тем более, что не всегда то, что кажется «очевидным» редакторам — соответствует действительности. «Отец (Мандельштама) *видимо* говорив-

ший и писавший на плохом русском и немецком языке», — сообщает в «Опыте биографии» Глеб Струве. Насчет немецкого не берусь судить. Но могу засвидетельствовать, что отец поэта говорил по-русски ничуть не хуже, чем все трое его сыновей. Вполне по-интеллигентски и без всякого акцента. Думаю, что так же и писал: по крайней мере в пору Временного Правительства было им прочтено в «Обществе заводчиков и фабрикантов» несколько докладов. Бывало, мы пили в столовой чай, а «барин», как в семье звали отца Мандельштама, уходил со своим подстаканником в кабинет писать доклад. Узнав из «материалов» сведения об Абраксасе и т. п. мы не находим ни в них, ни в «Опыте биографии» вообще нигде, даже упоминания ни о трагической женитьбе Мандельштама, ни об обожаемой им дочке «Липочке»! Или другой пример: письмо к Сологубу напечатано без единого слова пояснения! Кроме недоумения, помещенное в таком виде, это письмо ничего не может вызвать — тем более, что из прекрасной статьи Мандельштама «О Собеседнике» видно, как последний высоко ставил Сологуба. Как эту оплошность понять? Не может быть в самом деле, чтобы редакторам хотя бы по-наслышке не была известна эта история, так волновавшая поэтические круги Петербурга весной 1915 года, одним из последствий которой и явилось это знаменитое письмо! Или виной этому «недостаток места», занятого перечнем «Абраксасов»? Возможно, что последнее. Ведь вот например, тот же «недостаток места» «заставил» их «отказаться от включения целиком» в высшей степени ценного для понимания Мандельштама сборника его статей о поэзии. Кстати, весь то сборник целиком состоит из 96-ти страниц небольшого формата! Из этого сборника г г Струве и Филипповым взяты «только первые семь наиболее характерные и зрелые». К «незрелым» и «нехарактерным» отнесен и «Чаадаев», блистательный образец литературно-философской прозы поэта, написанный в 1915 году, в эпоху наивысшего подъема его таланта.

Почему шуточные стихотворения и экспромты, если уж для них нашлось место, представлены четырьмя бледными образцами? Даже не указано, что Мандельштам сочинял такие экспромты десятками и среди них попадались иногда настоящие жемчужины. Ведь есть еще в эмиграции люди, помнящие иные из них наизусть. Вот и пишущий эти строки опубликовал несколько мандельштамовских эпиграмм. А газета «Звен», где они опубликованы, не такая уж библиографическая редкость за рубежом!

«Нет у Мандельштама непосредственных откликов на события 1917 года», — утверждает Глеб Струве. Есть, есть, и даже в довольно большом количестве, десятка полтора пожалуй. Только искать их надо не в «Аполлоне», а во второстепенных еженедельниках и газетах того времени. Очень непосредственные отклики, хотя и довольно посредственные! Мандельштам в них бурно переживал «февральскую свободу», прославлял Керенского и клеймил большевиков. Вот, для примера, по строфе из двух разных стихотворений — одно написано в июльские дни, другое сразу после 25-го октября:

...Керенского распять потребовал солдат
И буйно чернь рукоплескала.
Нам сердце на штыки позволил взять Пилат,
Чтоб сердце биться перестало.
...Так в октябре семнадцатого года
Мы потеряли всё, любя.
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил самого себя.

Стихотворение «В полоборота, о печаль» всегда носило заглавие «Ахматова». Как было не восстановить это заглавие так «освещающее» стихотворение? Если даже позднее оно было опущено — чего из примечаний не видно — всё равно следовало восстановить. Ведь восстановлена же «советская ночь» и правильная дата в стихах «В Петербурге мы сойдемся снова!» Среди множества мало интересных разночтений не приведено почему-то как раз имеющее интерес. В стихотворении «Невыразимая печаль» строка 11-я первоначально читалась так: «И потянулась оживая». Мне кажется, именно так и было напечатано в «Аполлоне» 1911 г. При издании «Камня» Мандельштам сказуемое опустил. Это было новшество, вызвавшее в Цехе оживленный спор. Более чем сомневаюсь, чтобы Мандельштам, не любивший — и не умевший — переводить стихами, решился перевести заново отрывки «Grande Testament» и «Баллады о дамах прошлых времен» после Гумилева, мастерской перевод которого, напечатанный в «Аполлоне», был ему отлично известен.

Не в «Тринадцати поэтах» ли 1917 г. напечатана впервые «Соломинка», а не в «Ковчеге» 1920 года? Почему не все стихотворения из «Гиперборейя» включены в «Стихотворения 1910-1923 гг.»? Почему... Но довольно перечислять, иначе и у меня, скромного рецензента, по-

лучатся собственные 56 страниц «вариантов и разночтений»... Задам все-таки редакторам «Собрания сочинений» под конец еще вопрос. В своем коллективном обращении они, перечисляя несколько имен, быть может и имеющих какое-нибудь отдаленное отношение к Мандельштаму, благодарят их за помощь в своей «нелегкой работе». Спрашиваю, не облегчилась ли бы эта работа, если бы редакторы, кроме названных лиц обратились за советом и помощью еще и к некоторым другим? В эмиграции находятся Г. Адамович, Артур Лурье, Ирина Одо-евцева, Н. Оцуп. Каждый из них в свое время был близок к Мандельштаму и житейски и литературно. Более того, в эмиграции благополучно здравствует С. К. Маковский, редактор того самого «Аполлона», на которого г.г. Струве и Филиппову приходится постоянно ссылаться! Не сомневаюсь, что все перечисленные лица, если бы редакторы к ним обратились, не отказались бы им посильно помочь. Не сомневаюсь и в том, что от их участия «нелегкая работа» и облегчилась бы и значительно бы выиграла. Вот, кстати, небольшой пример. Примечание № 179 гласит: «*Реймс и Кельн* стихотворение нами не разыскано. Два последние катрена стих., помещенные нами, взяты из статьи Георгия Иванова «Военные стихи» — «Аполлон», 1915, книга 4-5, стр. 85». Адрес автора, упомянутой статьи в «Аполлоне», легко узнать в литературных кругах Нью Йорка. Если бы вместо утомительных — и бесплодных — «розысков» редакторы обратились бы непосредственно к нему — обратной почтой получился бы исчерпывающий ответ: «Не ищите, 'первых катренов' *Реймса и Кельна* никогда не существовало. Восемь строк, напечатанные в моей статье, и есть 'Реймс и Кельн' целиком».

Если бы я такой запрос получил, отвечая на него, я бы пожалуй прибавил — любезность за любезность — объясните пожалуйста, если вас не затруднит, почему собственно в издаваемой в Америке книге русского поэта вы всегда именуete четверостишия «катренами»? Во-первых, ведь не Жану же Кокто предназначается чеховское издание сочинений Мандельштама. Во-вторых, современные французы в аналогичных случаях говорят «*Strophe*». «*Quatrain*» же в их понимании обозначает законченную в самой себе строфу, нечто близкое нашим «стансам»...

Георгий Иванов

(Новый журнал. 1955 [Январь 1956]. № 43. С.273-284.

В рубрике «Библиография»)

**О РЕЦЕНЗИИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА
НА «СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА
(Письмо в редакцию)**

В кн. 43 «Нового Журнала» была напечатана рецензия Георгия Иванова на отрецензированное нами и выпущенное Издательством имени Чехова «Собрание сочинений» Осипа Мандельштама. Мы не стали бы отзываться на эту рецензию, если бы дело было в нашей несогласии с мнениями и оценками Г. Иванова. Но речь идет не об этом, а о ряде делаемых им необоснованных утверждений, порой просто свидетельствующих о том, что он не потрудился как следует прочесть рецензируемую им книгу. Только поэтому мы считаем своим долгом — хотя бы и с опозданием, вызванным чисто внешними причинами, — ответить на рецензию Г. Иванова по основным ее пунктам.

1) Г. Иванов пишет об одном из редакторских примечаний к стихам Мандельштама: «Цитируя две разрозненные строчки, примечание говорит по поводу них: «Очевидно у автора бродила мысль о какой-то поэме». Почему «очевидно» — никак не поясняется. Такое «чтение посмертных мыслей» — скорее спиритический чем исследовательский прием», и т. д. Между тем, если раскрыть «Собрание сочинений» Мандельштама на стр. 376-77, там можно прочесть в примечаниях к стихотворениям «Как тело маленькое» и «А небо будущим беременно», что они, вместе со стихотворением «Ветер нам утешение принес», опубликованы Мандельштамом в сборнике 1923 г. «Лёт» в качестве небольшой — без заглавия — поэмы. Указаны точно распорядок строк, все разночтения, нумерация маленьких «подглавок». Две «разрозненные» строчки, приведенные в разночтениях, — это именно разночтения с последующими публикациями. Но так как в «Стихотворениях» 1928 года все эти три стихотворения опубликованы в качестве самостоятельных произведений, мы и не могли утверждать решительно, что автор думал о соединении трех стихотворений в одну поэму, и выразились осторожно: «Очевидно, у автора бродила мысль о какой-то поэме или цикле стихов». Г. Иванов обрывает конец нашей фразы, извращая характер достаточно обоснованного и отнюдь не голословного примечания.

2) Г. Иванов пишет: «Отец [Мандельштама], видимо говоривший и писавший на плохом русском и немецком языке», — сообщает в «Опыте биогра-

фии» Глеб Струве». Г. Иванов считает, что это предположение не соответствует действительности. Между тем это осторожное (отсюда и «видимо») замечание Г. П. Струве прямо основано на словах самого Осипа Мандельштама: «У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие. Русская речь польского еврея? — Нет. Речь немецкого еврея? — Тоже нет. Может быть, особый курляндский акцент? — Я таких не слышал». И немного дальше: «...причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза — это было всё, что угодно, но не язык, всё равно — по-русски или по-немецки» («Собрание сочинений», стр. 218). Кому же мы должны верить? Г. Иванову — или самому О. Э. Мандельштаму?

3) «Стихотворение «В пол-оборота, о печаль» всегда носило заглавие «Ахматова» Как было не восстановить это заглавие, так «освещающее» стихотворение? Если даже позднее оно было опущено — чего из примечаний не видно — всё равно следовало восстановить», — пишет Г. Иванов. В нашем предисловии к «Собранию сочинений» очень точно изложены принципы, положенные в основу издания: «В основной корпус вносились последние авторские редакции, за исключением случаев, когда изменение редакции было вызвано не художественными, а цензурными соображениями. Тогда принималась более ранняя и «свободная» редакция произведения. Все разночтения и варианты приведены нами в конце книги». То же относится, конечно, и к заглавиям стихов. И вот, в последней публикации этого стихотворения, в «Стихотворениях» 1928 г., заглавие снято. В то время, правда, нечасто уже, Ахматова еще появлялась в печати, имя ее не было «запретным», и потому для восстановления заглавия у нас не было достаточных оснований — у Мандельштама могли быть свои причины его снять. Но в примечании на стр. 371 — наперекор голословному утверждению Г. Иванова — можно прочесть: «Впервые в «Камне» 1916, затем — в «Камне» 1923, в обоих случаях под названием «Ахматова».

4) «Среди множества малоинтересных разночтений не приведено почему-то как раз имеющее интерес. В стихотворении «Невыразимая печаль» строка 11-ая первоначально читалась так: «И потянулась оживая». Мне кажется, именно так и было напечатано в «Аполлоне» 1911 г.» — пишет Г. Иванов. Между тем, если бы автор рецензии внимательно ознакомился с рецензируемой им книгой, он увидел бы в примечании на стр. 369, что строка эта в кн. 9-й «Аполлона» за 1910 г. читается: «И упоительно живая».

5) «Более чем сомневаюсь — пишет Г. Иванов — чтобы Мандельштам, не любивший — и не умевший — переводить стихами, решился перевести заново отрывки «Grande Testaments» и «Баллады о дамах прошлых

времен» после Гумилева, мастерской перевод которого, напечатанный в «Аполлоне», был ему отлично известен».

Это заявление Г. Иванова ничего кроме изумления вызвать не может. В библиографии нашего издания, на стр. 396, прямо указана книга, в которой напечатаны эти переводы Мандельштама из Виллона — «Поэты французского Возрождения». Дан год издания, указаны точно страницы и пр. Если удастся нам выпустить приготовленный нами к печати второй том Мандельштама, Г. Иванов сможет и прочитать мандельштамовский перевод, в существовании которого «больше чем сомневается», и судить о его качестве.

б) «Задам все-таки редакторам «Собрания сочинений» под конец еще вопрос. В своем коллективном обращении они, перечисляя несколько имен... благодарят их за помощь в своей «нелегкой работе». Спрашиваю, не облегчилась ли бы эта работа, если бы редакторы, кроме названных лиц, обратились за советом и помощью еще и к некоторым другим?.. Вот, кстати, небольшой пример. Примечание № 179 гласит: «РЕЙМС И КЕЛЬН — стихотворение нами не разыскано. Два последних катрена стихотворения, помещенные нами, взяты из статьи Георгия Иванова «Военные стихи» — «Аполлон», 1915, кн. 4-5, стр. 85»... Если бы вместо утомительных — и бесплодных — «розысков» редакторы обратились непосредственно к нему (Г. Иванову) — обратной почтой получился бы исчерпывающий ответ: «Не ищите, «первых катренов» РЕЙМСА И КЕЛЬНА никогда не существовало. Восемь строк, напечатанные в моей статье, и есть «Реймс и Кельн» целиком». — Так выговаривает Г. Иванов редакторам Мандельштама в конце 1955 года. А указанное нами в примечании место в его статье в «Аполлоне» 1915 г. гласило: «Реймс и Кельн» О. Мандельштама грешит риторикой, но последние строки этого стихотворения совсем хороши:

...Но в старом Кельне тоже есть собор,
Неконченный и всё-таки прекрасный,
И хоть один священник беспристрастный,
И в дивной целости стрельчатый бор;
Он потрясен чудовищным набатом.
И в грозный час, когда густеет мгла,
Немецкие поют колокола:
«Что сотворили вы над Реймским братом!»

Что это? Целое стихотворение, так и начинающееся с многоточия и «но»? О каких «последних строках» говорил Г. Иванов сорок лет тому назад? Каждому, прочитавшему это место в статье Г. Иванова, должно

быть ясно, что эти две строфы — конец более длинного стихотворения.

Добавим к этому, что среди лиц, за необращение к которым упрекает нас Г. Иванов, есть и такие, с которыми мы были в переписке в процессе работы над изданием, например, С. К. Маковский. Если мы не обратились к Г. Иванову, то для этого у нас были свои основания: мы боялись «исчерпывающих» ответов, подобных вышеприведенному.

7) «Почему не все стихотворения из «Гиперборея» включены в «Стихотворения 1910-1923 гг.»? — грозно вопрошает нас Г. Иванов. Да просто потому, что — несмотря на очень упорные розыски (в которых нам оказал большое содействие Ю. К. Терапиано) нами найдены за рубежом только номера 5, 7 и 8 этого журнала. Не было нами найдено и указаний на наличие стихов Мандельштама в каком-нибудь другом номере. При этом мы оговариваем, что нами не разысканы еще многие журналы и альманахи, в которых — мы знаем это по рецензиям и библиографическим справкам — имеются стихи и прозаические произведения Мандельштама. Мы указывали эти альманахи и журналы в нашей библиографической справке, часто не зная даже, какие именно произведения Мандельштама там помещены. В таких случаях нами приводятся только название издания, его выпуск и год. Так именно обстоит дело с возмущившим Г. Иванова «Абраксасом». Не нашли мы также сборника стихов «Московские поэты» (изданного в Великом Устюге!), сборника «Тринадцать поэтов» (о нахождении там стихотворения «Зверинец» знаем из рецензии на этот альманах), альманаха «Возрождение», журналов «Гермес» (Киев), «Паруса», многих номеров журнала «Россия», журнала «Творчество», альманаха «Сирена» (Воронеж) и даже 9-й книги «Северных Записок» за 1913 г. Нелегко найти многие из повременных, да еще иной раз провинциальных, изданий в библиотеках русского Зарубежья, в книгохранилищах Запада и Америки! Так, нам не были известны приводимые рецензентом два политических стихотворения Мандельштама. Но не правильнее ли было бы со стороны Г. Иванова, не ограничиваясь отрывками, указать — где именно они опубликованы, или привести их в своей рецензии целиком? Мы честно сказали в предисловии к «Собранию сочинений» («Собранию, а не «Полному собранию»), что «в не разысканных нами альманахах и журналах имеется, очевидно, еще некоторое количество неизвестных нам стихов поэта». Почему мы всё-таки считали необходимым включать в библиографию и те альманахи и журналы, которые нами не обнаружены? Да просто потому, что эти справки помогут будущей работе по собиранию наследия Мандельштама, как нам помогли

библиография Владиславлева и другие справочные издания. По той же причине мы поместили в книгу и все известные нам разночтения и варианты, не считаясь с эстетической стороной издания. Нужно было использовать редкую в условиях эмиграции возможность — сохранить от полного исчезновения и гибели возможно большее число мандельштамовских текстов и материалов о Мандельштаме.

Что касается не включенных нами в книгу четырех последних статей из книги «О поэзии» и ряда других материалов, собранных нами, мы надеемся их издать дополнительным томом, о чем также писали в предисловии. Упрек автора рецензии, что вместо библиографии с ее «Абраксамами» можно было напечатать остальные четыре статьи из книги «О поэзии», неоснователен. Во-первых, в издании, стремящемся сохранить всё, что возможно, о Мандельштаме, библиография неизбежна и абсолютно необходима, а во-вторых, она занимает всего восемь страниц. Стесненные техническими требованиями издательства имени Чехова — не более 416 страниц в книге — редакторы не могли вместить в книгу больше того, что они вместили. И восемь страниц, отданные под библиографию, не помогли бы: вся книга «О поэзии» всё равно не уместилась бы в наш том.

8) Г. Иванов упрекает нас за то, что в биографическом очерке о Мандельштаме ничего не сказано о его несчастной женитьбе и о его «горячо любимой дочери Липочке». Эти упоминаемые Г. Ивановым факты из биографии Мандельштама в момент составления нашего биографического очерка не были, по-видимому, известны многим лицам, интересовавшимся Мандельштамом и писавшим воспоминания о нем — например, С. К. Маковскому, который уже позже писал Г. П. Струве, что был поражен, узнав, что Мандельштам был женат. Сам Георгий Иванов умолчал об этих фактах в своих воспоминаниях о Мандельштаме. Наш биографический очерк представлял собой первый опыт биографии Мандельштама и был составлен главным образом на основании опубликованных материалов, и пропуски и промахи в нем были неизбежны.

Мы знаем, что недостатков в нашей редакторской работе много — их и не может быть мало: Мандельштама до нас никто не «собирал», собрание его сочинений издано впервые. Но как раз настоящих недостатков и ошибок Г. Иванов не заметил, а придрался к мнимым, обнаружив при этом плохое знакомство с рецензируемой им книгой.

Глеб Струве Борис Филиппов
(Новый журнал. 1956. № 45. С.296 – 300)

ОТВЕТ г. г. СТРУВЕ И ФИЛИППОВУ

Отвечаю г. г. Струве и Филиппову

1. Из моей рецензии в этом месте редакцией было выпущено несколько слов. Этот пропуск, впрочем, нисколько не уменьшает основательности моего вопроса: почему, собственно, *очевидно*? Ответ г. г. редакторов этого не разъясняет, а, напротив, вносит еще большую неразбериху. «Но так как в «Стихотворениях 1928 г.» все эти три стихотворения опубликованы в качестве самостоятельных произведений, мы и не могли *утверждать решительно*... а выразились *осторожно*: «Очевидно, у автора бродила мысль о какой-то поэме»... Не могу не указать, что «очевидно» по-русски значит: несомненно, безусловно. А отнюдь не: возможно, вероятно и т. д. *Очевидно* по-русски является *решительным утверждением* (употребляю плеоназм г. г. редакторов), не содержащим в себе никакой *осторожности*. А что в догадках, домыслах и предположениях *очевидности* быть не может, очевидно всем и каждому.

2. «Отец Мандельштама, видимо, говоривший на плохом русском языке» — это замечание г. Струве основано «на словах самого О. Мандельштама». Только г. Струве не принял во внимание, что слова эти взяты из очаровательной «Египетской марки» — одного из редких образцов русской сюрреалистической прозы. Принимая за истину все ее фантастические и стилистические вычурности, можно счесть, например, «в не по чину барственной шубе» — фотографически точным портретом одного из основоположников символизма, директора Тенишевского училища В. В. Гиппиуса-Бестужева. И, ссылаясь «на слова самого Мандельштама» — «литератор-разночинец», настаивать на «плебействе»

В. В. Гиппиуса-Бестужева. Повторяю, отец Мандельштама *отлично говорил по-русски*. Разумеется, его подлинный отец, а не тот, прошедший «сквозь магический кристалл» «Египетской марки».

3. «Вполоборота, о печаль...» То же недоумение что и я, выразил и Г. В. Адамович в номере 6-ом «Опытов». Для краткости отсылаю г. г. редакторов к заметке Г. В.

Адамовича, такого же, как я, участника тогдашней литературной жизни.

4. Охотно верю, что в «Аполлоне» 1911 г. была напечатана указанная г. г. редакторами строка, а не «потянулась, оживая». Возможно,

что она в первом «Камне» изд. «Акмэ» 1913 г. Я ведь писал: «мне кажется». Мандельштам часто делал по несколько вариантов одной и той же строки. Мое указание на «новшество», возбудившее спор в «Цехе», от этого ничуть не теряет своего значения.

5. Мое сомнение в том, что Мандельштам действительно перевел отрывок из «Grande Testaments» и «Балладу о дамах прошлых времен», вызвало в г. г. редакторах изумление. Между тем сомнение, высказанное мной, основано на очень близком знании Мандельштама, с его достоинствами и слабостями. Сомневаюсь. И даже очень сомневаюсь. Не в самой «публикации» в каком-то сборнике. Мало ли что мог напечатать Мандельштам, лишь бы рукопись была принята и оплачена... Мандельштам, молитвенно-серьезно, с какой-то иступленной честностью относившийся к своему творчеству, сутками не выходивший из дома, поглощенный шлифовкой какой-нибудь строфы, — с поразительным, чисто детским легкомыслием относился ко всему, что он считал «халтурой». А переводы как раз и входили для него в это понятие. Когда зимой 1920 года Мандельштам вернулся в Петербург, ему, естественно, сейчас же предложили заняться стихотворными переводами для горьковской «Всемирной литературы». Переводами в те голодные годы кормились решительно все поэты. Но тут неожиданно выяснилось, что Мандельштам, несмотря на свой огромный талант, лишен самой элементарной способности рифмованно передавать чужое. Ни уроки общепризнанного мастера переводов М. Л. Лозинского, ни советы и помощь Гумилева не привели ни к чему. Справиться с работой, легко исполнявшейся учениками-студентами, он так и не смог. И, несмотря на то, что членами коллегии были его ближайшие друзья, ни один из переводных опытов Мандельштама не был принят. Неудачи эти очень огорчали Мандельштама. В заработке он нуждался еще больше остальных. Однажды он торжественно принес Гумилеву рукопись: «Вот, оды Китса!» — Гумилев удивился: «Но ведь ты не знаешь английского?» — «Мне сделали подстрочник!» Перевод оказался отчаянным. Гумилев, просмотрев его, взялся за Мандельштама: «Осип, признавайся, откуда ты взял это?» И Мандельштам «признался». Перевод ему вручила знакомая барышня, мечтавшая увидеть его напечатанным, хотя бы под псевдонимом, только бы напечатали. Гонораром она не интересовалась. «Гонорар мне! А Мандельштам чем не псевдоним?» — старался он убедить Гумилева. Это вспомнившееся мне, долго тогда смешившее всех нас «А Мандельштам чем не псевдоним?» — и заставило меня усумниться

не в самой «публикации», а в подлинности авторства Мандельштама. Повторяю, что перевод виллоновской «Баллады...» представляет совершенно исключительные трудности. Ее, взаимно состязаясь, перевели два такие искусника перевода, как Брюсов и Гумилев, и мне не верится, чтобы Мандельштам взялся переводить ее заново.

6. «Реймс и Кельн». Отсылаю г. г. редакторов к вышеупомянутой заметке Г. В. Адамовича (там же и о «Чадаеве»), Прибавлю только, что в свой очередной обзор в «Аполлоне» 1915 г. я включил эти две, нигде не напечатанные, строфы по просьбе самого Мандельштама, снабдив их «для проформы» Мандельштамом же придуманным замечанием о «риторичности» несуществующего начала стихотворения. Было это 40 лет тому назад. Мы были молоды и любили «веселость едкую литературной шутки».

7. «Добавим к этому, что среди лиц, за не обращение к которым упрекает нас г. Иванов, есть такие, с которыми мы были в переписке в процессе работы над изданием, напр., С. К. Маковский.» Догадаться, что с С. К. Маковским г. г. редакторы «были в переписке в процессе работы над изданием», я действительно не мог—редакторского «спасибо за помощь» С. К. Маковский почему-то не заслужил. Единственное упоминание в связи с «работой над изданием» маститого редактора «Аполлона» находим на стр. 377 № 170: «Взято из книги С. Маковского «Портреты современников». Судя по характеру и стилю, стихотворение это Мандельштаму только приписывается». Кстати, стихотворение это, по моему мнению, типично мандельштамовское, хотя, конечно, не из лучших. «За высокое племя людей...», «Мне на плечи кидается век-волкодав...», «Чтоб сияли всю ночь голубые песцы...» — характерные мандельштамовские интонации и словарь.

8. «Почему не все стихотворения из «Гиперборея» включены в «Стихотворения 1910—1923 гг.»,— грозно спрашивает г. Иванов.» Недоумеваю — в чем, собственно, г. г. редакторы усмотрели «грозность»? Г.г. редакторы утверждают, «что, несмотря на очень упорные розыски», ими найдены «за рубежом» только три номера «Гиперборея». Знаю, что в Париже имеются и другие номера. Года полтора тому назад мне пришлось перелистать некоторые со стихами Мандельштама, не включенными в «Собрание сочинений». Среди прочих:

Хлеба, серебряные рыбы,
Плоды и овощи простые,
Крестьяне—каменные глыбы
И краски темные, живые.

9. «Не правильнее ли было бы со стороны г. Иванова, не ограничиваясь отрывками, указать, где именно они опубликованы, или привести (?) их в своей рецензии целиком?» Но почему, собственно, мне следовало в моей рецензии «не ограничиваясь отрывками, указать, где именно они опубликованы (?), или привести их целиком»,— для меня неразрешимая загадка...

«Мы указываем эти альманахи и журналы, часто не зная даже, какие произведения Мандельштам там помещал»,— заявляют г. г. редакторы. Позволю себе усумниться не только в том, что такая библиография «неизбежна и абсолютно необходима», но и в правильности избранного г. г. редакторами метода. Когда изредка «трудные поиски» «Абракасов» и велико-устюжских «Сирен» увенч(ив)аются успехом — что мы из них узнаем?.. «Сборник «Тринадцать поэтов» (о нахождении там стихотворения «Зверинец» знаем из рецензии на этот альманах)»... Что из этого следует? Какой смысл «устанавливать», что «Зверинец», одно из знаменитейших стихотворений «Tristia», появился впервые в «Тринадцати поэтах»? «Упомянутые г. Ивановым факты из биографии... не были, по-видимому, известны многим лицам...» Мало ли что из биографии Мандельштама не было известно не только «многим лицам», но и самим г. г. редакторам! Не моя вина, что они не подозревали о женитьбе Мандельштама и его дочери Липочке — факты, на которые ясно указывает стихотворение № 181, помеченное 1923 г.— годом рождения его дочери — и не снабженное в «Собрании сочинений» никакими комментариями. «Сам г. Иванов *умолчал* об этих фактах в своих воспоминаниях о Мандельштаме.» Мало ли что я еще знаю и о чем «умолчал» в моих полубеллетристических фельетонах, из которых составились «Петербургские зимы»? Известие о женитьбе Мандельштама, удивившее весь тогдашний литературный Петербург, привез из Москвы весной 1922 года Корней Чуковский. Вскоре, осенью того же года, перед своим отъездом за границу, я в Москве прощался с Мандельштамом и познакомился с его женой. Позднее, уже в Париже, от наезжавших сюда из России общих знакомых — Альтмана, Мейерхольда, Миклашевского, я слышал разные грустные и даже трагические подробности о судьбе этого брака.

Георгий Иванов
(Новый журнал. 1956. № 45. С.301 – 304)

НА ВОЗДУШНЫХ ПУТЯХ: О РАСПРОСТРАНЕНИИ ВЕСТЕЙ И О НЕВИДИМОЙ СТОРОНЕ ТАМИЗДАТА

1

В своих «Воспоминаниях» Надежда Мандельштам рассказала все то, что ей удалось разузнать о смерти Осипа Мандельштама. Ее книга дает представление и о том, как достигали ее эти сведения, о личных встречах или о переписке с самыми разными очевидцами. Некоторые свидетельства не попали в круг ее зрения³, иные обнаружили или были опубликованы уже после ее смерти. Попытка свести все известное воедино и критически проанализировать была предпринята нами в книге «С гурьбой и гуртом...»⁴ и в предшествовавших публикациях. Но речь в ней шла о распространении вести именно внутри СССР – о загранице там ни слова.

Разумеется, это весть докатилась и до заграницы, но шла туда она долго и сложно. Первой обобщающей сводкой об этом явилась статья Р. Тименчика «О мандельштамовской некрологии» (1997)⁵. Тема была продолжена в публикациях Л. Кациса⁶ и Н. Богомолова⁷, а также Д. Зубарева⁸ и пишущего эти строки⁹.

³ А одно было ей проигнорировано.

⁴ Нерлер П. «С гурьбой и гуртом...» (Хроника последнего года жизни О.Э.Мандельштама). М.: Радикс, 1994 [1995] 112 с.

⁵ Впервые: Даугава. 1997. № 2. С. 132–138 (в переработанном виде перепеч. в кн.: Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. С. 550–566.

⁶ Кацис Л. Борис Николаевский о судьбе Осипа Мандельштама: к проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946) // Вестник РГГУ. Сер.: Журналистика. Литературная критика. 2008. №11. С. 143-149. Второй раз – в рецензии на книгу П.Нерлера: Кацис Л. О «делах», жизни и судьбе Осипа Мандельштама // ВЛ. 2011. № 2. С. 330-362. Полный вариант этих статей см.: Кацис Л. Смена парадигм и смена Парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М., 2012. С. 170-186.

⁷ Богомолов Н. Что видно сквозь «железный занавес» // Новое литературное обозрение. 2009. №100. С.367-376

⁸ Зубарев Д. Вести о гибели: из Конница в Биарриц и обратно // Другой гид. 2010. № 12. С.32-33.

⁹ Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений / При участии Д.Зубарева и Н.Побоя. Ред.: С.Василенко. М.: Петровский парк, 2010. С.158-164. Книга, вышедшая в 2010 году, была завершена еще в 2008 году. См. также несколько более раннюю публикацию соответствующей главы: Нерлер П. «Сарафанная почта»: вести и слухи о смерти Осипа Мандельштама // Пермьяковский сборник. М.: Новое издательство, 2010. Ч. 2. С. 548-560.

Крайне интересно, что самым первым по времени и довольно точным (наполовину!) источником информации о смерти О.М. мог бы стать Иванов-Разумник. 25 апреля 1942 года, отвечая Георгию Иванову на его «вопрос об Ахматовой, Лозинском и Мандельштаме», Иванов-Разумник писал: «*Последний — погиб в ссылке (в Воронеже, в сумасшедшем доме) еще в 1937— <193>8 году*»¹⁰.

Мог бы стать, но не стал. Эта информация еще 60 лет оставалась «глухонемой»: ни один из корреспондентов не сделал ее достоянием общест-венности. Особенно странно это для Г. Иванова, боготворившего О.М. (в эстетических святцах Иванова-Разумника Мандельштам, напротив, был пигмеем). Еще труднее понять Г.Иванова там и тогда, когда спустя 11 лет ему все же пришлось как-то соотнестись с обстоятельствами смерти поэта. В очерке «Закат над Петербургом» (1953) он описал ее совершенно иначе: «*О его трагической смерти известно только, что он выбросился из окна, чтобы избежать “окончательной ликвидации”*». Он явно отталки-вался от другого источника, показавшегося, возможно, более солидным¹¹.

Публичным известие о смерти Мандельштама стало лишь в 1945 году, хотя, вероятно, и до конца войны. 30 апреля 1945 года в Париже со-стоялся вечер, на котором с воспоминаниями выступил Константин Мочульский. Одним из главных персонажей был О.М., названный докладчиком «самым замечательным из современных русских поэтов после Блока»¹². Но о том, жив он или нет, докладчик просто не знал.

Однако тогда же, весной 1945 года, об О.М. сообщалось и то, что он погиб в полуизгнании где-то в Крыму: явное уподобление Вергилию!¹³

Примерно тогда же в Париже обнаружилось сразу два вероятных «источника» этих и других сведений о репрессированных или умер-ших писателях. Первый – это режиссер Театра им. Ленсовета и дальний родственник О.М. Сергей Эрнестович Радлов, захваченный немцами вместе с группой в Пятигорске и докочевавший вместе с ней до Па-

¹⁰ Встреча с эмиграцией: из переписки Иванова-Разумника 1942-1944 годов / Публ., вступит. статья, подготот. текста и комм. О.Раевской-Хьюз. М.-Париж, 2001. С.27-30.

¹¹ О нем еще будет сказано ниже.

¹² Мочульский К. О.Э. Мандельштам // Встреча. Париж, 1945. С. 30–31. Автор, учившийся вместе с О.М. в Петроградском университете, тогда еще не знал его стихов 1930-х гг. Впрочем, точной даты лекции Мочульского мы не знаем. Об О.М., наряду с Маяковским, Есениным и Ахматовой, говорил в Париже и Г. Адамович (октябрь 1945 г.), но из отчетов неясно, что именно было известно лектору о смерти поэта.

¹³ См. в послесловии Сержа Карски (Serge Karsky) к сделанной им подборке пе-реводов из трех стихотворений О.М. – первой в послевоенной Франции (Poésies. 1945. Avril – Mai. No 24. P.17-18).

рижа. Второй – дипломат-перебежчик Михаил Михайлович Коряков, бежавший в 11 марта 1946 года. В интервью первой газете «Русский патриот», опубликованном 3 марта 1945 года, имеется фраза: «Скончался поэт О.Э. Мандельштам (вне Ленинграда)»¹⁴. Коряков, по предположению Р. Тименчика, стал источником информации для другой парижской газеты – «Последние новости»: «Поэт Осип Мандельштам скончался в г. Ельце»¹⁵. Он же говорил Шмелеву о смерти в ссылке Мандельштама и Клюева и об «исчезновении» Пильняка¹⁶.

Мифическая «информация» о Ельце с той поры долго еще сопровождала посмертную легенду об О.М. на Западе. Так, она пересекла океан и из Парижа перекочевала в Нью-Йорк, в заметку Андрея Седых (Я. Цвибака), лично знавшего О.М. еще по врангелевской Феодосии: «Коротенькая телеграмма: «В Ельце умер поэт Осип Мандельштам». Почему в Ельце? Жизнь безжалостно трепала Осипа Мандельштама, несла его, как щепку, попавшую в водоворот, и всегда выбрасывала где-нибудь в глухом, неожиданном месте»¹⁷

В № 1 выходившего в Нью-Йорке «Социалистического вестника» за 1946 год О.М., на пару с Н. Эрдманом, стал героем обзора Б. Николаевского¹⁸. Наряду с совершенно фантастическими сведениями об аресте О.М.

¹⁴ С.М. Беседа с ленинградцем // Русский патриот (Париж). 1945. 3 марта. Личности как «ленинградца», так и интервьюера-парижанина (поэта М.А. Струве) убедительно атрибутированы Р. Тименчиком (Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. С. 551–554. Подробный анализ текстов М. Корякова о судьбе Мандельштама, включая его переписку по этому поводу с Г.П. Струве, а также историю изданий О. М. в широком контексте эдичионной деятельности Г.С. и Б. Ф, совпавшей с эпической битвой вокруг «Доктора Живаго» Б. Пастернака см. в книге Л. Флейшмана «Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»: Борис Пастернак и «холодная война» // Stanford Slavic Studies. Vol. 38. Stanford, 2009. P. 25-27, 34-36, 403-405 и по указателю).

¹⁵ Б.Б. [Б. Бродский] Литературная Москва. Беседа с приезжим // Русские новости (Париж). 1945. 15 июня.

¹⁶ Шмелев рассказал это Р. Гулю, а Гуль сообщил Б.И. Николаевскому (в письме от 25 июля 1945 г.).

¹⁷ Седых А. Осип Мандельштам // НРС. 1945. 12 авг.

¹⁸ Николаевский Б. [«Преступление и наказание» поэта О. Мандельштама. Из летописи советской литературы // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 1. 18 янв. С. 21–25. Этой публикации предшествовал своеобразный «анонс» в выпуске того же журнала за 10 ноября 1945 г.: «В редакцию С.В. поступили материалы о судьбе ряда писателей в Советской России: в частности, сообщены подробности ссылки и гибели Мейерхольда, убийства его жены Зинаиды Райх, расстрела Пильняка, самоубийства Марины Цветаевой, заключения в централ, покушения на самоубийство и долгих скитаний поэта О. Мандельштама и др.»

за эпиграмму на Сталина она содержит и ряд достоверных деталей, восходящих, по некоторым предположениям, не к кому-нибудь, а к Бухарину, с которым Николаевский встречался в 1936 году по вопросам о судьбе рукописей К. Маркса¹⁹. К «фантастике» относится, в частности, утверждение о том, что Сталин сам допрашивал столь дерзкого поэта и засадил его в Курский централ, о выбрасывании из окна с третьего этажа — попытке самоубийства О.М., закончившейся сломанными ногами и инвалидностью: передвигаться О.М. мог только на костылях. После этого-де Сталин «смиловатился и отдал распоряжение об отправке Мандельштама в ссылку, под надзор. Местом ссылки был назначен город Елец (недалеко от Орла). Мандельштаму было разрешено для заработка работать в местной газете, — в «Известиях» местного Совета, но только под псевдонимом. Писать в центральных изданиях разрешено не было, — равно как не было разрешено вообще печатать стихи... Не пиши эпиграмм!

В таком положении дело находилось в 1941 году, — перед началом войны. Осенью 1941 года Елец был занят немцами, и в литературных кругах Москвы поползли туманные слухи о гибели Мандельштама. После изгнания немцев из Ельца слухи эти получили полное подтверждение, — но никаких подробностей не оглашено. Вначале слухи говорили, что в спешке эвакуации М. не успели вывезти; сам он уйти на костылях, конечно, не мог, — а потому попал в руки немцев и уничтожен ими, как еврей. Но теперь всё настойчивее говорят, что обстановка гибели была совсем другой: для эвакуации действительно не было времени, но у НКВД была совершенно «твердая» инструкция никого из политических поднадзорных на месте не оставлять, а в случае невозможности эвакуации уничтожать. Тот факт, что М. был секретарем официальной газеты, положения не менял, — и агенты НКВД точно выполнили предписание инструкции...

Так или иначе, но М. погиб в Ельце, и эта гибель была заключительным звеном тех испытаний, которые на него обрушились за составление эпиграммы на Сталина... Можно ли в истории многострадальной русской литературы найти хотя бы одного поэта, который так дорого заплатил бы за эпиграмму на какого-либо самодержца?»²⁰

¹⁹ Кацис Л.Ф. Борис Николаевский о судьбе Мандельштама. К проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946 г.) // Вестник РГГУ. Сер.: Журналистика. Литературная критика. 2008. № 11. С. 143–149.

²⁰ Николаевский Б. «Преступление и наказание» поэта О. Мандельштама. Из летописи советской литературы // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 1. 18 янв. С. 23. По остроумной догадке Л.Кациса часть допущенных неточностей на самом деле — сознательная дезинформация, призванная замаскировать источник сообщения.

В № 6 того же издания — анонимная поправка к сообщенному Николаевским:

...Ваши сведения о поэте Мандельштаме не вполне точны: он погиб, но в несколько иной обстановке. Из Ельца он был освобожден в 1939 году, когда Берия освободил из ссылки ряд писателей, артистов и т. д. Зимой 1939–1940 годов он прожил в Москве и, несмотря на физическое нездоровье, был в очень бодром, оживленном настроении. Много писал, — и люди, которые читали его стихи этого периода, в один голос говорят, что это была пора расцвета его творчества. В конце 1940 года Мандельштам попал под новую полосу арестов и после нескольких месяцев тюрьмы был отправлен на Колыму. До Магадана не дошел: в пути схватил тиф и умер где-то на Дальнем Востоке, в тюрьме.²¹

Здесь уже хотя бы нет Холокоста и, если Елец²² заменить на Воронеж, Москву на Калинин, а 1939–1940 на 1937–1938 годы, то верна и общая последовательность событий (бесценно здесь указание на взлет его творчества накануне смерти).

«Коряковско-елецкая версия» не без труда, но узнаваема и в изложении Эммануила Райса, в 1949 году записанном с его слов С. Маковским: О.М. *«написал эпиграмму на Сталина и прочел ее своим друзьям-поэтам: Пастернаку, на дому которого это было, и трем другим. ГПУ, однако, тотчас было осведомлено об этой политической шалости Мандельштама. Он был арестован. Тогда начались за него хлопоты. Дело дошло до Сталина. Ходатаи за Мандельштама ссылались на то, что он, хоть и немного написал, но является самым гениальным из современных поэтов. Сталин, будто бы, лично заонил по телефону Пастернаку и спросил его, правда ли это? Пастернак так опешил от звонка самого “отца народов”, что не сумел защитить репутацию Мандельштама... Его выслали на юг России (может быть в Эривань, которой посвящено одно из его поздних стихотворений?). Он оставался в этой ссылке до 39 года, когда ему разрешили вернуться в Москву. В этот приезд свой он читал какие-то свои стихи, будто бы всех поразившие блеском. Затем поэт опять оказался где-то в провинции, там и застала его война. При наступлении*

²¹ Еще о гибели поэта Мандельштама. (Из письма) // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 6. 21 июня. С. 157.

²² Кстати, бывший под оккупацией всего 5 дней! (Богомолов Н. Что видно сквозь “железный занавес” // Новое литературное обозрение. 2009. №100. С.367-376).

*германских войск он с перепугу собирался бежать куда глаза глядят, выскочил во двор дома, где проживал, и сломал себе ногу. Как раз в это время оказались у дома немцы и пристрелили его (этот конец в 1941 году как-то мало вероятен, иначе бы большевики не замалчивали бы трагическую смерть поэта)*²³.

В 1951 году, в № 1 «Литературного современника», литературно-критического журнала «второй волны» русской эмиграции²⁴, имя О.М. встречается в публикации «Голоса погибших. Траурный список литераторов, убитых или сосланных на каторгу советской властью» — с пометой: «Умер в заключении»²⁵.

Возможно, что источником этих сведений был и сам Б.Филиппов. Ведь и у него имелась своя версия — та, которую он впервые сообщил Г.С. еще в 1954 году, а потом несколько раз повторял — тому же Струве и некоторым другим, например, К.Брауну. Основывалась она на рассказе пианистки и профессора Московской консерватории Марии Вениаминовны Юдиной — большого друга О.М. и, по словам Б.Ф., самого Б.Ф., который виделся с ней в марте или апреле 1941 года в Ленинграде, куда он приехал нелегально из Новгорода. Рассказывая Б.Ф. о своем посещении О.М. в Воронеже, Юдина подчеркивала, что О.М. уже тогда произвел на нее впечатление умирающего от туберкулеза. Из-за этой болезни и по хлопотам родных, утверждала она, О.М. и заменили лагеря ссылкой в Воронеж, но с необходимостью отмечаться в комендатуре раз в неделю. От туберкулеза, согласно Юдиной, О.М. и умер в 1940 году, но уже не в Воронеже, а в каком-то воронежском областном райцентре (каковым, кстати, тогда был и Елец). Позднее, пересказывая эту версию К. Брауну, Б.Ф. добавил: «*Но по другим сведениям Мандельштам был захвачен в этом городе немцами и истреблен, как еврей*»²⁶

Началом 1950-х гг. датируется и явно фантастическая версия еще одного бывшего ленинградца — Валерия Завалишина, утверждавшего, что О.М. посадили даже не за эпиграмму на Сталина, а за стихот-

²³ Даугава. 1997. № 2. С. 131–132. Публикация О. Лекманова.

²⁴ Издавался в Мюнхене при поддержке Фонда интеллектуальной свободы (Fund for intellectual Freedom), основанного А. Кестлером и др. западными писателями для помощи писателям-беженцам.

²⁵ Литературный современник. Мюнхен. 1951. № 1. С. 45.

²⁶ Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Collection GEN MSS 334 (Boris Filippov Papers). Box 2. Folder 41.

ворение (или поэму) «Вий», имеющую, в его изложении, некоторое сходство разве что с «Четвертой прозой»²⁷.

Среди слухов, достигших эмиграции, был, по выражению Р. Тименчика, и самый желанный — слух о том, что О.М. всё еще жив. В августе 1955 года Ю. Тераписано сообщил Г. Струве именно такой слух: «*О.М. жив, но полуоглох, полуослеп. <...> Не очень верится, но в СССР всё возможно!*»²⁸

Да, все возможно, но Струве все же не поверил. Не поверил он и Филиппову.

В 1959 году, сославшись на «Социалистический вестник», он пере-сказал в «Дневнике читателя» воспоминания анонимного англичанина (скорее всего Исайи Берлина) о телефонном звонке Сталина Пастернаку по поводу О.М.: при этом общим и неизменно расплывчатым местом стало представление об аресте О.М. где-то 1937 году и о его смерти где-то в Сибири²⁹.

Комбинация точного и неточного (не путать с комбинацией лжи и правды: она все же подразумевает некое знание второй) сопровождала многоступенчатую передачу подобных слухов еще долго.

2

В мандельштамовском однотомнике 1955 года редакторы делали ставку на поиск и сбор того, что у Мандельштама было издано, — когда бы то ни было и где бы то ни было. Это распространялось и на «позднего Мандельштама», но ограничивалось теми же публикациями, пусть и малочисленными. Поэтому и просьбы у тандема к тем, кто ехал на какое-то время в СССР, были специфические и занудные — сходить в библиотеку и заказать фотокопии (фотостаты) таких-то и таких-то источников, о которых тандем уже знал, но которыми еще не располагал.

Единственное стихотворение в однотомнике без прижизненного источника — «За гремучую долю грядущих веков...» — залетело сюда тоже как бы из привычного места — из книги: в данном случае, из го-

²⁷ Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. С. 560–561.

²⁸ Его «автором» был, скорее всего, такой ненадежный источник как Юрий Трубецкой (Там же. С. 562).

²⁹ Струве Г. Сталин и Пастернак. [Дневник писателя] // НРС. 1959. 15 февр. С. 8.

товившейся в том же Чеховском издательстве книги Маковского. Редакторам было невдомек, что на самом деле оно было вестником из совершенно иного творческого периода и иного пространства. Ни о чем другом они просто не подозревали!

Догадка, а потом и осознание пришли спустя шесть лет, в 1960-м году, когда, – в разгар «долбления» о полном, как им казалось, мандельштамовском двухтомнике, – их стали наступать сначала слухи о неопубликованных и совершенно неизвестных поздних стихах О.М., а затем – то по одному, то стайками, а то и большими стаями – и сами стихи, воистину «наплывающие», по автохарактеристике поэта, «на русскую поэзию».

Переписка Струве и Филиппова 1960-х гг. пестрит слухами о списках позднего Мандельштама, вынырывающих в самых разных местах – то в Торонто (Борис Томсон?), то в Париже (Слоним? Никита Струве, получивший свой список из рук Анны Карив-Кишиловой?³⁰), то в Оксфорде (кто-то из учеников Оболенского?), то в Милане (Фельтриннели? Он же – со Слонимом?), то в Мюнхене и вокруг (Кленовский?), и даже в Стокгольме и Варшаве!

Рано или поздно, но на смену слухам о стихах должны были прийти и сами стихи. И они пришли, но не к одним только Струве и Филиппову – текстологическая колода была заново перетасована, и началась конкурентная борьба. Вся истории с Романом Гринбергом и его альманахом – ни что иное как одна большая иллюстрация к этому эдиционному капитализму. Но, по большому счету, периодика книжному делу не соперник, а скорее помощник. И даже чуточку жаль, что у «борисоглебцев» не нашлось в то время альтернативного подлинного конкурента в деле выпуска именно книг Мандельштама.

Увлеченные этой борьбой и замученные корректурами, Струве с Филипповым даже не заметили, как стали свидетелями – нет, участниками – самой настоящей революции – той, что произошла на контррабандных «воздушных путях».

Ибо установление в 1962 году первых воздушных мостов между ними, с одной стороны, и различными самиздатчиками, вплоть до вдовы Мандельштама и вдовы Гумилева, с другой, – впервые означало выход американского тандема энтузиастов к своей главной цели – возможно более полному корпусу мандельштамовских текстов.

³⁰ См.: Нерлер П. Три стихотворения Николая Кишилова об Осипе Мандельштаме // Сохрани мою речь... Вып.4. М., 2008. С.732-734.

Промежуточными опорами и станциями этих мостов были, в одном случае, Браун, в другом чета Кишиловых вместе с Н.Струве, в третьем – Малиа с Оксманом, в четвертом – Б. Томсон из Торонто. Дело это было деликатным и для некоторых из «быков»³¹ даже рискованным, поэтому перечень тех, кого редакторы первого тома «Собрания сочинений» выражают свою признательность, хотя и широк, но едва ли содержит все имена.

3

По понятным причинам, не было названо одно имя, которое в нормальных условиях должно было бы стоять впереди других – имя Юлиана Григорьевича Оксмана. Систематически, начиная с конца 1962 года, снабжая Г.Струве неизвестными текстами О.М. и биографическими сведениями о нем, он, в сущности, являлся третьей вершиной того незримого моста-«треугольника», вынужденно маскировавшегося под «тандем».

Без реальных людей, во плоти и крови, наладивших «воздушные пути» и передававших на Запад, наряду с крамольными политическими материалами («злойной антисоветчиной»), также и творческие документы эпохи – и прежде всего неподцензурные «самиздатские» стихи и прозу, – никакие «тамиздатские» издания были бы невозможны. Поэтому нечего и удивляться тому, что сама по себе передача чего бы то ни было на Запад котировалась в табели «антисоветских деяний» не как проступок, а как серьезное и уголовно сурово наказуемое преступление. По этой причине она была сопряжена с колоссальным риском для передающего: и мужеством брать на себя эту роль обладали очень немногие.

Роль Ю.Г.Оксмана как «источника» Г.П.Струве «полностью изобличается» его письмами 1962-1963 гг. к Г.П.Струве, хранящимися в архиве адресата в Гуверовском институте в Стэнфорде и опубликованными в 1987 году³².

Даже в той «плеяде русских филологов, преобразивших гуманитарные науки в XX веке» (выражение Л.Флейшмана) Ю.Г.Оксман выделялся

³¹ Опор.

³² Л.Флейшман. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве. // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 1. – Stanford, 1987. – С.16-70. Введение в научный оборот переписки Ю.Оксмана с западными коллегами было продолжено А.Б.Устиновым (см.: Устинов А.Б. Письма Ю.Г.Оксмана к Л.Л.Домггеру. // Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Л.Флейшмана. // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 8. Stanford, 1994. С.471-544).

широтой интересов и особенным, можно сказать, истовым пристрастием к архивному поиску. Стержнем его филологической работы была пушкинистика (он фактически возглавлял коллектив, готовивший юбилейное академическое собрание сочинений, но лично он встретил пушкинский юбилей на Колыме, после того как был арестован в 1936 году. В Москву он вернулся только через 20 (!) лет – сполна отбарабанив свою лагерную «десятку», а после освобождения (без реабилитации) в 1946 году еще столько же времени проведя в Саратове. В Институте мировой литературы им. М.Горького он проработал без малого восемь лет, будучи с головой занят подготовкой изданий Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Герцена, а таких знаковых серий как «Литературные памятники», «Литературное наследство» и «Краткая литературная энциклопедия», первый том который вышел в свет в 1964 году.

Новые репрессии грянули во второй половине 1964 года: обыск в квартире в августе и увольнение из ИМЛИ в ноябре, запрет на упоминание имени в публикациях и ссылках. Поводом для этого стали заметки в записной книжке американской славистки Екатерины Фойер (Kathryn Feuer), конфискованной у нее летом 1963 года при пересечении границы. Связь этих событий с передачей на Запад мандельштамовских (и не только) материалов очевидна.

Уже самый факт переписки Ю.Г.Оксмана и Г.П.Струве, как отмечает Л.Флейшман, имеет «чрезвычайный исторический вес». Немаловажно и то, что инициатором переписки был именно Оксман, в ноябре 1962 года (как бы на самом излете хрущевской «оттепели», оборвавшейся в декабре, после скандала на выставке «30 лет работы московских художников») обратившийся к Струве через американского профессора Н.Н., бывшего в то время в Москве на длительной стажировке³³.

С самого начала этого контакта Оксман, подчеркивает Л.Флейшман, *«...не представлял себе возрождения творческой самостоятельности и интеллектуальной свободы в советской России вне диалога и сотрудничества со “второй”, “зарубежной” Россией. Книги зарубежных русских издательств, работы эмигрантских ученых, проникавшие в Москву, доказывали, что культурное наследие, методически выкорчевываемое в период сталинского террора, заботливо сохранялось все эти годы “второй” Россией»*. И именно в этом контексте следует по-

³³ В частной беседе Л.С.Флейшман раскрыл его инкогнито: им был профессор Малиа, историк из того же Берклийского университета, что и сам Г.Струве.

нимать слова Оксмана о Струве как о «настоящем русском патриоте», произнесенные им еще в 1968 году³⁴.

Дополнительный штрих: в начале 1960-х гг. и среди «мужественных» людей (как бы мало их ни было) большинство отнюдь не считало, что западных издателей можно и нужно поддерживать материалами изнутри СССР. После истории с «Доктором Живаго» многие сознательно «...избегали личных контактов с заграницей и отрицательно относились к зарубежным публикациям, возлагая все надежды на процесс либерализации в Советском Союзе, на давление «самиздата» на советские инстанции»³⁵.

И в этом контексте поведение Ю.Г.Оксмана поистине уникально. Он, как отмечает Л.Флейшман, был «...одним из зачинателей того процесса преодоления барьеров между русской зарубежной и советской культурной жизнью, которое стало характерной чертой ситуации 60-х и 70-х годов»³⁶.

В своем первом же (многостраничном!) письме, откликаясь на переданную через Малиа просьбу Струве дать дополнения и поправки, Оксман привел массу сведений биографического, библиографического и текстологического характера, в том числе и список – с пропуском двух строк – антисталинской «эпиграммы» О.М. (которую и сам Оксман впервые услышал лишь совсем незадолго до этого – весной 1961 года).

Немедленно по получении письма от Малиа Г.С. написал Б.Ф.³⁷:

«Дорогой Борис Андреевич! Мой московский корреспондент объявился – не здесь еще, но в Западной Европе – и я сегодня получил от него интереснейший мандельштамовский материал, часть которого при сем прилагаю. Это, во-первых, стихотворение Мандельштама о Сталине, а во-вторых – письмо одного очень известного советского литературоведа, которого я не буду называть (он тоже был много лет репрессирован) к моему знакомому, из коего я пока прилагаю выдержку – непосредственную реакцию на нашего Мандельштама. Остальное письмо заключается в некоторых поправках и дополнениях

³⁴ Здесь и ниже: Л.Флейшман. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве. // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. – Stanford, 1987. – С.20.

³⁵ Л.Флейшман. С.20. Справедливости ради стоит заметить, что Н.Я.Мандельштам (упоминаемая Л.Флейшманом как одна из сторонниц такой позиции) сама установила собственные контакты с заграницей (с Н.А.Струве) по крайней мере в том же 1962 году.

³⁶ Л.Флейшман. С.21.

³⁷ Дата отсутствует. Датируется концом ноября или началом декабря 1962 г.

(главным образом орфографического характера) к нашему изданию и содержит кошмарный рассказ о последних днях сошедшего с ума О.Э. Эту часть письма я вышлю Вам как только перестукаю все. Во всяком случае, отзыв о нашем издании, исходящий из такого источника, более чем приятно читать. Думаю также, что вы можете дискретно использовать его в предпринимаемых Вами шагах к изданию более полного Мандельштама. Более того: мой знакомый, который вскоре едет снова на месяц-полтора в Москву, намекает на возможность получения для меня «полного» Мандельштама (т.е. полного рукописного наследия). Это, конечно, было бы замечательно).

Все сведения были введены в научный оборот Г.П.Струве в нескольких газетных и журнальных публикациях³⁸ и широко использованы при издании первого тома «Собрания сочинений», вышедшего в 1965 году.

Получив от Малиа (видимо, через посольскую почту) письмо Оксмана, Струве (и, видимо, тем же путем) прислал ответ, и уже 20 ноября 1962 года Оксман писал Струве вторично, откликаясь на это неизвестное нам письмо. После этого между самим «публикатором» и его «источником» завязалась оживленная переписка: всего в архиве Г.П.Струве сохранилось 15 писем (не считая копии одного из писем самого Струве), большинство из них написаны в ноябре-декабре 1962 и в самом начале 1963 года, после чего наступил 1,5-месячный перерыв (вызванный, по-видимому, отсутствием Малиа в Москве); последние письма датируются началом июня 1963 года, а самое позднее письмо было написано в середине 1965 года, когда волна репрессий против Ю.Г.Оксмана несколько схлынула.

Сначала задавал вопросы преимущественно Г.П.Струве, а Ю.Г.Оксман – преимущественно давал ответы, «подбрасывая» кое-что, – в том числе тексты, фотографии или рассказы, – по собственной инициативе. Переписка быстро выплеснулась из «мандельштамовских» берегов и распространилась на весьма широкий круг писателей, в частности, на Гумилева, Ахматову, Г.Маслова и многих других.

³⁸ См. целую серию статей и публикаций Г.П.Струве: Еще о судьбе Осипа Мандельштама. РМ, 5 февраля 1963 (подп.: Г.Стуков); Неизвестное стихотворение Осипа Мандельштама. // РМ, 21.02.1963 (подп.: Г.Стуков); Еще о судьбе Осипа Мандельштама. // РМ, 5.03.1963 (подп.: Г.Стуков); О судьбе Осипа Мандельштама. Письмо в редакцию. // РМ, 16.04.1963 (подп.: Г.Стуков); Новое о судьбе Осипа Мандельштама. // Мосты, 1963, № 10, с.150-169 (подп.: Г.Стуков); Осип Мандельштам о христианском искусстве. // РМ, 28.11.1963; Осип Мандельштам о христианском искусстве. /Вст.заметка к фрагменту Мандельштама <<Пушкин и Скрябин>>/. РМ, 28 ноября 1963.

Затем положение «выровнялось», и в свою очередь Струве стал поставлять Оксману различные сведения и публикации, нужные последнему для его работы над КЛЭ. 31 мая 1963 года Оксман писал из дома творчества в Ялте: *«А вообще без вашей информации, печатной и эпистолярной, документируемой даже самыми оттисками и вырезками, мне уже было бы скучно жить»*³⁹.

Двумя днями позже: *«Я только сейчас до конца понял вашу роль в русской науке и литературе, полпредом которой вы являлись за рубежом несколько десятков лет и продолжаете оставаться, как исследователь литературы, как ее пропагандист, как критик, историк и педагог. Все, что вы пишете, очень публицистично (в лучшем смысле этого слова), т.е. актуально политически, а не только научно. Но и для «чистой науки» вы в самых неблагоприятных условиях успели сделать так много, что без книг и статей ваших не может обойтись ни один литературовед»*⁴⁰.

Иной раз Ю.Г.Оксман не останавливался и перед критикой Струве, в частности, за его слишком сочувственный отклик на мемуары Всеволода Рождественского: Оксман и Е.Тагер видели в них то, что проскальзывало мимо жадно-доверчивых западных глаз, радующихся любой новой информации, – ложь, лицемерие, сознательные искажения⁴¹.

Принципиальное и «программное» звучание имело третье по счету письмо Ю.Г.Оксмана (от 2 декабря 1962 года):

«Глубокоуважаемый Глеб Петрович, пишу еще одно письмо вдогонку, хотя знаю, что не ушло предшествующее послание, к которому приложены воспоминания Елены Михайловны о Мандельштаме. На днях слушал воспоминания Анны Андреевны о нем же <...>. Ничего более значительного во всех отношениях о М. никто никогда не писал и уже не напишет. Анна Андр<древн>а уверяла меня, что она писала, не рассчитывая на печать и не будет пытаться это сделать. Но сейчас все равно никто у нас не рискнет «тиснуть» то, что она сказала о М. Я полагаю, что и «весна», которой поверили после опубликования нескольких антисталинских произведений в стихах и в прозе, оказалась иллюзорной. История с выставкой «30 лет работы Московских художников» подтверждает мой диагноз. Не верю я и в то, что в будущем году издан будет в большой серии «Биб<лиотеки> поэта» О.Э.Мандельштам. А если и будет что-ниб<удь> издано, то в сильно сокращенном виде, с изъятием всего ого, что называют у нас

³⁹ Л.Флейшман. С.57 (письмо от 31.5.1963).

⁴⁰ Л.Флейшман. С.61-61 (письмо от 2.6.1963).

⁴¹ Л.Флейшман. С.26-31 (письмо от 20.11.1962).

сейчас «модернизмом» (О политических стихах и говорить нечего!). Боюсь я и за поэму Анны Андреевны, которая отвергнута Твардовским и едва ли пойдет даже а отрывках в “Знамени”, куда сосватал эти «куски» К.И.Чуковский. А за рубежом поэма опубликована, как я читал, давно полностью и даже переведена на французский и английский языки.

Итак, второе издание поэта Мандельштама, с прозой, которую у нас и не предполагалось переиздать, придется печатать вам – с дополнениями и поправками. Я достал тот рукописный сборник, который ходит у нас с середины 1958 г. в многочисленных списках. Сборник восходит к тому, который сделан был вдовой поэта. Разумеется, он не полон, но важнейшее, кроме стихов о Сталине, в него включено⁴².

5 января 1963 года Оксман писал Струве: «Мне бы хотелось смотреть в корректуре новое ваше издание Мандельштама. Со дня на день надеюсь получить копии того, что не вошло в тетради, ходящие по Москве. Беда, что эти копии не очень хороши. Их надо делать текстологам, а не случайным читателям и почитателям. Не верю в высоту филологической выучки и Надежды Яковлевны (вдовы поэта). Досадно, что у меня не будет времени переписать материал, который и получу. Сделаю это сам, обращая внимание лишь на самое существенное. Сделаю самые нужные вам выписки из воспоминаний А.А., которая почему-то продолжает негодовать на американских ученых»⁴³.

В своем следующем письме (от 8 января 1963 года) Оксман пишет, в первых, о получении им накануне еще некоторых списков стихов О.М., а во вторых – о важности собирания мандельштамовских писем. Он сообщает и о 102-страничной подборке из 82 писем О.М. к родным (в основном, к самой Н.Я.Мандельштам): «Без согласия вдовы печатать их, конечно, нигде нельзя. Но использовать для биографии поэта, по-моему, можно и должно, не беспокоя ее просьбами о согласии. Таково же должно быть отношение к мемуарам о нем...»⁴⁴. К письму Оксман приложил выдержки из письма О.М. к жене от 24 февраля 1930 года, а также полные копии его писем к Ю.Н.Тынянову и к брату Шуре (из лагеря).

В том же письме Оксман упоминает «Разговор о Данте», дефектной (невыверенной) машинописью которого он, по всей видимости, обладал

⁴² Л.Флейшман. С.31-32 (письмо от 2.12.1962). Интересно, что в этот раз А.А. не разрешила Ю.Г.Оксману скопировать свои воспоминания, и он получил их в свое распоряжение от случайного лица и только в январе 1963 г. (Там же, с.47).

⁴³ Л.Флейшман.. С.45 (письмо от 5.1.1963).

⁴⁴ Л.Флейшман. С.47-48 (письмо от 8.1.1963).

и обещает сверить ее при первой же возможности с первоисточником из архива О.М. Он предполагал, что архив поэта хранится где-то в Москве или Ленинграде, но у кого именно – он не знал: сама же Н.Я. в это время жила и работала в Пскове, и следовало дожидаться ее очередного приезда в Москву (обычно она останавливалась у Шкловских).

Но обстоятельства, видимо, резко изменились, и буквально назавтра Оксман пишет новое письмо Г.Струве, в котором сообщает: «...отправляю сегодня вам материалы о Мандельштаме, добытые с очень большим трудом. Большую их часть привезли мне из Пскова на очень короткое время. Я думаю, что всех участников этой операции надо наградить вместо орденов хорошими книгами – первым томом Гумилева, «Доктором Живаго», воспоминаниями (любыми) и т.п.». Далее он писал, что в архиве О.М. сохранился черновик статьи «Пушкин и Скрябин» и что, на его взгляд, последнее письмо О.М. стоило бы напечатать в составе «справки» о последних годах жизни О.М. и с дезориентирующей «ссылкой» на некий список из архива А.А.Фадеева⁴⁵.

В другом письме Оксман спрашивает: «Не знаю, есть ли у вас тетрадь мемуарной прозы О.Э. под названием «Четвертая проза»? Эта тетрадь есть у Анны Андреевны и у многих других. Есть ли у Вас наброски статьи о Данте (1916 г.?)? Есть ли у вас воспоминания, которые она читала мне и Н.Н.?»⁴⁶. Наброски «Пушкин и Скрябин», а также «хорошую копию “Четвертой прозы”» он приложил к письму от 31 мая 1963 года, завершив сообщение об этом выразительным «Ура!»⁴⁷.

В единственном из сохранившихся в архиве Г.П.Струве собственных его писем к Ю.Г.Оксману, датированном, скорее всего, 5 мая 1963 года, запечатлена его просьба прислать аутентичный текст «Разговора о Данте». Он пишет: «В будущем году журнал *Books Abroad* и какое-то итальянское издательство выпускают одновременно по-английски и по-итальянски симпозиум о Данте, и мне бы хотелось включить туда эту вещь ОЭМ. Ошибки (многочисленные) в итальянских цитатах легко исправить, но есть и другие ошибки, пропуски не разобранных слов и т.д.»⁴⁸.

В целом же переписка является памятником доброжелательности, равноправия и взаимоуважения корреспондентов.

⁴⁵ Л.Флейшман. С.48-50 (письмо от 9.1.1963).

⁴⁶ Л.Флейшман. С.56 (недатированное письмо, полученное адресатом 6.5.1963).

⁴⁷ Л.Флейшман. С.59 (письмо от 31.5.1963).

⁴⁸ Л.Флейшман. С.54. Относительно «аутентичного текста» «Разговора о Данте» Оксман отвечал 2.6.1963: «Постараюсь сделать все, что возможно, для получения доступа к «Разговору о Данте», но это дело затяжное».

ЯВЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО МАНДЕЛЬШТАМА ЧИТАТЕЛЮ: «ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ»

1

Начало 1960-х гг. ознаменовалось появлением в Нью-Йорке нового русского альманаха “Воздушные пути” (далее – ВП) под редакцией Романа Николаевича Гринберга⁴⁹. Своим именем альманах был обязан известной прозе Пастернака, – дабы «...подчеркнуть мнимость преград, тщетно возводимых между нами на земле»⁵⁰.

Всего вышло пять выпусков ВП. Первый, посвященный 70-летию Пастернака, вышел в начале 1960 года, и Пастернак, незадолго до смерти, все же успел поддержать его в руках. В нем же впервые целиком была опубликована “Поэма без героя” Ахматовой.

Вторая книжка ВП вышла, судя по всему, в мае или июне 1961 года, и этот выпуск альманаха был, бесспорно, мандельштамовским. Главное – это огромная подборка из 57 стихотворений 1930-х гг., из которых до этого – к тому же в другой редакции⁵¹ – выходило всего одно стихотворение («За гремучую доблесть грядущих веков...»). В редакционном предисловии Р.Гринберг писал о том, что многие из этих стихотворений «...не были окончательно отделаны, закончены для печати самим автором, этим, пожалуй, одним из самых требовательных к себе поэтов. Неизвестно, какой именно вариант поэт собирался печатать, а их много. Поэтому неизбежен редакторский произвол, о котором мы сожалеем. Только будущее академическое издание сможет установить непререкаемый текст каждого отдельного стихотворения, а до этого возможно разночтение, которое не следует принимать за ошибку».

В этом же выпуске альманаха увидели свет и статьи, посвященные Мандельштаму – Владимира Вейдле («О последних стихах Мандельштама»), Георгия Адамовича («Несколько слов о Мандельштаме»)⁵² и Юлия Марголина («Памяти Мандельштама»), а также заметки Артура

⁴⁹ И с обложками работы его жены, Софьи Михайловны Гринберг.

⁵⁰ От редактора // ВП. Вып. 1. НЙ, 1960. С.3.

⁵¹ В воспоминаниях С.Маковского и в одноименнике 1955 года,

⁵² 1.2.1961 Адамович писал Иваску: «У Гринберга будет целый мандельштамовский букет, по слухам, first class, чему я верю. Кстати, я должен в гринб<ерговский> альманах о Мандельштаме написать и все не могу собраться» (Сто писем Георгия Адамовича Юрию Иваску (1935-1961) / Предисл., публ. и комм. Н.Богомолова // Диаспора. Вып. V. Париж – СПб., 2003. С.402-557)

Лурье «Чешуя в неводе», одна из которых посвящена О.М. В этом же выпуске ВП увидела свет и ахматовская «Поэма без героя», также основательно «пропитанная» О.М.

Статья В.Вейдле была чем-то вроде послесловия к тут же опубликованным неизвестным стихам гения. Они стали подлинным открытием и для читателей, и для него самого, истового почитателя «Камня»:

«Я знал его мало; дружил с его стихами, а с ним был только знаком. Мы учились вместе в университете, иногда встречались в трамвае, по дороге туда. При таком случае он и рассказал мне однажды, что уже пять раз проваливался на экзамене по русской истории у Платонова. Экзаменоваться, пожалуй, ему и не стоило, но достаточно ему было легчайшего университетского импульса, чтобы написать, и прекрасно написать, о Чаадаеве, например: правда, не статью, а стихотворение в прозе. И хоть не очень усердно посещал он лекции Айналова, но попал-таки на ту, которая дала ему толчок и снабдила материалом для

Айя-София – здесь остановиться

Судил Господь народам и царям!

Да и «Notre-Dame», я уверен, родилась в том же «Музее Древностей», заставленном книжными шкафами, куда мы попадали пойдя почти весь длинный коридор здания Двенадцати Коллегий, и где служитель Михаил потчевал нас стаканом чаю со сладкой булкой. «Гиперборей» в ту пору мне был едва ли не милее «Аполлона», а «Камень» я читал в первый раз с таким волнением, с таким все возраставшим радостным трепетом открытия чего-то нового и вместе с тем непонятным образом родного... Поэтому, вероятно, и не выражусь я точно, если скажу, что благоговел перед ними <стихами О.М. – П.Н.>. Но как я благодарно их любил!» (с.71-72). Во всей последовавшей за «Камнем» поэзии Мандельштама, Вейдле ясно видел сгущение темноты на улице, переходящее в кромешную «ночь на дворе», ясно ощущал все нарастающую тяжесть жизни, граничащую непосредственно с отчаянием: «Бедный, бедный, со своим высоким даром, замученный, затравленный поэт! Все трудней становилось дышать, все туже затягивалась петля» (стр.77). Впрочем: «Грустно и неловко писать о стихах, как о простых свидетельствах нищей правды, как будто это не стихи, а перлюстрируемые нами письма, или дневники, обнаруженные в ящике чужого стола...» (с.74).

Как и Вейдле, Г. Адамович часто встречался с О.М. в университете, где «...романо-германский семинарий еще оставался лабораторией и штаб-квартирой акмеизма» (с.95). Там, в «бесконечном, верстой в длину, университетском коридоре» разговаривали они однажды об

ахматовском восьмистишии «Когда о горькой гибели моей Весть поздняя его коснется слуха...». Мандельштам «...ходил взад и вперед, то и дело закидывая голову, и все нарастав повторял эти строчки, особенно восхищаясь расстановкой слов, спондеической тяжестью словосочетания «весть поздняя»...» (с.101).

Бывал О.М. и у него дома, но никогда не звал к себе («...насколько я помню, не бывал у него на дому никто. Вероятно, были условия, этому препятствовавшие», с.95). Подобно Вейдле, Адамович в те годы благоговел перед О.М, вернее, перед его стихами. «...Трудно было бы назвать человека, который менее «важничал» бы и держался бы с большей простотой, естественностью и непринужденностью.

Разговаривать с ним бывало не всегда легко, и разговор скольконибудь длительный превращался в своего рода умственное испытание, – потому что следить за ходом его мысли нельзя было без усилия... Мандельштам в разговоре логику отнюдь не отбрасывал, но ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он из пропускал. Он оказывал собеседнику доверие, поднимая его до себя, считая, что всякого рода «значит», «ибо», «следовательно» лишь загромождают речь и что без них можно обойтись... Шутки, остроты, пародии, экспромты, смешки, прочно в мандельштамовской посмертной «легенде» утвердившиеся, все это расцветало пышным цветом лишь на людях или хотя бы в обществе двух-трех приятелей. Вдвоем, с глазу на глаз, шутить как-то неловко, даже глупо: всякий вероятно это испытал и знает по опыту. И при встречах одиночных от Мандельштама, будто бы всегда «давившегося смехом», не оставалось ничего.

Не колеблясь, я скажу, что от этих встреч осталось у меня впечатление неизгладимое, ослепительное, и что по умственному блеску и умственной оригинальности, Мандельштам был одним из двух самых исключительных поэтических натур, каких мне пришлось знать. Вторым был Борис Поплавский... Одаренность Поплавского была, пожалуй, даже щедрее мандельштамовской, но у него отсутствовала мандельштамовская игольчатая острота и точность в суждениях...» (с. 95-96).

Впрочем, начинает Адамович с того, что отказывает О.М. в существовании некоего особого, наподобие пушкинского или блоковского, – мандельштамовского мира. Нет образа бытия, нет целого, – есть только «разрозненные стихотворения, куски поэзии, осколки, тяжелые обломки...». Вместе с тем Адамовича потрясает уровень этих «разрозненных» произведений. Он цитирует Ахматову, говорившую о собраниях «Цеха поэтов»: «сидит человек десять-двенадцать, читают стихи, то хорошие, то заурядные,

внимание рассеивается, слушаешь по обязанности, и вдруг будто какой-то лебедь взлетает над всеми – читает Осип Эмильевич!» (с.90-91)⁵³.

В то же время прозу О.М. Адамович ставит невысоко: *«Цветисто и чопорно... В прозе Мандельштам как будто теряется, – теряется, потеряв музыку... В прозе Мандельштам не дает передышки. Как мог он этого не почувствовать?» (с.98-100).*

Об отношениях О.М. с Гумилевым Адамович пишет: *«Мандельштам очень дружил с ним, любил его, прислушивался к его суждениям, хотя и не в силах был преодолеть безразличия к тому, что тот писал. Помню точно, дословно одно его замечание о стихах Гумилева: «Он пришел на такую опушку, где и леса больше не осталось». Гумилевское чисто пластическое и несколько пресное «совершенство» явно казалось ему недостаточным, слишком легкой ценой купленным» (с.93).* В другом месте Адамович возмущается словами Есенина, якобы брошенными им когда-то О.М.: *«Вы не поэт, у вас глагольные рифмы!».* Но «защищает» Адамович Мандельштама чрезвычайно неуклюже: уподобляя его Тютчеву, а Есенина – Кольцову, он заключает, что не Кольцову Тютчева учить: *сиди, мол, в своей Рязани, пой песни!..* Такова же иллюстрация тезиса о неспособности О.М. к двуличности: в разговоре о Пушкине О.М. вдруг не выдержал и сознался Адамовичу в том, что обманывал его в одном коммерческом начинании.

В третьем выпуске ВП (1963) в подборке «Пять стихотворений» были опубликованы три мандельштамовских перевода из Ф.Петрарки⁵⁴, а также два других стихотворения – «Когда душе и торопкой и робкой...» (из цикла А.Белому) и «Наушники, наушнички мои...». Вслед за ними, под заглавием «Шуточное», шла выдержка (точнее, пересказ) письма Григо-

⁵³ В воспоминаниях о самой Ахматовой, опубликованных в 5-м выпуске ВП в 1967 г., Адамович как бы подхватывает эту же тему: на заседаниях Цеха Поэтов *«...Анна Андреевна говорила мало и оживлялась, в сущности, только тогда, когда стихи читал Мандельштам. Не раз она признавалась, что с Мандельштамом, по ее мнению, никого сравнивать нельзя, а однажды даже сказала фразу, -это было после собрания Цеха, у Сергея Городецкого, – меня поразившую:*

- Мандельштам, конечно, наш первый поэт...

<...> Мандельштам ею восхищался: не только ее стихами, но и ею самой, ее личностью, ее внешностью, – и ранней данью этого восхищения, длившегося всю его жизнь, осталось восьмистишие о Рашиели-Федре...» (с.104).

⁵⁴ Один из них до этого уже был опубликован – в ВРСХД (Париж, 1962, № 64, с.49-50). Гринберговским «источником» на этот раз был Кларенс Браун, получивший их в свою первую поездку в СССР детом 1962 года от В.Жирмунского (см. в письме Брауна Б.Ф. от 28.3.1963 – Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Collection GEN MSS 334 (Boris Filippov Papers). Box 2. Folder 41).

рия Семеновича Рабиновича⁵⁵, в 1911-1913 гг. близкого приятеля Мандельштама, содержащая несколько шуточных стихотворений О.М. из коллективной «Антологии античной глупости». В сноске же цитируется письмо Георгия Иванова к В.Ф.Маркову, и так же с шуточными стихами О.М.⁵⁶

⁵⁵ В архиве ВП сохранилось несколько писем Г.С.Рабиновича (Gregorio Rabinovitch) к Р.Н.Гринбергу (Library of Congress, Manuscript Reading Room, Coll.3775 “Vozdushnye Puti”, Box 3, f.1958-67). Его адрес в середине 1960-х гг.: Bartolome Mitre 1121, Buenos Aires, Argentina.

⁵⁶ Машинописная копия всего этого интереснейшего письма от 22.6.1956 – в архиве ВП (Library of Congress, Manuscript Reading Room, Coll.3775 “Vozdushnye Puti”, Box 3, f.1958-67). На присылку В.Ф.Марковым подборки своих литературных пародий – Г.Иванов откликнулся шуточными стихами – своими, О.М. и М.Лозинского. Шуточные стихи, как он пишет, – это “...особый род поэзии. Мы в свое время тоже занимались этими делами, но пародии презирали». Далее следовало опубликованное в ВП стихотворение о Шилейко, а затем опущенный Р.Гринбергом фрагмент:

«Его же <О.М.> в альбом спеклянтке Розе, еврейке лет 60 – сидела во Всемирной Литературе, продает в кредит:

Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч,

Помни, что двадцать одну мог я тебе задолжать.

Той же Розе – я:

Печален мир. Все суeta и проза.

Лишь женщины нас тешат и цветы.

Но двух чудес соединенья ты:

Ты женщина! Ты Роза»

Далее следовали стихи, включенные в ВП, а затем еще один опущенный фрагмент, который мы здесь воспроизводим:

«У Гумилева была любовница, барышня Арбенина. Приехал Мандельштам (1919) и влюбился в нее. Они – т.е. Гумилев и М. стали на этот счет ссориться. «Заплати за меня!» – Мандельштам Гумилеву в Доме Литераторов. Гумилев: «За предателей не плачу!»». «Перепетиши» – с ударением на е – выражение Евг. Браудо (все это для понимания следующей басни). Пока Гумилев и Мандельштам из-за Арбениной ссорились, она перешла к Юркуну, за которого и вышла вскоре замуж.

Басня

В Испании два друга меж собой

Заспорили, кому владеть Арбой.

До кулаков дошло. Приятелю приятель

Кричит: мошенник, вор, предатель,

А все им не решить вопрос...

Тут, под шумок, во время перипетий

Юрк и арбу увез

испанец третий.

Друзьям урок: как об арбе ни ной,

На ней катается другой.

(мое сочинение). Хватит. По-моему, наши лучше».

Ср. позднейшую публикацию этого письма в: Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955-58. Mit einer Einleitung von Hans Rothe. // Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Hrsg. von Gutschmidt, K., Harder, H.-B., Ri-the, H.Ö – Köln. Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1994, 111 ss. S.39-40 (Письмо от 22.6.1956)

Там же – и эссе А.Лурье «Детский рай», где он ставит в один ряд трех поэтов – двух чистых безумцев (Жерара де Нерваля и Хлебникова) и третьего, Мандельштама, который «...*был при всех своих чудачествах нормален, и только в контакте с поэзией впадал в состояние священного безумия*» (с.162). Мандельштам, по Лурье, был одержим страхом, его формулой были собственные строки: «*Не превозмочь в дремучей жизни страха*». Но, в отличие от Нерваля и Хлебникова, он любил жизнь и быт, противостоявшие ужасавшему его хаосу. Быт же его сводился к самым простым вещам – пирожным, которых он мог съесть хоть дюжину, извозчикам, на которых он мог кататься часами, ванне в Астории, которую он мог принять хоть четырежды в день...

«Мандельштамиана» была продолжена и в четвертой книжке ВП (1965): в ней снова появилась пятерка стихов О.М. («Я ныне в паутине световой...», «Вы помните, как бегуны...», «От сырой простыни говорящая...», «На доске малиновой, червонной...», «После полуночи сердце ворует...»). Здесь же впервые увидели свет и ахматовские «Листки из дневника» (печатаемые, как было сказано, «по бродячему списку, подобранному где-то в России»). При этом оригинальный ахматовский заголовок был перенесен (очевидно, редактором, в подзаголовок), уступив место более адресному заглавию: «Мандельштам».

В том же выпуске – два небольших фрагмента из воспоминаний не названной по имени Елены Тагер (о вечере в Ленинградском Доме печати, рассказ чердынского врача и письмо пушкиниста Ю.Г.О. о смерти О.М.), а также подборка стихотворений Тагер, одно из которых посвящено О.М. Вот оно, написанное в 1943 году на Колыме:

Нетленной мысли исповедник,
Господней милостью певец,
Стиха чеканного наследник,
Последний пушкинский пленец...

Он шел, покорный высшим силам,
Вослед горящего столпа,
Над чудаком, больным и хилым,
Смеялась резвая толпа.

В холодном хоре дифирамбов
Его напев не прозвучал;
Лишь Океан дыханью ямбов
Дыханьем бури отвечал.

Лишь он, Великий, темноводный,
Пропел последнюю хвалу
Тому, кто был душой свободной
Подобен ветру и орлу.

Несокрушимей сводов храма
Алмазный снег, сапфирный лед, -
И полюс в память Мандельштама
Сиянья северные льет.

В том же четвертом выпуске напечатано и крошечное эссе Юрия Иваска «Парадоксы звукописи»: одним из разбираемых в нем образцов послужил мандельштамовский «Ариост», введенный в научный оборот во втором выпуске ВП.

И, наконец, в пятом и последнем выпуске ВП (1967) О.М. фигурирует лишь в воспоминаниях Г.Адамовича об А.Ахматовой, тесно при-
мыкающих к его же воспоминаниям об О.М. во втором альманахе.

2

В архиве ВП в в Отделе рукописей Библиотеки конгресса США⁵⁷ находятся отдельные страницы машинописи стихов О.М., газетные вырезки о нем, текст датированного летом 1960 года отчета по упомянутому уже проекту «Акмеизм» Юрия Иваска⁵⁸ и некоторые другие материалы, касающиеся О.М. Но для нашей темы особенно ценна переписка Р.Н.Гринберга с Г.П.Струве (Г.С.) и Б.А.Филипповым (Б.Ф.)⁵⁹: будучи соединенной с письмами Гринберга и Филиппова к Струве⁶⁰, а

⁵⁷ Library of Congress, Manuscript Reading Room, Collection 3775 («“Vozdushnye Puti”). См. выше в обзоре архивов.

⁵⁸ Library of Congress, Manuscript Reading Room, Collection 3775, Box 6, f.1952.

⁵⁹ Library of Congress, Manuscript Reading Room, Collection 3775, Box 3, f.1958-67.

⁶⁰ В архиве Г.П.Струве в Гуверовском институте, Стэнфорд (Hoover Institution Archives, Collection G.Struve, Boxes 83-84).

также с письмами Струве к Филиппову⁶¹, она позволяет детальнейшим образом реконструировать любопытные детали массового выхода неизвестных стихов «позднего» Мандельштама читателю – для начала хотя бы к западному.

Впервые «список Гринберга» возникает в переписке Г.С. и Б.Ф. 6 октября 1959 года, когда последний писал первому: *«Вы, вероятно, видели уведомление в НРС о сборнике «Воздушные пути», который Р.Н.Гринберг выпускает в честь Пастернака к его 70-летию. Там будет моя статья о рифмах П[астернака], и кто-то другой (Адамович?) пишет о Пастернаке, но вообще сборник – не о П[астернаке], а подарок ему. Между прочим, у Гринберга, по-видимому, имеется одно стихотворение Мандельштама, написанное в 1937 году, и он как будто знает о местонахождении каких-то других неизданных стихотворений М. Постараюсь выцарапать от него что можно».*

Всего списка у Р.Н. Гринберга на тот момент, видимо, еще не было, ибо тот, на котором базировались публикации в ВП, попал к нему скорее всего летом 1960 года⁶². В письме к В.Ф.Маркову от 3 ноября 1960 года он сообщает, что получил их *«... этим летом как бы в награду за № 1 В.П.»*⁶³. В том же письме сказано, что именно стихи Мандельштама (*«иные совсем большие шедевры»*) заставляют его братья за новое издание.

Накануне (1 ноября 1960 года) Гринберг сообщил Г.С. о том, что приступает к редактированию 2-го выпуска ВП, самым ценным в котором, по его мнению, должны стать несколько десятков стихотворений «позднего» О.М, а 7 ноября он предложил дать ему для публикации имевшиеся у Струве и Филиппова стихи О.М. С точно таким же предложением он обратился и к Б.Ф., о чем последний – в письме от 11 ноября – известил своего соавтора и предложил следующую тактику:

«Роман Николаевич Гринберг мне часто звонит по телефону из Нью-Йорка. Он мне сообщает и о тех стихах Мандельштама (и новом варианте Поэмы без героя Ахматовой), которые собирается опубли-

⁶¹ В архиве Б.А.Филиппова в библиотеке Байнеке в Йельском университете, Нью-Хэйвен (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Collection GEN MSS 334 (Boris Filippov Papers), Boxes 6-9).

⁶² Его источник пишущему эти строки неизвестен.

⁶³ Library of Congress, Manuscript Reading Room, Coll.3775, Box 3, f. A-N, 1941-67. Напрашивающуюся более раннюю датировку (на основании письма Филиппова к Гринбергу от 14 января 1960 года) мы отвергаем, полагая такую дату типичной для начала года опиской (настоящая дата ясна из контекста – 14.1.1961).

ковать во вторых “Воздушных путях”. А несколько дней тому назад звонил мне опять – и просил, чтобы мы с Вами передали ему для печатания в “Воздушных путях” ВСЕ получаемые нами стихи Мандельштама, которые окажутся новыми для него, Гринберга, которых он не имеет в своей коллекции. Я отвечал ему, что НАЛИЧИЕ У НАС КАКОГО-ТО КОЛИЧЕСТВА НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СТИХОВ МАНДЕЛЬШТАМА – БОЛЬШОЙ КОЗЫРЬ В НАШИХ РУКАХ, ПОЗВОЛЯЮЩИЙ БОЛЕЕ УВЕРЕННО ГОВОРИТЬ С ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ, почему речь может идти только о ЧАСТИЧНОЙ «уступке» Гринбергу стихов, какой-то их части, НО С ТЕМ, ЧТО ОН ТОЖЕ ПЕРЕДАСТ НАМ ИМЕЮЩИЕСЯ У НЕГО СТИХИ Мандельштама, не все их публикует в своем альманахе.

Гринберг сказал, что уже пишет Вам письмо об этом, с просьбой передать все получаемые Вами стихи Мандельштама в “В.Пути”. Но, думаю, мы должны придерживаться указанного мною выше принципа: дать нам что-то, у нас не имеющееся, и НЕ БУДЕШЬ ЭТИ ДАННЫЕ НАМ ДЛЯ СОБРАНИЯ МАНДЕЛЬШТАМА СТИХИ ОПУБЛИКОВАТЬ САМ, – мы дадим и мы: ровно столько же – и такого же, примерно, качества. Иначе – труднее «продать» собрание сочинений.

Струве и сам пришел к необходимости держаться именно такой тактики. Еще до получения письма от Б.Ф., он Струве, в письме Гринбергу от 12 ноября предложил нечто похожее. Находя саму идею публикации приемлемой, он настаивал на том, чтобы несколько десятков стихотворений оставить для первопубликации в мандельштамовском Собрании сочинений⁶⁴. И надо сказать, что оба соавтора твердо держались своей тактики, она же «стратегия», все последующее время, поскольку и у Гринберга, разумеется, была своя «тактика»: какая – будет ясно из дальнейшего.

В том же письме от 12 ноября Г.С. сообщал Гринбергу, что и сам только что получил микрофильмы стихов О.М. и на днях отдаст их в печать. 14-го ноября Гринберг предложил Струве отправить копии, как только они будут готовы, Филиппову в Вашингтон и вызвался заехать к Филиппову сам, «со своим добром», – для совместного отбора стихотворений О.М. для альманаха.

⁶⁴ Длительные и с переменным успехом переговоры о таком собрании Струве и Филиппов вели с издательством Мичиганского университета. В октябре 1960 г. издательство даже включило это издание в свой план, о чем Б.Ф. сообщал Г.С. 31.10.1960.

Очень интересен ответ Струве (от 17 ноября): «Да, я пошлю – вероятно, завтра – фотокопии стихотворений М. БАФ⁶⁵. Вы уж договоритесь с ним. Вы, конечно, понимаете, что в интересах давления на издателя нам существенно иметь по возможности хорошее количество ненапечатанных стихотворений (и то их могут перехватить – мне известно, например, наличие большого количества неизданных стихотворений М. в Польше, откуда я еще пытаюсь получить их). Если окажется, что все Ваши стихотворения у нас имеются, но Вы захотите взять для альманаха какие-то, которых у Вас нет, то мне кажется, Вы должны ими заменить некоторые свои, чтобы у нас оставалось все же 50-60.

Может быть, поскольку с посылаемой мною БАФ копией последний Вас ознакомит, Вы бы со своей стороны прислали мне заглавия или первые строчки имеющихся у Вас стихотворений. Это, может быть, помогло бы мне и при выяснении того, что имеется в Польше. Из одной фразы в Вашем письме, кстати, заключаю, что полученные Вами стихи идут от вдовы М-ма. Это же относится к стихам в Польше – они были получены прямо от вдовы М. Источник полученных мною стихотворений мне пока неизвестен, но принадлежность их М-му бесспорна»⁶⁶.

Ко времени прибытия фотостатов в Вашингтон (около 20 ноября), Филиппов находился аккурат в Нью-Йорке (где общался и с Гринбергом), отчего и задержался с ответом. 28 ноября он писал:

«Дорогой Глеб Петрович! Не велите казнить – велите миловать – за такое запоздание с ответом на Ваши письма от 14 и 17 ноября и на Ваши интереснейшие фотостаты стихов Мандельштама. Дело в том, что письма эти и фотостаты пришли тогда, когда я был – почти полторы недели – в Нью-Йорке. <...>

Начинаю с фотостатов Мандельштама. <...> Даже при беглом обзоре, вижу, что у Гринберга МНОГОЕ НЕ СОВПАДАЕТ с нашим подбором стихов. ДУМАЮ – это между нами – НЕ СООБЩАТЬ ЕМУ ПОЛНОСТЬЮ всего списка наших мандельштамовских находок, пока он не сообщит нам полностью содержание своего мандельштамовского собрания. По нескольким часам переговоров с Романом Николае-

⁶⁵ Борису Андреевичу Филиппову.

⁶⁶ В том же письме Г.П.Струве предлагал посвятить готовящийся выпуск ВП 20-летию гибели О.М. (точные сведения о дате смерти поэта были тогда, правда, неизвестны и недоступны) и интересуется, чем именно в книге Л. Страховского была возмущена Ахматова.

вичем – и по нескольким еще переговорам с ним – весьма длительным – по телефону – вижу, что эта военная хитрость будет небесполезна. Я ему сообщу большую часть названий и первых строчек (это почти совпадает) наших стихов, но некоторую часть сохраню про запас: когда он нам сообщит перечень того, что имеет он, когда мы договоримся о «товарообмене», тогда мы можем ЕЩЕ РАЗ получить некоторое количество стихотворений Мандельштама. Простите меня за такой метод переговоров, но я слишком хорошо знаю некую алчность собирателей неизданного и редакторов альманахов: они с трудом расстаются с находками и не считают позорным немного обмануть таких же собирателей и редакторов собраний сочинений. Копию списка стихов, который я составляю для Романа Николаевича, я сообщу Вам одновременно с посылкой списка ему. Не упрекайте меня за эту маленькую «торгашескую» выходку: нам нельзя попасть впросак, а это – я вижу по характеру переговоров – может случиться. Конечно все, что я Вам пишу, останется нашей «стратегической тайной». <...>

Конечно, я не говорил Гринбергу об источнике, из которого получены стихи Мандельштама. А Терапиано пишет мне из Парижа следующее, для нас безынтересное: «Мне говорили, что получены из России стихи Мандельштама в Париже, якобы совсем замечательные, и переданы “одному писателю” (как будто М.Слониму) для опубликования. Очень интересно, с нетерпением жду дальнейших сведений и возможности видеть текст».

Кстати, стихотворение, которое мы включили в наше собрание, как сомнительное (полученное Маковским), имеется у Гринберга, но в другой, много более «мандельштамовской» редакции⁶⁷. Очевидно, полученный Маковским текст был густо перевертан при переписке. Вообще, Гринберг кое-что показал мне, но только не давал в руки, а читал, иногда с пропусками – прямо живая иллюстрация к «Скупому рыцарю». Но собрание у него хорошее и немалое.

В каком виде у меня текст мандельштамовского двухтомника? То, что не вошло в чеховский том целиком переписано на машинке, кроме, конечно, вновь полученных текстов. Чеховское издание куплю в двух экземплярах, чтобы просто наклеить на листы нашего двухтомника. **ЗА ДВЕ-ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ НЕДЕЛИ МОГУ ПРИВЕСТИ В ПОРЯДОК**

⁶⁷ Имеется в виду стихотворение «Еще далеко мне до патриарха...», полученное Б.Ф. не от С. Маковского, а от Д. Кленовского, о чем Б.Ф. писал Г.С. 14.1.1960.

ВСЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ МАНДЕЛЬШТАМА, если получу к тому времени и тексты Гринберга. Но, конечно, кроме вступительных статей.

О позднем Мандельштаме, очевидно, Гринберг будет просить написать статью ВАС, так я понял из разговора с ним. Я буду писать ему статью о различных редакциях “Поэмы без героя” Ахматовой».

Не раскрывал своего источника стихов О.М. и Гринберг. В письме от 19 ноября он только сообщал Струве, что им не являются ни вдова, ни братья поэта. Как и Струве, он тоже слышал о некоем польском списке (и даже говорит от кого: от Андрея Михайловича Балицкого⁶⁸), но имени «честнолюбивого» польского поэта, у которого они хранятся, не называет⁶⁹.

Из датированного 24 ноября ответа Струве ясно, что ни он с Б.Ф., ни Гринберг текстом эпиграммы на Сталина не располагали, но что некие сведения об этом, полученные от Исаяи Берлина, были опубликованы Б.Николаевским в «Социалистическом вестнике» и кем-то еще в «The New Reasoner».

7 декабря Б.Ф. писал Г.С.: *«Вчера послал Роману Николаевичу Гринбергу этот список имеющихся у нас стихов. Свыше 20 “положил за щек” – скрыл. Так – вернее. Не выдавайте меня! Нам нужно иметь, как говорят инженеры, “запас прочности”. Вчера же мне звонил Р.Н. – он на днях высылает мне свой список. Потом столкнемся и “сторгуемся”».*

К письму был приложен полный список имевшихся у них в распоряжении стихотворений «позднего Мандельштама» (по принципу: первая строчка + количество строк в стихотворении). К этому времени Б.Ф. уже основательно изучил полученный от Г.С. фотостат. Некоторые из пьес оказались составными частями бóльшего произведения, так что на проверку оставалось 87 стихотворений, из которых 3 уже публиковались.

В письмах от 10 декабря Гринберг поблагодарил и Г.С., и Б.Ф. и прислал каждому собственный перечень имевшейся у него подборки из 59 пьес, отмечая всяческие совпадения и отличия. Вот цитата из письма Филиппову:

«Дорогой Борис Андреевич, благодарю Вас за список первых строчек “вашего” М-ма. Посылаю Вам при сем список “моего” М-ма.

Красным карандашом я отметил совпадения. Их у нас 30 штук из общего моего числа в 59 пьес. Я исключил из списка только одно

⁶⁸ Сведениями не располагаем

⁶⁹ По-видимому, речь идет о Р.Пшибыльском.

стихотворение: “Средь народного шума и сбега...”. Собираюсь его печатать с сокращением.

Относительно В/ списка хочу заметить следующее:

Строчка – “Ночь на дворе. Барская ложь.” должна читаться “Барская лжа”, это ясно рифмуется с “горожан”.

Стихот. – “Мастерица виноватых взоров” у Вас имеет 24 строки, а у нас всего 20.

Стих. – “Как светотени мученик Рембрандт” у В/ 11 строк, а у нас 7.

Стих. – Рим (Где лягушки...) у Вас 36 строк, у нас 26.

Стих. – “Я молю, как жалости...” у Вас 14, у нас 22.

Стих. – “Еще далеко мне до патриарха” у Вас 27, у нас 28.

Стих. “День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...” у нас из 20 строк, а у Вас всего из 12, потому что выпала середина стихотворения, но Вы совершенно правы, отмечая, что строчка: “Поезд шел на Урал” относится к этой же пьесе.

Это пока все, что успел заметить, сличая оба списка. Нужно продолжить это.

Для альманаха мне предостаточно мое число стихотворений. И если его исключить, то и для Вашего издательства количество непечатанных, примерно свыше 50, тоже, кажется, удовлетворительно, чтобы “поощрить” людей из Мичигана. Не правда ли? Необходимо все же вместе прочесть наши собрания, чтобы суметь дополнить недостающие строчки и, может быть, выбрать или обменять кое-что каждому себе по вкусу»⁷⁰.

Итак, выяснились следующие два обстоятельства: первое – оба источника перекрывают друг друга, но перекрывают лишь частично, и второе – оба весьма несовершенны и противоречивы текстологически.

1 января 1961 года Б.Ф. сообщал Г.С.: «Завтра⁷¹ посылаю Мандельштамов Гринбергу, а от него получу все его материалы. Обещал ему послать вчера, но не успел. Кое-что “зажал”, утаил. Но от него получим нового мало, но для вариантов – немало»

Всего Филиппов отправил Гринбергу около 60 текстов., Отправляя Гринбергу с письмом от 3 января 1961 года сразу 60 текстов О.М., Филиппов напомнил и подтвердил договоренность о публикации в

⁷⁰ Это письмо Гринберга, приложенное к письмам от Г.С., было заархивировано библиотекой Байнеке в Йеле как часть внутренней «борисоглебской» переписки.

⁷¹ На самом деле – послезавтра, 3 января.

альманахе лишь 50-55 произведений с тем, чтобы остающиеся 35-40 пьес (собранные из обоих списков) впервые были бы опубликованы в «Собрании сочинений» О.М.

В письме к Г.С. от 6 января – та же тема: *«Мандельштам: ПОЧТИ все имеющееся у Гринберга, имеется у нас. Но у него примерно 13 текстов, для нас новых, и многие тексты в иных редакциях. Послал ему несколько дней тому назад ряд своих текстов (как я Вам уже писал и раньше, около 20 текстов я просто СКРЫЛ, при посылке перечня Гринбергу). Он клятвенно обещал опубликовать не более 50-55 текстов, а все остальное отдать нам. Вчера он звонил мне опять по телефону, и я еще раз напомнил ему о присылке текстов нам. А так как я ему еще нужен, то не надует, надеюсь»*

Предложенная Б.Ф. плебейская «тактика» наверняка претила Г.С., но, и сам разделяя опасения своего соавтора, он тоже принял ее. К чести обоих соавторов подчеркнем, что сия тактика не была универсальной. Кларенсу Брауну, например, они предоставили для работы весь имевшийся у них корпус «неизвестного Мандельштама»⁷².

Но и у Гринберга своя «тактика»: получив желаемое, он и тем более не думал торопиться с исполнением своих обещаний.

14 января 1961 года⁷³ Б.Ф. все еще спрашивал его, а точнее – напоминал: *«Когда прийдете Мандельштамовские стихи? Вот поправлю очки и принимаюсь за редактирование двухтомника О.Мандельштама. Жду и прошу: если можно, пришлите поскорее».*

19 января Б.Ф. писал Г.С.: *«Только что звонил Гринберг: он обещает прислать Мандельштамов через 8-10 дней, все, что у него имеется – и не включается им в “Воздушные Пути”»*⁷⁴.

Но, по состоянию на 24 января, воз все еще там, где был, – в Нью-Йорке: *«Он еще не прислал, кстати сказать, Мандельштамовских стихов, обещает в начале следующей недели».* Филиппов же между тем готовится к этому торжественному событию так: *«Пока что под-*

⁷² См. в письме Б.Ф. к Г.С. от 7.2.1961: *«Ну, конечно, пусть Браун использует в своей диссертации стихи М., но НИКАК НЕ СООБЩАЕТ ИХ НИКОМУ»*

⁷³ Проставленная на самом письме дата – «14.1.1960» – типичная описка (см. выше).

⁷⁴ В том же письме: *«А относительно выпуска Мандельштама в 1961 году в составе Большой Серии “Библиотеки Поэта” – я ничего ни в каких советских анонсах не видел. Не думаю, что это возможно: в СССР начинается полоса закручивания гаек, и ни в каких советских новых публикациях, кроме упоминания в воспоминаниях Эренбурга, – имя Мандельштама не фигурирует».*

готовавливаю исподволь все для нашего с Вами издания – что можно перепечатаваю, что можно – клею. Чтобы, если возникнет о нем вопрос, сразу же представить материалы).

Возможно, к этому его побуждали и все уплотняющиеся слухи, – и все более и более смахивающие на правду, – о подготовке книги Мандельштама и в СССР. В том же письме Б.Ф. уже не отвергает такую возможность: *«От Брауна этих сведений о Мандельштаме я не получил. А об издании Мандельштама под ред. Харджиева ничего нигде не видел. Но все может быть. Хотя сейчас пошло сильное подмораживание, и никаких признаков былой “оттепели” не замечается. Боюсь, что Мандельштам так и не увидит в СССР света»*

27 января 1961 года (в письме к Струве) Гринберг в очередной раз обещал выслать Филиппову «на днях» пакет с текстами.

К 30 «своим» перекрывающимся стихотворениям Гринберг (в том же письме от 27 января) хотел бы добавить 14 из списка Струве-Филиппова. Остальное – резервировалось бы для первопубликации в Собрании сочинений, – с тем, чтобы *«поощрить людей из Мичигана»*⁷⁵.

Практически то же самое – и в переговорах с Гринбергом Б.Ф. 1 февраля он писал Струве: *«Звонил Гринбергу: он ссылаясь на свою болезнь, сказал, что взял из наших стихов Мандельштама всего 13, помещит же в альманах или 55 или 56, а все, что не пойдет в альманах, вышлет нам на днях. Я сказал ему, что нам необходимы и те тексты, которые пойдут в альманах – ДО ВЫХОДА самого альманаха – для сверки с нашими текстами. Обещал прислать гранки корректур. Одновременно с письмом Вам пишу еще раз напоминание ему»*

Гринберг, конечно же, понимал вес и значение готовящейся им публикации стихов О.М. и очень побаивался того, что кто-то его сможет опередить. 4 января, в письме В.Ф.Маркову, он просил его не разглашать сведений об этом (*«боюсь врагов!»*). А 27 января даже просил Г.П.Струве не читать уже набравшиеся стихи О.М. на анонсированном в газетах вечере неизвестных русских стихов, в том числе и мандельштамовских.

Этим, признаться, он явно ошарашил своего корреспондента. В письме от 30 января Струве резонно напомнил Гринбергу о том, что

⁷⁵ Очевидно, что Гринберг имел в виду издателей Собрания сочинений О.М. из издательства Мичиганского университета – в этом издательстве, кстати, вышло аналогичное собрание Пастернака под редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова, и именно в нем первоначально планировалось новое издание Мандельштама.

до сих пор от него не получен ни один из давно обещанных текстов, а во-вторых, что он не смотрит на вечер как *«на подрыв Вашего альманаха или нашего издания (если уж говорить об этом, то Ваш альманах – гораздо больший подрыв нашему изданию)»*.

Что же касается собственно текстов О.М., то Гринберг с отправкой “своих” текстов Филиппову и впрямь не спешил. 3 февраля последний посетовал соавтору: *«Гринберг все еще ничего не шлет. Но я из него вытяну! Вообще, вся эта комбинация оказалась для нас невыгодной. Но – что поделаешь! Можно было рассчитывать, что у него больше стихов, отсутствующих у нас... Здесь – как в лотерее: не знаешь – что выиграешь, а что потеряешь»*. И еще двумя днями позже: *«Вчера звонил Гринберг. Обещает на след. неделе прислать все Мандельштамовские тексты»*. И еще двумя днями позже – 7 февраля: *«Гринберг вчера звонил опять – я ему не даю покою – тороплю с высылкой нам Мандельштамов: обещает на днях все выслать»*

Из переписки Г.С. и Б.Ф. явствует, что 8 февраля 1961 года намечалась их тройственная встреча в Нью-Йорке, у Гринберга. Но в переписках нет никаких следов этой встречи, так что, возможно, она и не состоялась.

Но и в середине февраля так далеко он не зашел и стихи своим корреспондентам не послал. Последние тем не менее проявляют образцовое терпение. В письме от 16 февраля 1961 года Б.Ф. писал Гринбергу: *«А когда Вы сможете прислать Мандельштама? Сейчас я уже подошел – при составлении двухтомника – к «неизвестному» Мандельштаму. Ох, жду! Простите за некоторое напоминание, но уже у меня все к этому разделу подведено»*.

И только 20 февраля 1961 года, когда пришли гранки ВП, Гринберг, наконец, отправил Филиппову гранки всей подборки О.М., кроме нескольких стихотворений, ранее полученных от самого Филиппова и до сих пор еще не использованных в ВП. Отправляя стихи в гранках (кроме *«Средь народного шума и спеха...»*), издатель убивал двух зайцев: выполнял давнее обещание и передавал гранки собственного издания в заинтересованные, а главное – в весьма компетентные, в литературном смысле, руки подготовителя издания чужого, но делал это в тот момент, когда «угроза» конкуренции или игры на опережение была минимизирована.

Уже 24 февраля Филиппов отправил назад исправленные гранки: *«Проверены они – те стихи, что у меня имеются – многократно и*

некоторые ПО ДВУМ ИЛИ ТРЕМ спискам. Таким образом то, что исправлено, можно считать наиболее достоверным и окончательным текстом» (в том же письме Филиппов привел примеры принятия им того или иного решения).

А 26 февраля, не в силах сдержать своего восхищения, Филиппов писал в Беркли – и уже не о Гринберге, а о Мандельштаме: *«Получил, наконец, тексты от Гринберга. Нового будет все-таки немало, если не числом, то по качеству. Очень интересно. МАНДЕЛЬШТАМ В ЭТИХ НЕИЗДАННЫХ СВОИХ ВЕЩАХ ПОДНЯЛСЯ НА ТАКУЮ ВЫСОТУ, ЧТО ДИВУ ДАЕШЬСЯ: он еще вырос, так гигантски вырос...»*

Несколько успокоившись, Б.Ф. взялся за свое прямое дело – эдичионное усвоение того совершенно нового Мандельштама, что открылся ему за последние месяцы. 1 марта он писал Г.С.: *«Начал понемногу, когда есть время, перестукивать нового – нашего и гринбергова Мандельштама»*. А 3 марта – как бы продолжал: *«Скоро пришлю Вам и обработанные тексты Мандельштама – сверенные с гринберговскими и перестуканные набело. Сейчас черновую переписку делает машинистка нашего офиса, а я прямо набело пишу служебные материалы: так вышел из положения. Когда она все переписет, я сверю, расставлю в том порядке, в каком следует, напишу примечания и приведу варианты, а затем перестукаем уже набело. Пошлю Вам две копии»*

5 марта Филиппов отправил Гринбергу маленькую фотографию О.М. из «Огонька» (№ 33 за 11 ноября 1923 года) – для пересъемки, ретуши и увеличения. Эта, изуродованная ретушью, фотография предшествовала стихам в альманахе, а позднее была опубликована и в Собрании сочинений: как рисованный парафраз работы Сергея Голлербаха – на фронтисписе первого тома в 1965 году, а как таковая – во втором томе в 1966 году.

28 марта Гринберг написал Струве о ставшем ему известным существовании у О.М. неизвестного «шедевра» – замечательной «Баллады о солдате». Об этом же писал ему и Б.Ф.: *«Сейчас я начал по-иски еще одной превосходной “баллады” Мандельштама (Гринберг ее тоже ищет): есть, немного, правда, шансов, что я ее получу»* (22 апреля). И, в том же письме, снова обобщающая оценка «позднего Мандельштама»: *«А то, что Вы получили и получил Гринберг, – это совсем исключительно»*.

Второй выпуск «Воздушных путей» вышел в конце мая 1961 года. Глеб Струве, например, получил их 31 мая.

В архиве ВП сохранилось несколько интересных откликов на его выход ВП. Так, В.Ф.Марков писал Гринбергу 17 июня 1961 года: «*Стихи Мандельштама – роскошь; не могу рассказать, как они на меня действуют и художественно, и человечески. Наверное, не один я благодарю Вас за их опубликование*»⁷⁶.

Среди благодарных читателей был и В.Набоков. 22 июля он написал Гринбергу из Шампе в Швейцарии: «Dorogoy Roman, prosti, chto s takim opozdaniem blagodaryu tebya za interesnyshiy “Almanah II”. Kakiye strashnie stihy Mandelshtama pro stalinskie brovi i serdtsevinu! No imteresni oni ne stol’ko kak stihy, skol’ko kak “chelovecheskiy dokument”...»⁷⁷.

Именно ВП, выход их второй книжки, послужили основным поводом для организации в Славянском отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки (им тогда руководил эстонский поэт и переводчик Алексис Раннит) выставки, посвященной творчеству О.М.

Выставка открылась 30 октября 1961 года. На ней экспонировались прижизненные и посмертные издания О.М. (на самом видном месте была 2-ая книжка «ВП»), различные портреты поэта. Выставка продлилась до 9 февраля 1962 года и завершилась вечером памяти поэта⁷⁸. Основной доклад прочел Алексис Раннит, заведующий славянскими фондами в Йельском университете. Кроме него выступали польский поэт Иосиф Витлин⁷⁹ и американский литературовед и писатель Джонсон⁸⁰.

Но у Струве и Филиппова было свое послекусие от этой, без преувеличения, выдающейся публикации. Во-первых, несмотря на всю их роль и помощь в подготовке этой публикации, Гринберг ни словом не поблагодарил или упомянул их. Это покорило и уязвило обоих.

31 мая Г.С. писал Б.Ф.: «*Я не совсем понимаю также, почему РНГ не считает нужным упомянуть, что часть стихотворений Мандельштама*

⁷⁶ Library of Congress, Manuscript Reading Room, Coll.3775 “Vozdushnye Puti”, Box 3, f. A-N, 1941-67.

⁷⁷ Library of Congress, Manuscript Reading Room, Coll.3775 “Vozdushnye Puti”, Box 3, f. A-N, 1941-67.

⁷⁸ См.: В.З[авалишин]. Выставка об Осипе Мандельштаме.; Луганов, А. Вечер памяти Осипа Мандельштама // Русская мысль. 1961, 29 июня.

⁷⁹ См. о нем на с. 251 настоящего издания.

⁸⁰ Сведениями не располагаем

получена от нас с Вами, и немного повинным в этом считаю Вас (ему я об этом не пишу, но Вы можете выразить ему от меня свое «удивление» – мы бы с Вами в таком случае не преминули выразить благодарность)»

Столь очевидная непорядочность не помешала «РНГ» создать для «борисоглебского союза» новую головную боль. В тот же день, 31 мая, Струве строго выговаривал Гринбергу за сообщению им Р.Б.Гулю (редактору «Нового журнала») сведений о нахождении у Струве неопубликованных еще стихов О.М.: «...Я бы уже давно напечатал их, и, вероятно, не у Гуля, а в «Мостах», если бы не опасение повредить нашему полному изданию – об этом нашем с Филипповым соображении Вам хорошо было известно».

Филиппову же Г.С. написал в тот же день: «Я получил сегодня письмо от Р.Б.Гуля, который просит меня дать ему для сентябрьской книжки НЖ имеющиеся еще у меня стихи Мандельштама, предлагая напечатать их с моей статьей. Об этих стихах сказал ему РНГ (напрасно совершенно). Я еще ему не ответил, но склонен ответить отрицательно – и без того Гринберг взял у нас некоторые лучшие стихотворения (Впрочем, я как раз сейчас жду ответа Вика⁸¹ насчет Мандельштама)»

3 июня Б.Ф. отвечал: «...Забыл написать Вам о просьбе Гуля – дать стихи Мандельштама, еще не опубликованные в “Возд.Путях”, – для опубликования в “Нов. Журнале”. Откровенно сказать, не очень бы этого хотелось. Во-первых, если не издаст Вик, то мы издадим ВСЕ РАВНО Мандельштама, Камкин ли, или еще кто-нибудь – но ИЗДАДИМ, а при этом хорошо иметь козырь: ряд НЕОПУБЛИКОВАННЫХ стихотворений. Да к тому же Гуль ведь так хамски отнесся тогда к нашему чеховскому Мандельштаму: если давать (НО НЕ СЕЙЧАС), то уж лучше в “Мостах”. Но лучше попридержать. А что Гринберг мог бы поблагодарить, то это правда: ведь он больше получил от нас, чем нам дал. Но кое-что из данного им очень хорошо, и многое из ЛУЧШЕГО нашего я утаил и не дал ему»

5 июня 1961 года Г.С. подытожил: «Насчет Гуля мы, видимо, сходимся. Я ему написал, что мы не торопимся с печатаньем всех стихов Мандельштама (он должен и сам понимать, что неизданные стихи – приманка для издателя; ведь если бы я хотел, я бы мог давно, не дожидаясь выхода «Возд. Путей», напечатать большую часть стихотворений). Я прибавил, что если бы мы и решили печатать стихи до выхода Собрания сочинений М., то мы должны были бы еще подумать, где и как (Лично я бы предпо-

⁸¹ Руководитель издательства Мичиганского университета.

чел в «Мостах»). (РНГ прислал мне довольно неубедительное объяснение того, почему он выдал Гулю о наличии у меня других стихов М.)»

Последняя фраза может быть разъяснена: Гринберг написал Г.С. 3 июня в том смысле, что, мол, шила в мешке не утаишь.

Но Роману Григорьевичу Гринбергу все божья роса. Летом 1962 года он еще раз обратился к Струве и Филиппову с деловым предложением. «Предложение» свидетельствует о полном забытии джентльменских договоренностей с ними 1,5-годичной давности. 16 июня 1962 года Б.Ф. писал об этом Г.С.: *«Недавно приехал в Вашингтон Роман Ник. Гринберг и уговаривал меня, чтобы мы с Вами дали ему разрешение опубликовать в готовящемся третьем сборнике «Воздушных Путей» стихи Мандельштама, имеющиеся у него и не опубликованные во вторых «В. Путях»: он получил еще четыре или пять стихотворений Мандельштама, а так как этого мало, то он хотел прибавить к ним и те стихи, которые у него имеются, но не вошли во вторую книжку – по договоренности с нами. Я сказал ему, что мы будем против такой публикации, ибо наличие в нашем собрании какого-то количества неопубликованных произведений Мандельштама поможет нам найти издателя»*

Спустя полтора года – 5 октября 1962 года – Гринберг написал Струве об одновременном получении им нескольких эпиграмм О.М. и о своих раздумьях насчет третьего выпуска ВП.

18 октября 1962 года к этой же теме обратился и Б.Ф. – с явным желанием наступить на те же грабли, но заполучить для «Собрания сочинений» иначе недоступные другие тексты О.М.: *«Теперь о Гринберге: он просил и меня, месяца два назад, дать ему стихи Мандельштама, какие у нас имеются. НО МНЕ, ОТКРОВЕННО СКАЗАТЬ, не нравится все это: какой это “сборник” он хочет дополнить находящимися у нас стихами Мандельштама – не хочет ли он сам выпустить книжку его неизданных стихов? Во всяком случае, дадим ему КОЕ-ЧТО ИЗ ИМ ЖЕ НАМ ДАННОГО – в обмен на эпиграммы Мандельштама и гимназические стихи Гумилева. <...> Сделаю полную инвентаризацию того, что у нас есть мандельштамовского, волошинского и ахматовского – и что можно дать в обмен Гринбергу. До сих пор не имел возможности засесть за “инвентаризацию” имеющихся у нас материалов. Как только сделаю, пришлю Вам копию перечня»*

Судя по содержанию третьего выпуска, этот great deal не состоялся. Но это не помешало Гринбергу обратиться к ним снова – и по тому же поводу.

Вот как описывает это Б.Ф. в письме Г.С. от 8 апреля 1963 года: «...Кстати, о Гринберге. Он мне звонил дня два тому назад, долго что-то мямлил, а потом попросил прислать ему наши варианты Мандельштамовских переводов Петрарки, так как переданные ему Брауном менее точны. Я заявил ему, что эти тексты у меня не имеются, чтобы он адресовался к Вам. Что касается эпиграмм и экспромтов Мандельштама, которые он обещал Вам в обмен на Мандельштамовских Петрарок, то он об этом ни гу-гу. Кроме того, он в свое время просил разрешения издать в третьем выпуске “Воздушных Путей” те стихи Мандельштама, которые он имел, но не издал во втором выпуске, так как передал их нам в обмен на ряд наших Мандельштамовских текстов. Я категорически возразил, заявляя, что прежний уговор остается в силе, и на эти тексты имеем теперь право мы, а их опубликование до издания нашего двухтомника принесет нам несомненный вред. Вот Вам разгадка его разговоров о стихах Мандельштама, издать которые он собирался в третьем выпуске»

Переписка между Струве и Гринбергом в это время замерла и вновь возобновилась в январе 1965 года, когда их интересы столкнулись вновь – вокруг публикации Иосифа Бродского. Все чаще и чаще Струве дает волю своему раздражению против человеческой бестактности и редакторского произвола Гринберга, всемерно пренебрегающего авторским волеизъявлением, даже если оно ему известно (обыкновенно Гринберг ограничивался фразой типа: «Печатается без ведома автора»).

Раздражение было так сильно, что 13 февраля 1965 года Г.С. поспешил передать Гринбергу дошедшее до него мнение Н.Я.Мандельштам о «крайней неточности» текстологии стихов О.М., опубликованных в ВП.

В этот момент он явно не помнил, что часть этой текстологии (а может быть и вся) была de facto его собственной, на паях с Филипповым, работой.

У последнего же память была в порядке. И 31 января 1965 года, – заканчивая, наконец, работу над первым томом мандельштамовского двухтомника, – Б.Ф. так спроецировал на это издание всю историю с «Воздушными путями»: «Перехожу к дополнениям к примечаниям к Мандельштаму. Гринберга я сильно недолюбиваю за многое (в частности, за то, что он надул нас в свое время с “обменом текстами” Мандельштама), и потому только “расшаркался” перед ним, что уж больно много процитировал из “В.Путей”. Упомянуть его все-таки следует»

ЮРИЙ ИВАСК И БЛАГОДАТЬ ПОЭЗИИ

*...А выше благодать поэзии Мандельштама.
Так я понимаю мое дело*

Юрий Иваск

Юрий Павлович Иваск родился 1 сентября 1907 года в Москве, в 1920 году вместе с родителями переехал в Эстонию, сначала в Ревель (Таллин), а потом в Юрьев (Тарту). По окончании юридического факультета Юрьевского университета работал налоговым инспектором в Печерском районе. Участник таллинского «Цеха поэтов», один из основателей журнала «Русский магазин», где печатались А.Ремизов и Б.Поплавский. Об этом времени он отзывался так: *«...Не было старших руководителей, мэтров. Им не мог стать Северянин, а я с ним встречался. До всего надо было доходить своим умом (правда, не одному, а с приятелями). Я ведь знал наизусть стихи Бальмонта, Волошина, Гумилева... Начиналось царствие Блока, но понемногу под него “подкапывалось” обаяние Осипа Мандельштама. Будто бы хорошо его читал...»*⁸².

Во время визитов в Париж, познакомился с М.Цветаевой (с которой переписывался), З.Гиппиус и Д.Мережковским. В литературе имеются указания и на коллаборационистское прошлое Иваска во время войны⁸³, но сам он утверждал, что, как и большинство прибалтийских немцев, был вывезен в Германию еще до начала войны. Поступив на отделение славистики Гамбургского университета, он проучился там до 1949 года, когда эмигрировал в США и начал свою академическую карьеру в Гарварде. В 1955 получил гражданство США и защитил в Гарварде диссертацию на тему «Вяземский как литературный критик». Одно время (в 1953-1958 гг.) редактировал нью-йоркский журнал «Опыт»; в 1953 году в издательстве имени Чехова выпустил антологию эмигрантской поэзии («На Западе. Антология русской эмигрантской поэзии»). Преподавал русскую литературу во многих американских

⁸² См. в письме к А.Бахраху от 12-14.11.1982 (Bachmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Bacherac Papers, Box 2).

⁸³ См. подробнее в: Богомолов Н., Нерлер П. Иваск Юрий Павлович // О.Э.Мандельштам, его предшественники и современники. Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М.: РГГУ, 2007. С.77.

университетах – Калифорнийском, Беркли (1956), Канзасском (1956-1960), штата Вашингтон, Сиэтл (1960-1968), Вандербилт (1968-1969). Его последней станцией и приютом стал Амхерст в штате Массачусетс: здесь он проработал в 1969-1977 гг. и вышел на пенсию. Здесь и умер – 13 февраля 1986 года.

Не счесть его статей, эссе и рецензий – на самые разные темы и книги. Мандельштам был, бесспорно, его любимым поэтом, что щедро отражалось и в его публикациях, и в его переписке. Статья Иваска «Дитя Европы» была помещена в качестве вступительной в третьем томе собрания сочинений О.М. (1969).

А еще, как выясняется, и одной из целей одного необычайно интересного и оригинального историко-литературного проекта, названного им одним, но емким словом – «Акмеизм».

1950-е и начало 1960-х годы – это время не только открытия и издания мандельштамовских текстов, но и время такого же открытия (буквально!) и освоения его биографии, о которой на Западе было известно на удивление мало. Претенциозные пошлости и фантазии эмигрантских мемуаристов 1950-х гг. (прежде всего Сергея Маковского и Георгия Иванова) были возможны только в информационном вакууме Холодной войны. Слишком многое оставалось загадочным и неизвестным и слишком высоки были незримые «берлинские» и иные стены, возведенные между Западом и Востоком, чтобы накопление и осмысление знаний шло нормальным и естественным путем.

В самом конце 1950-х гг. Иваск, в то время профессора Университета штата Вашингтон в Сиэтле, одним из первых осознал, что и на Западе были свои «целинные земли», свои информационные заповедники и что их тоже надо осваивать и изучать. И тогда в его голове зародилась идея проекта «Акмеизм».

Он задумал ни много ни мало «фольклорную экспедицию» или, как нынче принято говорить, «Oral History Project». Предполагалось записать на магнитную ленту серию интервью с русскими литераторами-эмигрантами в Европе, причем предметом разговора должны были стать акмеизм, акмеисты, круг журнала «Аполлон», первого и второго Цеха поэтов и т.д., а также эмигрантская литература в целом. Приветствовалась и запись авторского чтения интервьюируемыми их стихов.

Проект «Акмеизм» был одобрен летом 1959 и осуществлен летом 1960 года⁸⁴. На протяжении почти трех месяцев – с 11 июня по 7 сентября – Юрий Иваск находился в Европе и посетил Париж (здесь на протяжении одного месяца ему помогал другой участник проекта – профессор Университета штата Индиана Уолтер Викерли), Мюнхен, Базель, Стокгольм и Ниццу.

Была сделана в общей сложности 21 запись интервью с 16 «респондентами». Ими были: во Франции – С.Маковский, А.Трубников, граф А.Зубов, Г.Адамович (несколько интервью), А.Элькан, И.Одоевцева-Иванова, Ю.Терапиано, Ю.Ржевский, В.Вейдле, В.Злобин, Б.Зайцев, Ю.Газданов, в Германии – Ф.Степун и Й.фон Гюнтер, в Швеции – С.Риттенберг. Кроме того 15 русских поэтов и прозаиков – Г.Адамович, Ю.Анненков, Л.Червинская, И.Чиннов, А.Элькан, В.Корвин-Пиотровский, Г.Маковский, В.Мамченко, И.Одоевцева-Иванова, К.Померанцев, С.Прегель, Г.Раевский (Оцуп), Ю.Терапиано, А.Величковская и В.Злобин – записали свои произведения на магнитную ленту для будущей «Антологии эмигрантской поэзии и прозы». И. Одоевцева написала об этом начинании заметку в «Русской мысли»⁸⁵.

На протяжении всей поездки Иваск вел дневник: собранные материалы виделись ему основой исследования об акмеизме и акмеистах. В отчете о проекте говорится и о намеренье продолжить эту работу и взять интервью еще и у таких, живущих в Америке, авторов как Н.Берберова, А.Лурье, Г.Струве, И.Елагин и др. Весомая часть уже собранных материалов экспедиции, – в том числе некоторые расшифровки отдельных бесед, – находятся в архиве Центра Русских исследований в Амхерст-колледже в штате Массачусетс⁸⁶ и была опубликована Н. Богомоловым последовательно в 2003, 2008 и 2010 гг.⁸⁷ Дополнения будут возможны только после обнаружения магнитофонных бабин.

⁸⁴ Спонсорами проекта выступили Американский Совет научных обществ (American Council of Learned Societies), Фонд Элизабет Ваткинс при Канзасском университете и др. Датированный 12 октября 1960 года отчет об этом проекте, хранится в архиве «Воздушных путей» в Библиотеке Конгресса США (Library of Congress, Manuscript Reading Room, Coll.3775 “Vozdushnye Puti”, Box 6, f.1952). В Амхерсте, в личном архиве Ю.Иваска, имеется большой массив материалов, связанных с реализацией этого проекта (см.: Amherst College, Center for Russian Culture, Collection Ju.Ivask, Box.10, ff.4-10).

⁸⁵ Андрей Луганов [И. Одоевцева]. Звуковая антология. // РМ.1960. 13 авг. С.7.

⁸⁶ Amherst College. Center For Russian Culture: Collection Ju.Ivask, Box 10, ff.4-10.

⁸⁷ См. в его работах: Проект “акмеизм” // НЛЮ. 2003. № 58. С. 140-180; [Приложение] // Кафедра критики – своим юбилярам. Сборник в честь В.Г.Воздвиженского, Л.Ш.Вильчек, В.И.Новикова. М., 2008. С.23-32; Вокруг «серебряного века». Статьи и материалы. М. 2010. С.485-533.

В амхерстском⁸⁸ архиве Иваска хранится письмо от Н.Я. Мандельштам (коробка 15, папка 43). Оно написано черной шариковой ручкой, на бумаге в клеточку, вырванной из тетрадки на спиральках. Его, судя по всему, переслал Иваску Н.А.Струве, в архиве которого есть ксерокопия этого письма (по ней, очевидно, он и опубликовал само письмо в «Третьей книге» Н.Я.Мандельштам⁸⁹). Вот его полный текст:

Милый Юрий Павлович!

Очень была рада получить от Вас весточку. Сейчас О.М. есть в огромном количестве экземпляров – ксерокопии, конечно. Вы считаете вершиной О.М. «Венецию». Он считал центром «Стихи о неизвестном солдате». Я их не позволила напечатать в советском издании, потому что Харджиев (редактор) хотел тиснуть без последней строфы («И в кулак зажимая истертый...»). Дурак и скотина – я из Воронежа привезла ему рукопись (моей рукой), когда этой строфы еще не было... Советские издания ужасны. У Харджиева переставлено в «Камне» 44 стихотворения. Он не понимает, что «книга» – это целостная форма. Предлагал мне уничтожить все в архиве, что не подходит под его концепцию. К счастью, я вырвала у него архив – он уже на западе. Иначе его бы уничтожили.

Жаль, что нам не суждено встретиться и поговорить. Но я уже стара. Жизнь идет к концу...

Надежда Мандельштам

Я – церковница (еврейка, православная в 3 поколениях) и верующая. Благослови Вас Боже.

Привет Тамаре Георгиевне⁹⁰.

Далее, на отдельных листах, – пояснения Иваска (есть ранняя и поздняя редакции):

«Это письмо Надежды Яковлевны было написано осенью 1976 г. и передано мне одним из моих друзей, посетивших ее в Москве.

С Н.Я. я не встречался. Во Второй книге воспоминаний, изданных в 1972 г., она отнеслась ко мне насмешливо.

⁸⁸ Здесь хранится основной архив Ю.П.Иваска. Две части своего архива он продал еще при жизни в университеты Гарварда (письма М.Цветаевой) и Йеля (письма Н.Бердяева, П.Биццлли, А.Штейгера, А.Ульберга, Г.Адамовича, И.Бунина, Б.Зайцева).

⁸⁹ Мандельштам Н. Третья книга. Париж, 1987, с.332, с датировкой «осень 1976», по копии из архива Н.А.Струве.

⁹⁰ Тамара Георгиевна – жена Ю.П.Иваска.

Н.Я. цитирует из очерка Осипа Манделъштама Слово и культура (1921 г.): «Трава на петербургских улицах – первые победы девственного леса, который покроеет место современных городов... Наша кровь, наша музыка, наша государственность – все это найдет свое продолжение в нежном бытии новой природы...». Как мог наивнейший Иваск принять эти слова за утопию о будущем братстве? Чье братство – деревьев, камней, слоев земли? Ведь в этой статье – тут же – говорится о земле без людей». (Вторая книга, стр.131).

Здесь Н.Я. имеет в виду мой очерк о Манделъштаме «Дитя Европы» (Собр. сочинений Манделъштама, том III-ий, 1969): «Может быть, утраченное единство «арийцев» (Европы) было для него (Манделъштама) залогом будущего братства в «утопическом царстве» «новой природы Психеи» (Слово и культура) или «на святых островах», где «скрипучий труд не омрачает неба» (1919 г.)»

Готов повиниться в том, что неправильно истолковал статью Манделъштама Слово и культура. Отмечу лишь, что вообще исторический пессимизм, всякая апокалиптика были ему чужды...»

Далее следует еще одна фраза, но не на машинке, а от руки, и прочесть ее не представляется возможным.

Считается, что одновременно с этим письмом, Н.Я. прислала Н.Струве еще одно (оба сохранились в виде ксерокопии в архиве самого Н.Струве)⁹¹:

Милый Никита! Отправьте бумаги в Принстон или Иваску: Мачузетс, город Амхерст. Надо это сделать. Я не хочу Франции. И я имею на это право.

Надежда Манделъштам.

В архиве самого Н.А.Струве оба эти письма – в виде ксерокопии, объединены на одном листе. Между письмами, рукой Струве, приписка, относящаяся, видимо, к письму Н.Я. к Иваску: «*Оригинал у А.Н.Небольсина*»⁹².

Несколько слов и о датировке письма. Та, что дана Н.Струве при первой публикации и которую, похоже, повторяет Иваск в своем «ком-

⁹¹ Манделъштам Н. Третья книга. Париж, 1987. С.332.

⁹² Аркадий Небольсин был близким знакомым Ю.Иваска.

ментарии», а именно: «осень 1976», едва ли верна, если только исходить из одновременности писем Н.Я. к нему и к Ю.Иваску: ведь сам архив О.М. уже в июне 1976 года был в Принстоне. Более вероятной датировкой представляется «начало 1975», поскольку воля Н.Я. насчет передачи архива в Принстон еще достаточно расплывчата⁹³.

Это письмо Н.Я. было Иваску хорошо известно. Не без гордости он интерпретировал его как желание Н.Я. подарить свой архив лично ему, Иваску, о чем он пишет в письме к А.В.Бахраху, датируемым концом февраля 1981 года, Иваск отозвался о нем так: *«Великая НЯМ назвала меня в Восп<оминания>х наивным Иваском. Но года 4 т<ому> назад ее посетил мой лучший друг в США и, через свое обаяние, заразил моим... Она передала ему письмо – объявила меня хранителем всего пересланного лит<ературного> наследия ОЭМ, но оно оказалось в Принстоне и я туда иска не предьявлял. Там все лучшие сохраняется. А письмо, м.б., и опубликую»*

В восприятии Иваска О.М. был одновременно святомучеником и апостолом мировой культуры. В одном из писем к А.В.Бахраху (1978) он излагал это так: *«...Мандельштам звезден как Давид и Дант. Хотя не мог написать Псалмов и Божеств. Комедию. В этом виновата наша эпоха, а не Мандельштам...»*⁹⁴. В другом письме к тому же адресату (от 15.10.1979) он формулировал еще категоричней: *«...А выше благодать поэзии Мандельштама. Так я понимаю мое дело».*

Очень высоко ставя поэзию Г.Иванова, Иваск проводил четкую черту между ним и О.М.: *«О значении Мандельштама и Георгия Иванова спорить не хочу, но я уже давно, и не в частной беседе, провозгласил, как Папа ex cathedra⁹⁵: первый – maestro divino – великий поэт, а второй очень большой. В этом считаю себя непогрешимым»* (недатованное письмо к А.Бахраху, 2-я пол. 1980).

Эволюцию своего отношения к О.М. Иваск характеризовал так: *«В 30-х гг. и я думал, что Мандельштам – только для поэтов и даже (увы) в 50-х. Но вот доходяги чертили его стихи на барачных стенах. Его воронежские стихи учат наизусть все высшие математики в Москве»* (письмо Бахраху от 23 июля 1981 года).

⁹³ Возможно, уточнить это будет возможно по ознакомлении с письмом Н.А. Струве от 13.09.1975 (см.: Вох 15, Folder 45, л.21).

⁹⁴ Bachmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Bacherac Papers, Box 2.

⁹⁵ Правильно: ex cathedra

Мандельштам Иваск считал продолжателем традиции гуманистов в мировой и русской культуре. В письме к А.Бахраху от 25 июля 1979 года он объяснял это так: гуманист – это «...образованный человек, с ориентацией на светскую культуру, в особ<енно> классическую. Впервые реализовался в Петрарке. <...> В России, с разными поправками, можно назвать гуманистом Пушкина. Далее – это Мандельштам – и гуманист, и христианин. <...> После 1907 г. русское образованное общество (уже не интеллигенция...⁹⁶) шло к гуманизму, уже не безбожному, а божному и к культуре. Помешали проклятые большевики». Отождествляя при этом культуру и христианство, Иваск

На чем Ю.П.Иваск (как, впрочем, и Г.П.Струве) решительно настаивал, так это на истинном православии О.М. и Н.М. Откликаясь на смерть и похороны Н.М. он писал А.В.Бахраху 16 января 1981 года: «...Была НЯМ, иногда злющая, истинная христианка – выше всяких теплых православных. Не все это понимают. Мыслят шаблонами». И тут же обругал И.Бродского: «...Взбешен! В NY Review и Times (5.III.81) прочел статью Бродского на смерть НЯ М. Неплохо, умно, иногда даже сердечно, но от утаил православие обоих М-в, ибо оно в интеллект<уальном> хорошем обществе США неприлично! Сволочь!».

В конце февраля 1981 года он писал тому же корреспонденту: «...Я уверен, что ОЭМ не только православный, но и христ<ианский> Велikomученик». Впрочем, досталось и самому А.В.Бахраху: «...О НЯМ – хуже <имеется в виду очерк Бахраха, по-видимому, в РМ. – П.Н.>. Не заметили Вы ее молитвы об Осипе (в Мемуарах). Неисправимый позитивист, Вы не чувствуете величия обоих Мандельштамов. <...> Перечел: нет. Вы хорошо написали и заглавие прекрасное: НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА. Но не открылось Вам, как о.А.Шмеману и мне: Мандельштам равен Пушкину» (письмо от 6 марта 1981 года). И далее, об этом же: «...НЯМ была злющая великая христианка. Христианские смиренницы недостойны были бы мыть ее ноги.

Я отцу А.Шмеману: – Мандельштам равен Пушкину.

Ответ: – Лучшее, ближе...» (28 марта 1981)

⁹⁶ В другом письме (от 15.10.1979) Иваск пояснил: «Если Вы не позитивист, то кто Вы – человек эпохи позднего акмеизма... (хотя т.н. акмеизм едва ли существовал 15 лет). Интеллигентны, НО НЕ ИНТЕЛЛИГЕНТ. Им был Федотов, но не Вейдле. <...> Настоящая интеллигенция ИДЕЙНА и БЕСПОЧВЕННА – знаете эти золотые слова Федотова. Помню – Сиявский сказал при мне: интеллигент Мандельштам. Очень резануло».

В другом месте Иваск противопоставлял О.М. третьей эмиграции, которую сильно недолюбливал⁹⁷, чтобы не сказать не любил: *«Конечно, я сочувствую и диссидентам, н<отому> ч<то> они гонимые. Но нужно и другое – огонек культуры без политики. <...> А вот святой Мандельштам мечтал о мировой культуре»*

⁹⁷ Выделял из нее разве что только Д. Бобышева, Н. Коржавина, А. Цветкова и еще – *«Леню-математика, читающего М. по утрам»* (из письма к А.Бахраху от 5-6.8.1979). Ср. в письме от 25.7.1979: *«К нам всю зиму и весну ходил один аспирант 25 л. – высший математик, недавно из Одессы. Ночами решал головоломные задачи – а под утро читал Мандельштама...»*

МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЕ ДНИ И ВЕЧЕРА В АЛЬБИОНЕ И НОВОМ СВЕТЕ

Конференция в Лондоне

«Петух и лев, широкохмуры́й орел и ласковый медведь...» – это сквозь зубы процеженное “лев” – единственное, чем одарил Англию в своем замечательном «Зверинце» Осип Манделъштам. Боготворя Европу, почитая ее новою Элладой, – поэт решительно противопоставлял ей Англию. «Не любили раньше англичане, – утверждал он, – европейской сладостной земли...», и поэтому – «Ни любви, ни дружбы нам не надо Альбиона каменных гостей».

Тут процитирована ранняя редакция стихотворенья «Собирались эллины войною...», а заканчивалась она так:

...На священной памяти народа
Англичанин другом не слывет,
Развалит Европу их свобода,
Альбиона каменный приход.

Чем же «ответил» Альбион на этот выпад, на этот настороженный, недоверчивый взгляд, на это чуранье всего английского, включая язык (общеизвестно, что и Вальтера Скотта с Майн-Ридом Манделъштам «переводил» с французского)?

Ответил достойно – превосходным симпозиумом, организованным славистами Лондонского университета под патронажем Исая Берлина и Иосифа Бродского. Кажется, это самый основательный зарубежный отклик на столетие Осипа Эмильевича (в Москве, Ленинграде и Воронеже – прошли манделъштамовские конференции, в этих же городах установлены замечательные доски в его честь; наконец, родилось в юбилейные дни и Манделъштамовское общество).

Без риска ошибиться: конференция в Лондоне была самой яркой и самой цельной из всех. Жаль, конечно, что на нее не смогли приехать такие знатоки как Ральф Дутли и Ефим Эткинд из Парижа, Омре Ронен, Лазарь Флейшман и Борис Гаспаров из различных американских городов, и особенно жаль, что не прозвучали в Лондоне голоса тех,

без кого непредставимо русское мандельштамоведение – дрожащий шопот Александра Морозова и рокочущий баритон Владимира Микушевича...

Но вернемся к тем, кто счастливо оказался под массивным кубом светлого и, признаюсь, жутковатого снаружи университетского здания, с которого, говорят, Оруэлл списывал архитектуру своего Министерства Любви. Внутри же – уютно, удобно и неказенно: устроители (Диана Мейерс, Джулиан Грэффи, Робин Айзелвуд и другие) сделали для этого все возможное – и кое-что невозможное.

Конференцию открыл Иосиф Бродский – и словно закипела вода в ученом графине. Не покушаясь ни на чьи приемы и навыки, поэт продемонстрировал *свою* орудийность – силу поэтических мысли и интуиции: оставив аналитикам их анализы, сам же – переключился на жанр, который, кажется, тут же, по ходу дела, и создал, и назвал – жанр *«интуитивного синтеза»*. Ходом и высотой своей мысли Бродский задал тот уровень и тот тон, углубляться вниз или в сторону от которых было бы стыдно, потому что уж очень заметно. Говорил он о двух стихотворениях – «С миром державным я был лишь ребячески связан...» и «Золотистого меда струя так тягуче и долго текла...». Начало первого он воспринял как заполнение своеобразной анкеты, тайная цель которой – тест на совместимость со временем. Здесь, как и во многих других стихах Мандельштама, слышен «наивный фальцет ребенка»: в упор, не отводя глаз, смотрел поэт на мир, на свой город, на «тех европейнок нежных» – чистыми, незамутненными глазами ребенка и вместе с тем глазами усталого и измученного веком человека, буквально только что, днями встретившего свое 40-летие...

Отвечая на вопросы, Бродский разразился вдохновенной импровизацией и по поводу третьего, своего самого любимого у Мандельштама, стихотворения – «Сохрани мою речь навсегда...» (заметим, что по ходу прений Бродский подвергал своему интуитивному синтезу по меньшей мере 10-12 стихотворений – не контур ли это будущей книги поэтических комментариев к Мандельштаму, наподобие набоковского комментария к «Евгению Онегину»?).

Вальяжность позы, незажженная сигаретка между пальцами и даже английская какая-то огласовка никого в заблуждение не ввели. Взволнованная, запинаящаяся в поисках нужного слова, мгновенная и очень живая, личная реакция на все сказанное с головой выдавали

в Бродском не «нобелевского мэтра» (хоть и не отказать ему в уверенности в себе и своем), а блестящего русского поэта, неожиданно оказавшегося в какой-то особенно родной и драгоценной атмосфере.

Что это была за атмосфера? Юрий Левин признался, что происходящее в зале заставило его вспомнить конец 60-х годов – самый расцвет «кухонного мандельштамоведения», когда в импровизированно-семинарском табачном чаду закладывались основы не одного, а нескольких направлений исследований творчества Мандельштама.

Созвездие имен, собранных конференцией, впечатляет уже само по себе: Илья Серман, Роман Тименчик, Дмитрий Сегал и Самуил Шварцбанд из Израиля, Бенгт Янгфельдт из Швеции, Никита Струве из Франции, Ганс Роте из Германии, Чарльз Айзенберг и Джон Мальмстад из США, Сергей Аверинцев, Михаил Гаспаров, Вячеслав Иванов, Георгий Левинтон, Александр Мец и др. из СССР. Докладами были представлены едва ли не все существующие подходы, кроме разве что *исторической поэтики* Александра Морозова.

Как и следовало ожидать, многие доклады относились к интертекстуальной поэтике, где исследователь ищет – и во множестве находит – косяки разнообразных литературных подтекстов и аллюзий. Такого рода поиск, как правило, замкнут на эльмовские огоньки единичных слово- и фразеупотреблений и сильно зависит от эрудиции и остроумия исследователя, хоть проводи по интертекстуальности уимблдонские турниры. Зато – и конференция это еще раз подтвердила – все чаще обходятся без концептуального, целостного прочтения и понимания стихотворения (попытку вернуться к основам этого подхода, то есть к установлению связей между мандельштамовскими и чужими произведениями на уровне именно целостного смысла тех и других предпринял едва ли не один Л.Кацис, доказывавший прямое влияние на «Стихи о неизвестном солдате» байроновской поэмы «Видение суда»).

Разумеется, подтексты можно искать и находить не только в литературном, но и в историческом процессе. Иногда это сводится к поиску прототипов (своего рода скрытых адресатов) стихотворений, но и здесь та же опасность. Так, высказанные одним из докладчиков предположения о связи между «вождем, в слезах берущем на себя бремя власти» и патриархом Тихоном, выдерживают от силы лишь первые пять строк этой загадочной «Оды миру». Тот же Бродский говорил об опасности встраиванию поэта в историю или, что еще спекулятив-

ней, в конфессию: мир поэта и природа его дара таковы, что в рамках конфессионального канона подлинному поэту будет заведомо тесно, недаром мандельштамовский космос включает в себя значительные элементы и эллинского, и иудейского, и православного, и католического миров.

Это заставило профессора Дмитрия Сегала из Иерусалимского университета сделать остроумную оговорку, что предмет его занятий – своего рода реконструкция встраивания не поэта в историю, а истории в Мандельштама. В этой связи очень интересным показался доклад отсутствовавшего на конференции Бориса Гаспарова под шекочущим слух названием “Извиняюсь!” – доклад, посвященный не событийной, а глубинной оппозиции между критиком-пуританистом А.Горнфельдом и О.Мандельштамом.

На конференции обсуждались и столь важные (хотя бы в чисто издательском ракурсе) вещи как композиция поздних стихов Мандельштама, метрические циклы поэта. Больше всего говорилось, пожалуй, о двух стихотворениях – «матках», соответственно, второй и третьей воронежских тетрадей: об оде Сталину и «Стихах о неизвестном солдате». Кажется, отношение к «Оде» понемногу меняется: ее не просто принимают всерьез, но и видят в ней одну из вершин («не провал, а промер»).

Событием, взволновавшем конференцию, стало заявление Левина: он де приехал в Лондон лишь для того, чтобы прилюдно заявить о своем отказе от дальнейших исследований творчества Мандельштама – ввиду крайней несимпатичности и неподходящести, на его взгляд, для таких занятий соответствующего настоящего времени. Сказанное, – и стоило ли для этого ехать так далеко? – настолько расходилось с происходящим и настолько противоречило левинскому же – процитированному выше – суждению о возрождении в Лондоне старинного московского духа кухонного мандельштамоведения, что «никакой неловкости не произошло». Как бы то ни было, но общую озабоченность выразил Роман Тименчик, призвавший Левина не покидать взрастившее его лоно поэтического анализа.

Заявление Ю.Левина примечательно, как мне кажется, еще и тем, что лишний раз доказало: Мандельштам – не академическая, не филологическая проблема, это сгусток поэтической, почти пророческой энергии, лично затрагивающей и «царапающей» каждого читателя. И

недаром его строчки о Нагорном Карабахе и об «аравийском месиве, крошеве» как бы просятся в эпиграфы ко вчерашним и нынешним историческим катаклизмам – такова уж природа поэтического гения.

Конференция в Нью-Йорке

В свете того, что мы знаем о взаимоотношениях Манделъштама и Америки, инициатива, с которой выступил президент Центра современной русской культуры (Джерси-сити, штат Нью-Джерси) Александр Глезер, а именно: провести манделъштамовскую конференцию, одну из завершающих юбилейный год, в Америке, – более чем закономерна и уместна (ранее конференции прошли в Москве, Ленинграде, Лондоне и Воронеже). Таковая и состоялась 16 ноября 1991 года в Хантер-колледже (Нью-Йорк) – небольшая, в одно заседание.

По-своему знаменательно и то, что почти все доклады были посвящены «позднему» Манделъштаму, его стихам 30-х годов. Павел Нерлер (Москва) охарактеризовал этот период в целом; Нэнси Поллак (Корнельский университет, Итака) проанализировала стихотворение «Не у меня, не у тебя — у них...» и обозначила вехи еврейской темы в воронежских стихах Манделъштама; Александр Кушнер (Петербург) тонко разобрал стихотворение «Исполню дымчатый обряд...». Евгений Сидоров (Москва) проследил — от А.Фета до И.Бродского — эволюцию темы «бабочки» в русской поэзии: с Манделъштамом пришло переосмысление ее семантики — и на смену порханию и легкомыслию пришли умирание и сама смерть. Евгений Рейн (Москва) проследил переосмысление поэтом такого понятия, как «бессонница». Обрамленный множеством цитат из десятков философов и поэтов доклад Ян Пробштейна (Хантер-колледж, Нью-Йорк) был посвящен «Грифельной оде» — стихотворению 1923 года, как бы предварившему собой грядущий сдвиг в поэтике «позднего» Манделъштама. Также был оглашен доклад Петра Вегина (Лос-Анджелес) под названием «Щегол заледенелый...». Ряд докладов вызвал оживленную дискуссию; кроме самих докладчиков, в ней активно участвовали Соломон Волков (Нью-Йорк) и Елена Алексеева (Принстон).

Участвовали бы, вероятно, и другие, но мало кто в США знал о том, что такая конференция состоится...

Мандельштамовские дни в Принстоне (Четверть века пребывания архива Осипа Мандельштама в Новом Свете)

Позади двадцатый век – могильщик полудюжины мировых империй, в том числе российской и советской. Слава и позор перемешались в нем так, что не всегда и отличишь. Но среди неоспоримо прекрасно-го, что подарила *urbī i orbī* Россия вчерашнего столетия – ее поэзия.

Имя Осипа Мандельштама – тут одно из самых осиянных и возвышенных. Оно не спит глаза и не возвышается над остальными, как Пушкин в поэзии XIX века, а тесно жметя к другим гениям своего века – Блоку, Ахматовой, Пастернаку, Маяковскому, Цветаевой... На их фоне Мандельштам выделяется разве что гармонической цельностью поэтической речи и трагической цельностью судьбы.

Обращаясь к своим собеседникам и читателям, где бы и когда бы они ни находились, он обронил: «Сохрани мою речь навсегда...».

Что это – просьба? приказ? мольба? заклинание?

Надежда Яковлевна поняла это буквально, и, рискуя всем, – сберегла стихи мужа для всех нас. Это стало делом ее жизни и подвигом ее памяти. Но не только памяти: ведь стихи – это еще и архив: рукописи, черновики, наброски...

Не счастье испытаний, выпавших на долю самого Мандельштама, но немало опустошительных ударов претерпел и его бездомный архив. И все-таки он уцелел – несмотря на аресты и гибель хозяина, несмотря на страшную войну, несмотря на неприкаемую жизнь его вдовы.

Непреходящий страх за судьбу архива подтолкнул Надежду Яковлевну к нелегко ей давшемуся решению – во имя безопасности и сохранности чудом в СССР уцелевшего, переправить архив на Запад. Крайне рискованный по тем временам замысел удался в 1973 году, и три года чемодан с архивом-кочевником провёл в Париже.

Но не Старому, а Новому Свету суждено было стать последним пристанищем этого архива: в качестве окончательного места его хранения Надежда Яковлевна выбрала Принстонский университет.

С той поры, как эта воля вдовы поэта была исполнена, минуло уже 25 лет. За эти четверть века Осип Мандельштам стал известен решительно всем, он издан и на чужбине, и на родине. В Москве успешно действует Мандельштамовское общество, а Принстон уже превратил-

ся в Мекку не только для ядерных физиков, но и для славистов-филологов: хранящийся здесь мандельштамовский архив все больше и больше вовлекается в посмертную судьбу поэта, в работу над изданием его произведений.

Из числа неоспоримых тому доказательств – своеобразные «Мандельштамовские дни в Принстоне». Ее составные части – выставка и международная конференция – объединены общим заглавием – «Наследие Мандельштама».

* * *

Первою – 5 октября 2001 года – открылась выставка, развернутая в фойе Отдела рукописей и редких книг Файерстоунской библиотеки Принстонского университета и подготовленная куратором Славянского отделения библиотеки Ниной Шапиро (при полном содействии заведующего отделом рукописей и редких книг Дона Скемера)⁹⁸. В экспозиции – около двух десятков объектов, среди них поэтические и прозаические автографы разных лет, знаменитые «каблуковский» «Камень» 1916 года и «Стихотворения» 1928 года с авторской правкой, подаренные Н.Е.Штемпель, альбом воронежского периода («Наташина книга»), фотографии Осипа Эмильевича и Надежды Яковлевны, ее последнее не отправленное письмо к мужу. На приеме, данном Файерстоунской библиотекой в честь открытия выставки, выступили ее директор К.Трэнер и пишущий эти строки, заместитель председателя Мандельштамовского общества.

Суббота и воскресенье 6 и 7 октября были днями заседаний конференции, организаторами которой выступили Славянское отделение (Майкл Вахтель и Ольга Хэсти) и Мандельштамовское общество (Павел Нерлер и Марина Соколова), а спонсорами – вашингтонский Институт Кеннана и различные подразделения Принстонского университета. Конференция шла на двух языках – русском и английском.

Первый день был посвящен биографии поэта и истории его архива. Он начался серией мемуаров о дарительнице мандельштамовского архива – о «неописуемой» Надежде Яковлевне. С ними выступили западные слависты, приехавшие в 1960-е и 1970-е гг. в Москву и посе-

⁹⁸ Мандельштамовская выставка была открыта для широкой публики до 31 октября 2001 г.

шавшие Н.Я. в ее безразмерной кухонке в крошечной однокомнатной квартире на Большой Черемушкинской улице – Джон Мальмстад, Кларенс Браун и Пеги Труппин.

К сожалению, Кларенс Браун, фактический первооткрыватель Мандельштама для англоязычного читателя, недавно переехал из Принстона в Сиэтл и не смог приехать на конференцию (его воспоминания зачитала К.Эмерсон). А ведь именно он, вместе с Никитой Струве и Эллиотом Моссманом, и являлись главными актерами события, юбилею которого была посвящена конференция.

Когда Н.Я. спросила молоденького Мальмстада, приехавшего в Москву писать диссертацию об А.Белом, почему он ее совершенно не спрашивает о Мандельштаме, тот нашелся и ответил: «А меня нет умных вопросов», – чем ее очень развеселил: «По крайней мере Вы откровенны». Во всех воспоминаниях был еще одно незримое действующее лицо – это КГБ. Нередко, вручая Брауну письмо или книгу, Н.Я. делала незабываемый жест глазами и очень отчетливо произносила – для стен: «Кларенс, я передумала: пожалуй, я не буду посылать с Вами книгу!». Пегги Труппин нашла для Н.Я. необычайно емкое и точное определение: «Импрессарио моих российских переживаний». Интересные детали поведал и Джеймс Мэтлок, работавший в те годы в московском посольстве США. Независимо от ранга и сана своих собеседников, Н.Я. обожала их ошарашивать, и когда Мэтлок однажды заговорил с ней по-русски, она тут же перешла на английский и спросила: «Почему Вы говорите на этом языке рабов?».

На биографической секции Олег Лекманов (Москва) рассуждал о том, что все биографические свидетельства и факты (а нередко, по сути, и мифологемы) должны быть собраны и аккуратно положены рядом, а читатель сам разберется, сам отделит зерна от плевелов. Если это своего рода кредо, то чем же тогда биография будет отличаться от «Трудов и дней» а ля Вересаев? Концептуальность (не путать с концептуализмом, одним из бесчисленных чад постмодернизма, этой интеллектуальной то ли ветрянки, то ли чумы), то есть подразумевающая наличие критериев система взглядов, столь же необходима биографу, как и полнота знаний о герое или честность обращения с фактами. Если же это не кредо, а всего лишь необходимый рабочий момент, то успех или не-успех замысла возвращается в лоно зависимости от самого естественного и сурового – меры талантливости его исполнения.

Андрей Устинов (Сан-Франциско) призвал собравшихся вкладывать крупицы опыта и знаний в «коллективную биографию Мандельштама». Его собственной крупницей стали рассуждения вокруг исключения поэта из ленинградского отделения Союза Поэтов 30 сентября 1929 года и сводка интереснейших сведений о соседе Мандельштама по Дому Герцена в 1922-1923 гг. Николае Бернере.

Особенно плотной была секция, посвященная судьбе и истории архива поэта. Ее открыла Софья Ивич-Богатырева, рассказавшая о том времени, когда архив находился на хранении у ее отца. Следующие три доклада, по существу, были частями единого целого выступления. Сначала пишущий эти строки коротко рассказал об истории мандельштамовского архива, в том числе и о событиях, предшествовавших его попаданию в Принстон (для чего ему пришлось в 1973 и 1976 гг. с трепетом пересечь как минимум две государственные границы – советскую и французскую). То, что Н.Я. передала в Принстон, составляет примерно половину того, что осталось после Мандельштама, и доклад М.Соколовой как раз и был посвящен второй половине, главным образом, российским государственным и частным коллекциям. «Коллективный архив» Мандельштама хотя и не велик, но все же тянет листов так тысяч на семь. Собрать его воедино – очень важная, очень трудная, но еще и очень красивая задача, и единственным местом, где такая встреча могла бы и впрямь состояться, является интернет. О том, как можно подступиться к этой задаче концептуально и технологически рассказал и на широкой стене конференц-зала показал Владимир Литвинов (Снежинск; среди соавторов данного сообщения был и Константин Вигурский, один из разработчиков электронных научных изданий Пушкина, Грибоедова и др.).

Манифестацией того, чем может послужить для текстологов и интерпретаторов Мандельштама его принстонский архив, стали несколько других докладов. В частности, Сергей Василенко (Москва) уже давно работает над реконструкцией мандельштамовских текстов, и, не ограничившись заявленным в программе «Путешествием в Армению», он представил собравшимся широкую палитру своих промежуточных результатов – текстологических новаций, которые без преувеличения означали бы подлинную революцию в текстологии и читательском сознании (например, вместо «раздражают прах веков» – «изумили сон веков» и т.д.). Недостатка в смелости у него нет, но настроенное на

привычного Мандельштама ухо в большинстве случаев царапается и сильно сопротивляется. В дискуссии Михаил Гаспаров напомнил собравшимся о ремизовском предложении отказаться от канонического текста, заменив его тем, что он называл – «облюбованный». В конце концов прозвучала смиренная общая просьба к Василенко не торопиться с публикацией своих открытий, а подготовить большую статью с обоснованием каждого пересмотренного им случая.

На принстонском архиве базировалась и Елена Алексеева (Принстон), давшая себе труд спроецировать харджиевское издание «Библиотеки поэта» 1973 года на принстонский архив. Различая принципиально рукописи О.М. «холостого» и «женатого» – то есть работающего с голоса (в результате чего списки Н.Я., сделанные при жизни О.М., у Харджиева шли на правах автографов), докладчица отметила разную степень почтения текстолога к имевшимся в его распоряжении текстам, вплоть до контаминации или игнорирования им тех или иных источников в случае «женатого» поэта. Не забывая всякий раз расшаркиваться перед Н.Я., Харджиев не уставал вместе с тем и попенять ей, укоряя в неполноте или неточности журнальных публикаций 1960-х гг. (однако, возразим, не одна Н.Я. была публикатором тех лет). В ходе дискуссии многие вступились за Николая Ивановича, в том числе и по другим поводам: остроумное замечание сделал Юрий Фрейдин (Москва), усмотревший в лобовом столкновении текста и автографа «Чернозема» тонкий харджиевский умысел. Доклад завершился славным апокрифом, рассказанным Эдуардом Бабаевым: отправляя на почте в «Библиотеку поэта» бандероль с издательской рукописью Мандельштама, Харджиев настоял, чтобы на ней вместо объявленной ценности поставили: «Бесценная».

Второй день конференции был отдан на откуп исследованиям поэтики. Назвал свой доклад «Мандельштам и сельское хозяйство», Борис Гаспаров (Нью-Йорк) посвятил его своеобразной экологической диалектике «сухого» и «мокрого» у Мандельштама, сделав естественный в таком случае акцент на черноземных воронежских стихах поэта-единоличника. Попутно он обозначил целый пласт «широких естественно-научных интересов» Мандельштама, куда как менее исследованный по сравнению с геологией или биологией.

Доклад Юрия Фрейдина о проблеме внутреннего и внешнего подтекста у Мандельштама был сконцентрирован на выявлении микро-

подтекстов Манделъштама, а именно – фонетических. Фонетические подтексты – это «просвечивающие слова», как бы, а иногда и буквально отброшенные поэтом варианты. Их смысл нередко, по закону сохранности черновика, может быть обнаружен в оттенках значений оставленных в беловике слов.

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон, Висконсин) по традиции говорил о традиции интертекстуальности применительно к манделъштамовскому творчеству. Вместе с тем с каждой новой конференцией реальное значение этой достойной парадигмы в понимании Манделъштама ослабевает: образ поэта, просиживающего штаны в библиотеках до их закрытия и бегущего домой лишь затем, чтобы ввинтить только что вычитанные ассоциации в натянутый на пюпитре черновик, за последние время поблек.

Самуэль Гольдберг (Дэвидсон, Сев. Каролина) рассуждал о проблеме освоения Манделъштамом в Камне и *Tristia* поэтического наследства «мифопоэтического символизма», а Нэнси Поллак (Итака) вышивала полотно смыслов вокруг Елены и Не-Елены («другой» Елены) у Манделъштама и Пастернака.

Михаил Гаспаров (Москва) разобрал перевод 219-го сонета Петрарки. Опираясь на принстонский архив, он выявил три его редакции и измерил параметры их точности и вольности. От редакции к редакции вольность у Манделъштама нарастала. Рифмуя катрены на «олени», он подтягивал к ним рифму – и чем дальше, тем насильственней. Главное для Манделъштама – сосредоточенность на предельно сильном выражении каждого отдельного момента при ослаблении внимания к согласованию разных моментов. Это, а также усиление динамичности и вещественности, – суть признаки барокко! Манделъштам не был ни хранителем, ни оплакивателем культуры, и, среди культурных бурь, ему не был чужд и пафос экспроприаторов. Его собственный пафос: не отвергать новое, не бороться с ним, а европеизировать его, не лелеять искусство прошлого или его останки, а растить из них то самое новое. Он хотел нового Петрарку – и создавал его сам, для чего барокко, конечно же, много сподручнее классицизма.

Ю.Заранкина (Принстон) еще раз проследила батюшковские коннотации в творчестве Манделъштама и их связь с прекрасными итальянцами. Неожиданно в разговор вмешался Николай Богомолов (Москва), предпринявший попытку развести «Батюшкова» с Москвой

и Батюшковым, предлагая взамен Царское Село и Гумилева, что вызвало определенное сопротивление, в частности, у Лекманова.

В своем собственном докладе Богомоллов продолжил ту же линию, показав неосновательность мнения о падении в 30-е годы любви Мандельштама к Гумилеву или хотя бы интереса к творчеству. Даже «Путешествие в Армению», в его понимании, пронизано ощущениями от гумилевской смерти в не меньшей степени, чем от смерти Маяковского.

Три заключительных доклада были посвящены не столько влиянию других на Мандельштама, сколько влиянию Мандельштама на других. Так, Александр Кобринский (Санкт-Петербург) говорил о В.Шершеневиче как об имажинисте, наиболее близком к акмеизму, чье творческое кредо оказалось в высокой степени сближенным с названием его собственного сборника («Чужие песни», 1911). Нина Хрущева (Нью-Йорк) напомнила, что Набоков в литературе, кроме себя, ценил и выделял всего лишь троих литераторов – Пушкина, Ходасевича и Мандельштама. При этом о последнем он всегда делал характерную оговорку в том плане, что трагическая его судьба сделала его поэтом куда более значительным, чем он на самом деле есть. Интересен и разобраный Михаилом Эскиным (Нью-Йорк) случай берлинского поэта Д.Грюнбайна – представителя не только иной эпохи, чем та, в которой жил Мандельштам, но и другой языковой стихии (тут уместно вспомнить и о Поле Целане).

Состав участников конференции обещал высокий уровень докладов и дискуссии на конференции, и эти ожидания оправдались. А главных организаторов мандельштамовских дней в Принстоне – М.Вахтеля, О.Хэсти и Н.Шапиро – остается еще раз поблагодарить, в том числе и за то, что они не поддались соблазну отменить ее после событий 11 сентября.

P.S. Два вечера и книжная выставка в Нью-Йорке в 1961 и 1963 гг.

Стоит заметить, что первые публичные мероприятия в США, посвященные О.М., состоялись не в 1991 году, а тридцатью годами ранее.

30 октября 1961 года в Славянском отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки (им тогда руководил эстонский поэт и переводчик

Алексис Раннит⁹⁹) открылась выставка, посвященной творчеству Мандельштама. На ней экспонировались различные портреты поэта, его прижизненные и посмертные издания О.М. На самых видных местах были однотомник 1955 года и вторая – «мандельштамовская» – книжка альманаха «Воздушные пути»¹⁰⁰: именно ее выход в конце мая 1961 года послужил основным поводом для организации.

Выставка продлилась почти год – до 9 февраля 1962 года – и завершилась вечером памяти поэта¹⁰¹. Основной доклад прочел Алексис Раннит, к этому времени перебравшийся в Нью-Хэйвен, где стал заведующим славянскими фондами в Йельском университете. Кроме него выступали польский поэт Иосиф (Юзеф) Виттлин¹⁰² и американский литературовед и писатель Джонсон¹⁰³.

Спустя полтора года в Нью-Йорке состоялся большой «Литературный вечер в честь великого русского поэта Осипа Мандельштама», организованный Американским отделением Центра писателей в изгнании при Международном Пен-клубе¹⁰⁴. Он состоялся 13 марта 1964 года в аудитории Доннел-центра в Манхэттене¹⁰⁵ и собрал сотни слушателей, среди которых был и Б.Ф.¹⁰⁶

⁹⁹ Ранит Алексис (наст. имя – Долгошев Алексей Константинович; 1914 – 1985) – искусствовед, филолог, библиограф и журналист. В годы войны – в оккупированном Каунасе, где служил библиотекарем в Центральной государственной библиотеке Литвы. В 1944 г. эмигрировал в Германию, в 1953 г. – в США. Куратор славянских коллекций в Нью-Йоркской публичной библиотеке (1954 – 1960) и в Йельском университете.

¹⁰⁰ См. о нем отдельную статью.

¹⁰¹ См.: Андрей Луганов [Одоевцева И.] Вечер памяти Осипа Мандельштама // РМ. 1961, 29 июня.

¹⁰² Виттлин Юзеф (1896 – 1976) – известный польский поэт, прозаик, эссеист и мемуарист, друг Й. Рота и Р.-М. Рильке. Член поэтической группы «Скамандр» (вместе с Ю.Тувимом Я. Ивашкевичем и др.). Активный пацифист, автор антивоенного романа «Соль земли». Начало Второй мировой войны застало его в Париже, после капитуляции Франции – с 1941 г. – в США, в Нью-Йорке. Сотрудник «Свободной Европы», газеты «Культура» Гедройца, один из основоположников секции писателей-эмигрантов в составе международного ПЕН-Центра.

¹⁰³ Сведениями не располагаем.

¹⁰⁴ Его председателем был в то время все тот же А. Раннит, эстонский поэт и переводчик, преподававший в Йельском университете. См. программку вечера: Amherst College. Center For Russian Culture: Collection Ju.Ivask, Box 15, f. 48, Л.79. См. также: З[авалишин В.] Вечер памяти Мандельштама // НРС. 1964. 17 марта.

¹⁰⁵ Auditorium, Donnel Center, 20th West 53rd Street, New York City.

¹⁰⁶ Браун предупредил БФ о самом вечере в письме от 3.4.1964.

Вел вечер польский писатель Александр Янта¹⁰⁷. Первым, со вступительным словом, выступил все тот же Алексис Раннит. На двух языках звучали стихи О.М. – «Фрагменты» 1932 года, «Ленинград» и «Tristia». По-английски (первое стихотворение в переводе Роберта Лоуэлла, остальные – в переводах Питера Рассела) их прочел Джозеф Даубенас, а по-русски – артист Юлий Козловский. Звучала фортепьянная музыка: произведения Баха, Скарлатти и Шопена исполнил Донн-Александр Фидер.

Но ядром вечера стал доклад Кларенса Брауна «Тайная свобода Осипа Манделштама», вскоре после этого напечатанный на русском языке в «Новом журнале». По-английски он вышел в первом томе Собрании сочинения О.М. в 1965 году, и сама идея привлечения К.Брауна к этому изданию в качестве автора одной из вступительных статей родилась именно на этом вечере.

¹⁰⁷ Янта-Полчинский Александр (1908–1974) – польский поэт и журналист. публицист. С 1939 г. Во Франции; воевал в составе польской дивизии гренадеров, участник Сопротивления. После войны остался в Европе, сотрудничал с «Культурой» Е. Гедройца, после переезда в США и как американский корреспондент журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	4
Мандельштам и Америка.....	8
Материалы об О.Э.Мандельштаме в американских архивах.....	27
К истории издания первого собрания сочинений О.Э.Мандельштама (по материалам переписки Б.А.Филиппова и Г.П.Струве).....	43
На воздушных путях: о распространении вестей и о невидимой стороне тамиздата	195
Явление позднего Мандельштама читателю: «Воздушные пути»	210
Юрий Иваск и благодать поэзии	231
Мандельштамовские дни и вечера в Альбионе и Новом Свете	239

Научное издание

Павел НЕРЛЕР

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И АМЕРИКА

*В оформлении книги использованы обложки собраний сочинений
О.Э. Мандельштама, выходивших в США.
Автор силуэта на обложке С.Л. Голлербах*

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка А. Х. Ардеев
Дизайн обложки М. А. Ермолин

Подписано в печать 16.04.12
Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л. 14,76. Уч.-изд.л. 12,81.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж 250 экз. Заказ 87.

Издательство «Вердана»
109507, Москва, Самаркандский бул. д.17/3

Отпечатано в типографии «ПРИНТ-ФОРМУЛА»
121165, Москва, Можайский пер. д.3